

Рафаэль МОВСЕСЯН

ПОД КРИВОЙ ВОДОЙ

Роман

*Посвящается той нити,
что связывает
наших родителей с нами
и нас с нашими детьми.
Моим родителям и детям.*

*...Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь
Осип Мандельштам*

*И заповедал Господь Бог человеку, говоря:
от всякого дерева в саду ты будешь есть,
а от дерева познания добра и зла не ешь от него,
ибо в день, в который ты вкусишь от него,
смертью умрешь.
Бытие, 2:16-17*

Первая часть

Вся его фигура напоминала изломанную ветку: заточенный нос, кадык, угловатые плечи, острые локти и колени. Когда он хмурился, высокий лоб изрезывался многочисленными линиями. Казалось, если положить это узкое лицо щекой на поверхность озера, то оно неспешно поплывет точно высохший лист.

Мужчина, положив нога на ногу, сидел в глубоком велюровом кресле и сосредоточенно водил по странице длинным пальцем. Пахло цитрусами. Женская рука поставила на журнальный столик тарелку с очищенным апельсином. Марина захватила двумя пальцами дольку и опустилась в кресло, которое стояло в шаге от первого. Через минуту безмолвия хозяйка дома, наконец, нарушила тишину, осторожно напомнив мужу, что они давно не занимались любовью. Виктор поднял глаза и ответил: для таких дел она может купить себе робота. Он не против.

– А тебе не кажется, что это против твоих убеждений? – спросила Марина без вызова.

Рафаэль Мовсесян родился в 1987 году в Ереване. Дипломат, работает в МИД Республики Армения. Окончил Московский государственный лингвистический университет (иняз) по двум специальностям – юрист и переводчик, ВЛК при Литературном институте им. Горького, Дипломатическую школу при МИД Республики Армения. Автор книги стихов «По праву зрения» (издательство «СТИХИ», 2017). Публиковался в журналах «Арион», «Знамя», «Новая Юность», «Дружба народов», «Гвидеон», «Радуга», «Литературная Армения» и др. Победитель Всероссийского поэтического конкурса им. Николая Рубцова (2009), финалист поэтического Гала-турнира «Пушкин в Британии» (Лондон, 2013). В «Волге» публиковались проза (2015) и стихи (2013, 2016).

– Не кажется.

– А мне вот кажется. Человек, который борется против технологического прогресса, предлагает жене кувыряться с роботом. Не видишь проблемку?

Виктор набрал в рот воды из океана и раздраженно уставился в пол.

– И ты, кстати, до сих пор не убрал палец со своей книги... Просто прошу тебя: займись чем-нибудь.

– Я всегда полагал, что чтение – это занятие.

– Ты так совсем с ума сойдешь. Я же вижу.

– Что же ты видишь?

– Я вижу, что ты просишь помощи.

– Я читаю книгу.

– Нет, ты просишь помощи. Ты просишь помощи у всех подряд, у всего подряд. Сейчас – у книги.

Виктор, сдавшись, опрокинул голову на спинку кресла.

– Марина, что ты хочешь от меня?

Женщина выдержала небольшую паузу, после чего сказала:

– Дочка одной моей подруги с работы хочет заниматься философией...

– Да что же ты будешь делать! Вот куда все шло. Теперь ясно. Все встало на свои места. Пусть дочка твоей подруги зайдет в интернет и запишется на курсы. Там их сотни! Полагаю, это не сложно.

– Да будет вам известно, мистер «полагаю», что она не хочет онлайн. Она хочет изучать философию на природе – как ты и любишь!

– Если эта девочка считает себя Александром Македонским, пусть найдет себе другого Аристотеля.

– А вот ты уже и шутишь! Согласись. Прошу тебя. Подумай об этом, и ты наверняка согласишься! Я же знаю, что ты хочешь преподавать. Просто подумай.

– Но не ребенку же в лесу! Достаточно.

Захлопнув книгу, мужчина резко встал и пошел в свой кабинет, где можно было хотя бы на время укрыться от добра и зла, жены и апельсинов.

*

Ближе к полуночи Виктор в легкой куртке вышел во двор. Система управления домом София закрыла за ним послушную дверь. На улице мужчина остановился и глубоко вздохнул. Он положил руки в карманы и уставился на мошкар, которая суежилась в нежной струе фонарного света.

Виктор побрел в сторону рощи. Как давно он не прогуливался в темное время суток! Как же хорошо сейчас было дышать! Мужчина поймал себя на мысли, что в последнее время беспрестанно о чем-то думает, но совсем не размышляет – схватив идею, сразу же бросает ее и берется за новую. Как бы делает шаг и спотыкается; потом смотрит на свои ботинки, перевязывает шнурки и забывает, куда шел.

Вокруг не было ни души, и заскучавший воздух с почтением расступался перед идущим. Вдруг на узком запястье задрожал браслет – Система Города предупреждала путника, что роща охраняется государством. Указательный палец привычным движением скрыл текст.

Виктор почти вплотную приблизился к деревьям и встал как вкопанный. Впереди, между кленами – кромешная тьма. Лицо его исказилось. Едва он переставил ногу, как снова замер – животный страх выскочил из рощи и проник внутрь через серо-голубые глаза. Чужеземец целиком отдался этому неистовому чувству. Какая-то сила необъяснимо заставляла желать еще больше страха – чтобы раствориться в нем, познать весь его бесконечный ужас. Мужчина присел на одно колено и зажмурился. Земля, на которую легла ладонь, оказалась неожиданно холодной и злой. Воображение вылепило косматое чудовище, что стоит прямо здесь, между стволами, и почти в

упор глядит на человека. Шерсть его – жесткая, глаза – не моргают. В нос ударил исходящий от чудовища смрад, и тогда совершенный страх, наконец, сошел на Виктора.

*

Хозяин дома открыл глаза в половине одиннадцатого и осознал, что давно так хорошо не высыпался. То, что случилось вчера, теперь казалось далеким сном, но встреча с монстром кое-что изменила: овладев Виктором, бог страха, точно хирург, вырезал из человека разрастающуюся опухоль, зашил рану и ушел к следующему пациенту. Мужчина сел в постели. Что это была за опухоль? Он попытался разобраться в своем новом состоянии, но не сумел.

Марина уехала пару часов назад. Она работала инженером по восстановлению окружающей среды и часто бывала в разъездах. На прикроватной тумбе Виктор заметил записку, написанную, как он любил, от руки – карандашом на тетрадном листе. Жена оставила номер телефона с именем и нарисовала дюжину сердечек. Бывший преподаватель покачал головой, но то предложение, которое он отверг вчера, нынче казалось привлекательным. В тапочках, с запиской в ладони хозяин дома зашаркал на кухню, где налил в стакан воды из кувшина.

– Доброе утро, София.

– Доброе утро.

– Добавь новый контакт.

Виктор вслух прочитал записанные цифры и сделал несколько глотков.

– Данный номер уже зарегистрирован в телефонной книге. Регистрация выполнена вчера. Контакту присвоено имя «Анна Ученица». Также на двенадцать ноль-ноль установлено напоминание о том, что вам необходимо позвонить данному контакту.

– Она же буквально жить не может без этого! Изо дня в день доказывать, что знает меня как облупленного!

– Вы желаете отправить данное сообщение?

– Конечно нет! Позвони по этому номеру.

Заиграла ненавязчивая мелодия, и уже через секунду-другую девушка ответила.

– Здравствуйте. Я говорю с Анной?

– Да, это я. А кто это?

– Меня зовут Виктор. Вы искали преподавателя по философии?

– Ах, да-да! Я так ждала вашего звонка! Мама сказала, что вы позвоните сегодня.

– Так и сказала, что именно сегодня позвоню?

– Ну, да. А что?

– Да что же ты будешь делать...

– Простите, не поняла...

– Нет, ничего. Анна, почему бы вам не взять онлайн курс? Зачем усложнять?

– На самом деле я очень хочу понять жизнь, понять себя, связи между предметами и явлениями. Хочу проследить за историей развития человеческой мысли от самых ее истоков...

– Я понял. Все, прекратите. Успокойтесь, пожалуйста. Долго текст заучивали?

Девушка смутилась, но ответила, что на это ушло немного времени.

– Я же вас совершенно о другом спрашивал. Ладно. Благодарю за честность. Завтра в три вам удобно?

– Да-да, конечно! Очень удобно!

– Тогда – до свидания. Я пришлю локацию.

– До свидания! Спасибо! Я буду вовремя!

Мужчина, довольный собой, открыл холодильник и вытащил оттуда небольшой контейнер.

– Сегодня замечательный день, не правда ли? Кстати, а вы знали, что коробку для куриных яиц еще в начале прошлого века изобрел газетный редактор? – спросил он невидимого собеседника и хитро улыбнулся. – Нет? Так я вам расскажу.

*

Хозяин дома положил в пустую тарелку вилку с ложкой, вытер салфеткой рот. Ему вспомнилось, что отец часто любит приговаривать: «яичница из двух яиц по меньшей мере в два раза лучше яичницы из одного яйца». Покончив с завтраком, Виктор поспешил в ванную комнату – бриться. В день, когда ему исполнилось шестнадцать, отец приобщил его к таинству этого великого мужского обряда. С того самого дня не бывало такого утра, когда бы Виктор смилостивился над щетиной лица своего. Ни болезнь, ни спешка не могли прервать традицию. Мужчина гладко побрился, после надел брюки, футболку с длинным рукавом и, покинув дом, вновь зашагал в сторону рощи. Как же сильно он соскучился по отцу! «На днях обязательно позвоню ему», – решил сын.

Браслет задрожал. Высветилось имя звонящего.

– Привет, Роберт.

– Привет, сосед. Знаешь, что сейчас лежит передо мной?

– И что же?

– Давай, принимайся! Чувствуешь?

Виктор шутки ради громко пошмыгал носом.

– Нет. Почему-то не чувствую.

– Ах, сосед-сосед! Тебе точно понравится.

– Не сомневаюсь. Так что это там у тебя?

– Говядина. Настоящая говядина. Или, как написано в конституции нашего государства, «любимая говядина Виктора».

– Хороший все-таки сегодня день.

– Заходи вечером.

– Договорились, буду часов в пять-шесть.

– Жду!

Возвращаться к роще было волнительно, но Виктор и не догадывался, какое именно чувство охватит его. Ясно одно – это не будет страх. Казалось, вот-вот через переживания выплеснутся ответы, но идущий понятия не имел, какие вопросы вселенная задавала ему.

Слева и справа от узкой асфальтированной дороги разбегались сотни метров травы, упираясь в коттеджи. Как же сильно изменилось это место всего за несколько десятков лет! Как сильно изменился весь мир! Города соперничают за жителей, стараются предложить лучшие условия – выгодную страховку, чистый воздух, удобную инфраструктуру и многое другое. А человеку посреди всей этой круговерти полагается лишь созидать и тратить. Остальное – забота искусственного интеллекта, роботов. В целом жизнь стала более спокойной и размеренной. Человечество справилось почти со всеми проблемами, что мучили его в начале века, но взамен, правда, как всегда – обзавелось новыми.

Виктор на том же месте, что и накануне. Там, где в темноте скалилось чудовище, сейчас покоится пустота. Чудовище. Чем же оно отличается от зверя? Одно и то же создание можно назвать и так и этак. А разница, пожалуй, лишь в том, что чудовищем мы называем того, кто вызывает страх. Когда-то наши предки жили в пещерах и охотились. Значит, и они в какой-то мере тоже были зверьми. А мы? А мы – звери? А мы – чудовища?

Десяток шагов, и мужчина оказался там, откуда вчера монстр глазел на него. Возле толстого корня Виктор заметил небольшой муравейник. Насекомые остервенело бегали туда-сюда, и кроме них самих никто на белом свете не понимал смысла этой суеты. Человек запустил руку в карман и вытащил леденец. Схватив пальцами края зеленой обертки, он одним движением легко развернул ее, а потом торжественно водрузил сей дар на вершину муравьиного бастиона.

– Питайтесь, плодитесь и размножайтесь, дети мои.

Мужчина распрямил спину, развернулся и глазами зверя посмотрел на землю, из которой пришел. Он улыбнулся при мысли, что, должно быть, глядеть на мир из леса не так страшно, как из мира – на лес. Виктору захотелось громко и победно взвыть, как это делают волки в кино, но он одернул себя и вслух рассмеялся над глупым желанием.

*

– Дамы и господа! Выступает... старейший в мире мангал! Спешите! Количество мест ограничено!.. Кстати, мне его одноклассник бывший подарил, ливанец.

Роберт погладил эспаньолку чистой ладонью и поставил на жаровню первый шампур с замаринованным мясом.

– Как же здорово вот так стоять возле огня и разговаривать, – обронил Виктор.

– Это да... – энергично подхватил собеседник и ловко расставил еще три шампура. – Готово! Теперь, сосед, с этим нашим спором главное не забывать переворачивать. Так вот. О чем это я? Да! Я считаю, что все мы так или иначе в своей жизни ориентируемся на уголовный кодекс.

– Ориентируемся на уголовный кодекс?

– Да, сосед. Вполне себе. Загибай пальцы. На уголовный кодекс государства, международные конвенции, резолюции, регуляции округов, регуляции муниципалитетов, правила работодателя, правила производителей роботов... И так до бесконечности. Что из этого следует?

– Что мы несвободны?

– Да... Точнее, я бы сказал, что мы ограничены. Понимаешь?

– И что же дальше, Роберт?

– А дальше вопрос: а с чего мы вообще принимаем эти ограничения? Да с того, что, если не примем, последует наказание, да? Вот если ты сейчас воткнешь мне в сердце этот шампур, конечно же, предварительно сняв с него, чтобы не испортить, мясо... или, например, изобьешь меня стулом, то тебе придется понести наказание, предусмотренное уголовным кодексом. Так? Видишь, правила просты.

– Полагаю, это очень странный подход, потому что мне, например, никогда и в голову не придет сделать что-то противозаконное. В этом смысле я совершенно свободен. Все мои желания, как ты бы сказал, абсолютно легальны. Меня больше волнует глобальная система управления, сама модель... Та логика, по которой одно возможно, а другое почему-то – нет. Например, я хочу кушать мясо каждый день. Я про настоящее мясо. Оно ведь не запрещено. Уголовный кодекс здесь ни при чем. Но я же не могу.

Роберт поднял бровь и поинтересовался:

– Почему это не можешь? И, кстати, я бы не сказал «абсолютно легальны». Потому что действие либо легально, либо нет. Без всяких «абсолютно».

– Ты прекрасно знаешь почему. Не могу, потому что нигде не продают. А не продают, потому что никто не покупает.

– Да, законы рынка никто не отменял. Но ты ведь можешь организовать небольшую ферму. Да? Регуляции муниципалитета не запрещают. Конечно, только в специальных местах, и все же.

– Не знаю... – вздохнул гость.

– Сосед-сосед! Вот у тебя все так, ей-богу! В двадцать первом веке хочешь жить как в двадцатом, но делать для этого – ничего не делаешь. Если попал в воду, то, чтобы выбраться, несколько шагов нужно сделать, а если глубоко – проплыть там сколько-то. Так вот, ты сейчас в воде, сосед. Не мы с тобой выбирали, когда жить, да?

– Нет, Роберт, я не согласен. Если думающих как я – немного, это не значит, что нас можно игнорировать.

– Думающих *как*? Виктор, вообще-то у тебя браслет на руке, у тебя дома тараторит такая же, как у меня, София. Не удивлюсь, если ты пользуешься навигатором, чтобы сходить отлить. Пользуешься? Признайся!

– Но у меня браслет, а не чип! Я могу его буквально в любой момент снять!

– Так сними, Виктор. Что же не снимаешь? Слушай, извини. Мы уже вообще не туда ушли с этим разговором. Просто хочу сказать, что ты не похож на того, кто борется по-серьезному. Как будто тебе на самом деле все нравится, и ты просто капризничаешь, что ли.

– Капризничаю?

– Не, не совсем. Сейчас объясню. Ты не дал договорить про уголовный кодекс. Черт! Мясо!

Еду еще можно было спасти, и Роберт тотчас перевернул шампур. Затем он выпил воды и продолжил:

– Так вот, люди живут день за днем в соответствии с уголовным кодексом. По крайней мере, большинство плюс-минус старается. Но при этом мы знать не знаем, *что* нас ждет после смерти – Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус. Черт подери, да мы просто понятия не имеем, по каким законам нас будут судить. Да и вообще: будут судить или нет. Так что я для себя решил принять жизнь и расслабиться. Да, мне нравится вшитый чип. Никаких проблем. Это удобно, но мне вполне себе нравится и мясо. От синтетического никакого удовольствия. И вместо того чтобы выбирать между прошлым и настоящим, может, лучше просто взять то, что ты вправду любишь? Да, и желательно что-то такое, что реально существует.

– Ты юрист, и у тебя нет души. Тебе чужда эстетика.

Роберт разразился громким смехом, и Виктор, чтобы не очутиться в неудобном положении, нехотя заулыбался. Человек с эспаньолкой и уложенными гелем волосами вызывал смешанные чувства: с одной стороны, было интересно гостить у него, но с другой – после их бесед оставался неприятный осадок. А самым тяжелым для Виктора стало то, что Роберт подавлял его без умысла. Тот просто был собой, а выпускник философского факультета терял нить разговора и не находил ответов.

После трапезы, когда двое начали прощаться, юрист сказал:

– В соседнем квартале недавно открылся отличный бар с фантастическими роботами, на любой вкус. Вполне себе. Уверю. Съезди, расслабься. Пусть это будет началом твоего примирения с действительностью. Так сказать, дебют! Я пришло ссылку.

*

Дом находился близко, всего в пяти минутах ходьбы. Виктор неторопливо шел и отчаянно убеждал себя, что все в порядке: якобы с Робертом он хорошо держался. Утром Марина уехала в очередную командировку, но мужу было безразлично – рядом она или нет. Виктор потерял работу год назад и с тех пор совсем запутался в чувствах к жене. Разбираться не хотелось. Безработный предпочитал не замечать эту головную боль и уже привык обходить ее, как обходят место, где ждут неприятности.

Хозяин дома утонул в любимом кресле и, наконец, признался себе, что никакие уговоры и отговорки не помогают – он снова уничтожен. Голова опрокинулась назад, а пальцы на секунду-другую вцепились в подлокотники. Мужчина потер основанием ладони лоб. «Нельзя сдаваться. Я не должен сдаваться», – бубнил он озлобленно.

– София, включи проектор.

Свет потух, и во всю стену загорелся экран.

– Избранные фильмы. «Борьба в тысячи лет». Включи.

Увлечение Арменией началось месяца три назад, когда в руки ему случайно попала книга об истории армянского народа; и она по-настоящему впечатлила. «Как можно так долго бороться против врагов, стихии, обстоятельств?» – спрашивал он себя.

Виктор пересматривал киноленту в четвертый раз. Недавно он обещал себе, что когда-нибудь совершит путешествие по древним армянским землям – Арцах, Сюник, Арарат. Мужчина закрыл глаза и вообразил, как идет с посохом, будто ветхозаветный патриарх, по лесам, равнинам, уще-

льям, холмам, полям и горам Армении. А целью там станет сама бесконечная дорога, а не место, куда нужно прийти. Как просто и прекрасно! Просыпайся рано утром и шагай, впитывай пейзаж, сам становись его частью.

Хозяин дома вошел во вкус. Что же еще посмотреть? И вдруг его осенило:

– София, включи фильм с высоким рейтингом про первобытных людей.

Спустя минуту Виктор, наклонившись вперед, внимательно наблюдал за жизнью мускулистых и бесстрашных прашуров; удивлялся тому, что он – их потомок. Тысячи лет его, да – именно его, предки проходили через ад и выживали. В каждом из сотен поколений они умудрялись оставить здоровое потомство, чтобы однажды родился и сам Виктор. А теперь ему тридцать пять, и у него нет детей. Если в этот миг сердце остановится, то оборвется нить, что так долго плелась. После таких мыслей всегда охватывало отчаяние, но отчего-то не на сей раз. Сейчас внутри закипала злорада – сломать бы что-нибудь! Но вокруг так и не нашлось ничего подходящего.

*

Стоял поздний вечер, и Виктор спешил в рощу. Почти бежал. На всем пути не встретила ни одна живая душа. Это раззадоривало еще больше. Казалось, он втайне творит нечто такое, что выходит за рамки не только закона, но и нравственности. Потомок первобытного человека воображал, что бросает вызов своей слабости, Роберту, Марине, всему миру. Он зубоскалил и готовился убить в себе неудачника.

Перед тем как проникнуть в кленовую тьму, Виктор, словно чародей, произнес какие-то слова, и браслет загорелся синеватым светом. Никакого страха, лишь сильное возбуждение. Поднявший восстание нашел подходящее для костра место во глубине рощи и поставил на траву рюкзак, где до поры скрывались нож, вода, бумага и зажигалка. После фильма о первобытных людях Виктор дважды внимательно посмотрел видеоролик о том, как правильно разжигать костер.

Для начала он собрал ветки и расположил их шалашиком. Затем, поджигая бумагу, поранил палец. Было так важно, чтобы костер загорелся, будто все его будущее зависело от этого. Скомканный лист уже почти целиком превратился в пепел, но древесина продолжала упрямиться. Виктор едва не пал духом, но потом запалил еще несколько листов.

– Бог огня, даруй же мне огонь!... – повторял мужчина мистическим шепотом, и природа на силу смиловилась.

– Огонь! Мой огонь! – завопил Виктор и торжествующе поднял руки с зажатыми кулаками. После он вытащил из рюкзака нож и нацарапал на ближайшем дереве свое имя. Мужчина исполнил задуманное и теперь принялся размышлять о следующем шаге. Он добавил в костер веток, сел и прислонился спиной к отныне и навеки *своему* клену; простер руки к костру. – Огонь красивый, благородный, согревающий!... Я тебя сотворил!

Виктор ласкал взглядом разлетающиеся искры, когда раздался громкий голос, который призывал оставаться на месте, не двигаться. Мужчина опустил взгляд на браслет и осознал свою ошибку. В первое мгновение его охватила обида из-за того, что все кончено, но сразу за этим кровь закипела, и он пришел в неистовство, что треть века копилось в его сердце. Дух неповиновения поднял человека на ноги и заставил бежать. Так древние люди убегали от одних врагов и преследовали других. Беглец знал, что его вот-вот поймут, и лишь хотел продлить удовольствие. Вдруг браслет начал быстро нагреваться. Виктор попытался снять наручник, но тот не поддавался. Боль становилась все сильнее и в конце концов сломила сопротивление бегущего. Мужчина остановился. Секунда – и робот-полицейский повалил его на землю, выкрутил за спину руки. Предательский браслет остыл.

– Я буду говорить только с человеком.

– Это ваше право, гражданин. Офицер будет здесь через четыре минуты.

Прошло полчаса, и вот уже Виктор с надменной улыбкой пренебрежительно изучает кабинет, в котором его, со скованными запястьями и в запачканной одежде, вежливо попросили подождать. Флаг, исторические портреты, герб, кактус – все как полагается. Наконец дверь открылась, появился представитель власти, назвал имя и должность, после чего с недовольным видом плюхнулся в рабочее кресло.

– Здравствуйте. Вы не могли бы снять наручники? – поинтересовался Виктор. – Они жмут.

– Мог бы, но не стану. Поймите – не полагается.

Полицейский сцепил пальцы в замок и деловито разместил его на своем внушительном животе.

– Ладно, потерплю.

– Я вообще-то в шахматы играл.

– В шахматы? Какая же досада. Хотя бы с человеком играли?

– Нет, с роботом. А что?

– В таком случае, полагаю, это не страшно. Не расстраивайтесь. Им ничего не стоит подождать.

– А мне вообще-то стоит.

– С этим сложно спорить. И каково это – играть в шахматы с роботом?

Полицейский задумался, продолжить ли беседу с задержанным в подобном ключе, но довольно скоро природная словоохотливость победила. Он внезапно выпалил:

– Ну, слушайте. Наши роботы в шахматы вообще-то ни в зуб ногой. В смысле, когда их только привозят. Приходится тренировать. Первые несколько дней они, конечно, проигрывают. Потом глядишь – наострячился. Тогда неделю-две играть интересно. Прямо азарт! А вот потом все. Нет смысла – как кулаком об стенку. И сидишь, ждешь пока свежего подвезут. В этом году начальство штат увеличило, поэтому новые железяки чаще обычного бывают.

– С вашим словарным запасом, полагаю, лучше играть в шашки.

– В смысле?

– Прошу прощения. Кажется, оговорился. Я имел в виду го. Это древняя и очень сложная китайская игра. Люди с яркой художественной речью обычно сильны в стратегии.

– Хорошо. Не слышал такого.

– Помню время, когда роботов производили с ограниченным функционалом, для какой-то определенной цели.

– Вообще-то и сейчас так делают.

– Да, но теперь их можно обучить чему угодно. Это другой мир.

– Ладно, давайте к делу. – Страж порядка неожиданно поменял выражение лица на очень серьезное и даже откашлялся, чтобы быстрее войти в новый образ. – Полагается заполнить форму.

Отвечайте на вопросы.

– Простите, а сколько вы весите?

– В смысле?

– В смысле, с какой именно силой ваше тело давит на нашу планету? Тоже нет? Даже не знаю, как проще объяснить. Я же вижу – у вас жир на боках и животе. Я слышал, когда-то полицейские поддерживали физическую форму. А теперь роботы даже бегают вместо вас! Не удивлюсь, если вы пользуетесь навигатором, чтобы сходить отлить. Пользуетесь? Признавайтесь!

Глаза полицейского уподобились двум циферблатам, показывающим время на Меркурии. Виктор гордился собой, ведь даже последний разговор с Робертом чему-то да послужил.

– Задержанный, вы обязаны отвечать на мои вопросы.

– Прошу. Задавайте.

– Это вы разожгли костер?

– Да.

- Зачем вы пришли в рошу?
- Чтобы разжечь костер.
- Зачем?
- Чтобы посмотреть на него.
- Вам известно, что это нарушение муниципальных регуляций?
- Конечно.
- Вы могли без всяких проблем разжечь костер у себя во дворе.
- Да, мог. Точно так же, вы могли снять наручники.
- Рядом с костром нашли нож. Он ваш?
- Да.
- Зачем вы взяли с собой нож?
- Чтобы нацарапать на дереве мое имя.

Офицер откинулся в кресле, еще раз оценил взглядом собеседника и произнес:

– Значит так, задержанный. Если вы не хотите провести здесь кучу времени, то объясните мне прямо сейчас, какого дьявола вы там делали. За эти двое суток вы ходили туда трижды.

– Да что же ты будешь делать... Опять этот проклятый браслет... Ладно. Сами напросились. Но предупреждаю: от правды вам никоим образом легче не станет. Я хотел ощутить свободу.

Этот странный человек впервые в жизни совершил нарушение. И совершил он его, по собственному признанию, ради свободы. Какой-то бред.

- Ощутили?
- Полагаю, что да.
- На вас большой штраф. Дороговата вышла свобода.
- Стоила того.
- Штраф удвоится, если вы повторите.
- Учту.
- Ваша жена хотела поговорить с вами.
- Зачем вы ей позвонили?
- Так полагается. Она – ближайший родственник.

*

Дремучие облака затевали дождь. Полицейская машина остановилась возле ворот. Водителя за рулем не было. Компьютер, что управлял автомобилем, пожелал Виктору доброй ночи, от которой оставалось меньше половины. Хозяин дома небрежно бросил на пол рюкзак с бунтарским инвентарем, прошел в гостиную, где уселся на излюбленное место, и попросил Софию позвонить жене. Мужчина вытащил из кармана зажигалку. В ожидании он принялся щелкать ею и проводить указательным пальцем сквозь прирученный огонь.

- Виктор! Что случилось?! Как ты?!
- Все хорошо. Я в порядке. Уже дома, но очень устал. Когда ты приедешь?
- Должна завтра вечером... Но, если нужно, могу...
- Нет-нет. Все в порядке. Ты, главное, не задерживайся, когда закончишь. Как только сможешь – сразу приезжай.
- Да, конечно!.. Хочешь о чем-то поговорить?
- Нет. Я хочу тебя трахнуть.

Марина будто язык проглотила, и Виктор улыбался, представляя себе выражение ее лица.

– Хорошо. Прошу тебя, ложись спать. Приеду, как только смогу. Обещаю.

Едва женский голос растворился в интерьере, Виктор словно очнулся. А очнувшись в своей глухонемой одинокости, испугался так сильно, что почувствовал дрожь в ладонях и коленях. Он отбросил зажигалку и впился глазами в окно, за которым бесновался ливень – первый за несколько недель. *Что все это было? Откуда пришло? Что значит?* Сидевший в велюровом кресле

человек вспомнил, *как*, упиваясь свободой, глядел в огонь, убегал от погони, разговаривал с полицейским и женой. В который раз он задавал вопросы и оставлял их без ответов.

Виктор стоит у окна, прижимается лбом к невозмутимому стеклу. Его костер уже давно потушили роботы, но этот дождь, этот безнадежный дождь, казалось, прямо в этот миг уничтожает искру, которая только-только зажглась где-то там, внутри. «Неужели все и правда кончено?» – пронеслось в голове. Хозяин дома открыл входную дверь и сделал шаг. Дождь с ночным холодом безучастно ударили в лицо и плечи. Быть может, Всевышний вновь отворил окна небесные? Значит, будет потоп, и мир опять очистится. Совсем скоро вода поднимется настолько, что Виктор станет глядеть на небо точно рыба – из глубин морских.

Он посмотрелся фильмов и отправился нарушать закон, отчего-то воображая, что это изменит его. Вместо страха явилась тоска из бездонного тартара. Оставив дверь распахнутой, Виктор тащился к своей кровати как к гробу, из которого – стоит только лечь – уже никогда не встать. Вода суетливо стекала с его одежды и от самого порога превращалась в узкую реку забвения.

*

Проснулся Виктор еще позже обычного, почти в полдень. Тело изнывало – ноги, которые не привыкли бегать, плечо, на которое он упал при задержании, запястье, которое браслет обжигал. Хозяин дома долго смотрел в потолок на одну точку и не шевелился. Возле кровати кучей валялась мокрая одежда. Но вот он кое-как поднялся – чтобы отнести свое туловище в ванную комнату, где в серебристом футляре томился бритвенный станок.

Прошлое постоянно забывалось, но одно утро было по-прежнему со всеми подробностями запечатлено в памяти: когда отец на своем примере, с великим множеством пояснений, будто это целая наука, показал, как должен бриться мужчина. Тогда, к шестнадцати годам, у Виктора из растительности на лице выросли только подростковые усики. Завершив важный урок, отец удалился по делам, а юноша снова взял крем для бритья, хорошенько им намазался и с чувством превосходства над вчерашним собою побрился во второй раз подряд.

С тех пор прошло много лет. Виктор посмотрелся в зеркало и заметил на скуле ссадину, которая обосновалась слишком высоко, чтобы помешать. Он умел быстро бриться, но всегда предпочитал растягивать эту церемонию.

– София, запиши меня на прием в муниципалитет через час.

Система управления домом сообщила, что запись возможна, но существует также онлайн-прием в режиме видеоконференции.

– Я хочу на обычный прием. Только не к роботу.

– Вы зарегистрированы сегодня на час тридцать. Я сделала пометку о том, что служащий должен быть человеком.

Позавтракав хлопьями с молоком, Виктор оделся, сел в свой темно-синий автомобиль и включил ручное управление.

Ни правительства, ни корпорации, словом – никто так и не сумел склонить человечество к обязательному чипированию. При всяком более-менее серьезном разговоре на эту тему поднималась такая волна протестов, что сильные мира сего не осмеливались идти до конца. Они выбрали другой путь – нужно лишь дать почувствовать, насколько удобно жить с чипом. Оказалось, что если не принуждать и быть достаточно терпеливым, то в один прекрасный день подавляющее большинство жителей планеты встанут в очередь с обнаженными запястьями. С одним лишь условием – они смогут снять браслет или чип, если захотят. «Вам не о чем переживать. За вами навсегда закреплено это право», – честно отвечали правительства. При этом человек сам решал, кому и какой уровень доступа к личным данным и организму предоставить. Хочешь, чтобы министерство здравоохранения предупреждало о твоих проблемах со здоровьем? Пожалуйста. Хочешь, чтобы корпорации присылали скидки на товары, от взгляда на которые у тебя учащается пульс? Никаких проблем.

– Здравствуйте! Приложите, пожалуйста, ваш браслет к идентификатору... Спасибо. Чем я могу помочь?

– Здравствуйте. Браслет вчера обжег мне руку.

– Очень жаль, что у вас возникли подобные сложности.

– Сложности. Пожалуйста, говорите нормально. Вы же точно не робот?

– Я говорю нормально, в соответствии с инструкцией. Итак, согласно договору, чрезмерное нагревание возможно лишь в случае оказания сопротивления полиции. Полиция может идентифицировать предполагаемого правонарушителя или преступника по браслету или чипу. И если правонарушитель или преступник оказывают сопротивление, то полиция имеет право изменить температуру браслета или чипа соответственно. Я сейчас проверю производителя. В случае технических неполадок необходимо обращаться именно к производителю, а не в муниципа...

– Мой браслет нагрелся при задержании, – перебил Виктор служащую.

Женщина в растерянности осеклась, но быстро взяла себя в руки.

– Да... Да... В таком случае это не техническая неполадка. Чем я могу вам помочь?

– Объясните, пожалуйста, почему мне не известно о том, что полиция имеет подобный доступ и может буквально поджарить мою руку, если вдруг по какой-то причине решит меня арестовать?

– В договоре, который вы подписывали перед тем, как получить идентификационный номер и браслет, есть отдельный пункт, который...

– Простите! Простите, я вас перебую. О каком пункте речь? Есть правило, принцип, который все знают: это я, гражданин, решаю, какой уровень и объем доступа вам предоставить. Все остальное – стандартные условия. В вашем договоре пятьсот страниц. Никто их не читает. Я не давал вам права причинять мне боль!

У Виктора надулась на шее вена, а щеки покраснели. Он почувствовал, что его пальцы слегка трясутся, и поэтому убрал ладони со стола.

– Во-первых, прошу успокоиться, потому что если вы продолжите в таком же тоне, то вам снова придется общаться с полицией. Во-вторых, доступ вы даете не мне, а государству. Я просто служащая, которая здесь, чтобы вам помочь. И я люблю свою работу.

Слова о том, что эта женщина любит свою работу, сразу же прогнали гнев, и Виктор успокоился. Ему даже стало стыдно за сказанное.

– Простите. Я хочу избавиться от браслета, – произнес Виктор спокойно.

– Вы безусловно имеете на это право. Это предусмотрено договором. Существует определенная процедура, через которую необходимо пройти. Вы осознаете, сколько времени и сил экономит для вас браслет? Вы действительно готовы на это пойти?

– Позвольте спросить.

– Да, конечно.

– Я вижу, у вас нет браслета. У вас чип?

– Да, у меня чип. Но это не имеет отношения к делу, – ответила служащая после заминки.

– У вас никогда не бывало такого, что вам больше жизни захотелось что-то сделать, и единственное, что лежит между вами и вашей целью – именно чип?

– Знаете, между мной и нарушением закона находится не чип, а мое нежелание нарушать закон. Вот все, что я могу сказать.

Женщина, как бы извиняясь, сжала губы так, что в уголках рта образовались ямочки.

– И я так раньше полагал.

– Я уже два раза нарушила инструкцию. Надеюсь, вы мне позволите больше этого не делать.

– Ясно. Пожалуйста, перешлите мне процедуру. Благодарю.

*

Идея заниматься философией на природе не казалась такой захватывающей, как накануне. И все же он шел. Известная поговорка гласит, что все дороги ведут в Рим, но в случае с новым пре-

подавателем Анны все дороги вели в рощу – встречу назначили на самом ее краю. Виктор издали приметил ярко-красную куртку. Увидев незнакомца, девушка замахала рукой, но тут же отдернула ее – вдруг это кто-то другой? Но она не ошиблась. Мужчина приблизился и обратил внимание, что молодая особа мила и опрятна. На щеке ее несколько небольших родинок образовывали забавную композицию. Анна развела в стороны руки – она вовсе не пыталась скрыть свой восторг. Обнажились тонкие запястья, и Виктор разглядел, что браслета у нее нет.

- Здравствуйте! Я – Анна! Видите: я даже не опоздала!
- Здравствуй, Анна, – преподаватель решил без лишних разговоров перейти на ты.
- Большое спасибо, что согласились! Я даже мечтать не могла! Философия на природе!
- Ладно, начнем. Давай пройдемся, да? Не стоять же на месте.
- Это точно!

Девушка непринужденно засмеялась, и настроение Виктора, кажется, стало улучшаться. Двое неторопливо вошли в рощу. Преподаватель хорошо знал, куда они идут. Он попросил Анну рассказать о себе, а сам всеми мыслями находился возле потухшего огня. Как сейчас, при свете, выглядит то место? Виктору пришло сообщение из полиции о том, что в этой местности запрещено разжигать костры. Он недовольно покачал головой.

- Так зачем тебе философия? И на этот раз, пожалуйста, без подготовленной речи.
- Если честно, не знаю. Точнее, знаю... Не могу выразить словами. Это скорее интуиция.

Я просто чувствую, что философия мне нужна. На самом деле я очень много думаю о всяких разных вещах, понимаете? Мне чего-то не хватает. Как бы объяснить. Я не понимаю... Ну, точнее понимаю, но это как будто – всего лишь отдельные части головоломки, которые не спасают.

– А что такое, по-твоему, философия? Раз уж ты каким-то образом чувствуешь, что хочешь ее изучать, значит, должна хотя бы приблизительно представлять себе что это.

- Думаю, это рассуждения о мире, о человеке. Нет?
- Полагаешь, философия – всего лишь рассуждения?
- Нет, простите...

Виктор расплылся в снисходительной улыбке. Когда он бывал хозяином ситуации в беседе с кем-то, кто ему приятен, милость его не имела границ.

– Тебе нужно быть смелее, чтобы заниматься философией. Открою секрет: смелость – самое главное в нашем деле. Не бойся задавать вопросы. Кстати, ты увидишь, что самыми сложными вопросами оказываются именно самые простые. Не бойся уходить мыслями в самые глухие дебри, но не забывай и возвращаться оттуда. Ты слышала что-нибудь про нить Ариадны?

- Да, я что-то читала, но просто сейчас не помню.

В монологе преподавателя о смелости Анна с удовольствием подметила, что Виктор назвал философию «их делом».

– Когда древнегреческий герой Тесей решил убить в лабиринте минотавра, а на то, конечно, были определенные причины... Ариадна дала ему клубок ниток. Именно с его помощью Тесей смог выбраться из этого самого лабиринта после того, как совершил свой великий и общественно полезный подвиг.

- Да-да, точно. Вспомнила. Я читала об этом. Знаю.

– Вот и у тебя в кармане всегда должен быть такой клубок. Конечно, мы начнем с античной философии, где, полагаю, твоей психике немного будет угрожать. И тем не менее. В будущем эти нитки тебе очень пригодятся.

- Смотрите! Тут костер жгли!

У Виктора перехватило дыхание, и он, не говоря ни слова, бросился туда. Угольки и недогоревшие ветки показались такими жалкими – от величия огня ничего не осталось. После дождя здесь даже пахло совсем по-другому.

- Какие варвары это сделали! – добавила возмущенная Анна.
- Варвары? В каком смысле?
- Ведь в этом лесу запрещено разжигать костры! А вдруг – пожар?!

– Во-первых, это роща, а не лес. Во-вторых, надо полагать, тот, кто это сделал, имел на то вескую причину. Ты не подумала об этом?

– По-любому не было никакой веской причины! Вот – тут же дома! Смотрите! Он что – потелся и развел костер, чтобы не замерзнуть? Нет! Черта лысого! Быть такого не может!

– У тебя же была причина зашивать чип в запястье, да?

– А причем тут это? И нет у меня никакого чипа.

– Как это «нет»? А где тогда твой браслет?

– И браслета у меня нет. Я из принципа от него отказалась. Да я и не хотела никогда. Папа с мамой заставили, когда маленькая была.

Виктор стоял ошеломленный, не в состоянии и слова из себя выдавить. У глупенькой девушки в шестнадцать лет больше отваги, чем до вчерашнего дня было у него. И это еще *он* только что рассказывал ей о смелости, о философии.

– Ладно. На сегодня достаточно, – заключил преподаватель.

– Но... Почему? Простите, если я что-то не то сказала. Ну, пожалуйста, давайте продолжим...

– Нет. Все в порядке. Сегодня моей целью было получше узнать тебя, чтобы решить – заниматься с тобой или нет.

– И что вы решили?

– Да, Анна. Мы будем заниматься. Но перед первым полноценным уроком тебе нужно будет прочитать определенные книги.

– Хорошо. Что надо прочитать?

– Любой учебник или книгу по истории древней Греции. Затем Гомера, Гесиода, любой сборник греческих поэтов седьмого и шестого веков. До нашей эры, разумеется. Да, еще одну книгу по религиозным верованиям древних греков. Я пришлю название. Весь этот список пришлю. Для начала хватит. Не пугайся. Это только перед первым уроком сразу так много. Найдешь отсюда дорогу без навигатора?

– Да, конечно, я хорошо ориентируюсь. Если что – у меня навигатор на телефоне. Спасибо вам огромное! Вы даже не представляете, как это важно для меня!

– Ах, да, конечно. Телефон...

– И я не пугаюсь. На самом деле я очень смелая!

– А черта лысого тоже не боишься?

– Простите-простите... Обещаю, буду следить за словами...

*

Скрестив щиколотки, Виктор лежал на диване. Он закурил, вкусно затянулся и закашлял. София начала было предупреждать о возгорании, но хозяин дома короткой фразой отменил звонок в пожарную часть. Сигареты давно стали такой же редкостью, как и мясо. Эту пачку еще зимой подарил Роберт, а когда получится раздобыть следующую – неизвестно; посему приходилось экономить. Для Виктора каждая выкуренная сигарета – событие и чем-то похожая на бритье церемония. Как ни странно, выпускник философского факультета любил церемонии. Наверное, по той причине, что они придавали уверенности: он все делает как предписано, а значит – правильно.

При том, что отыскать хорошие сигареты – задача не из легких, табак не был под запретом. Вообще в современном мире редко что запрещалось. Ведь чтобы люди стали к чему-то равнодушны, достаточно уничтожить положительный образ и предложить варианты. Для этого существуют система общего образования, средства массовой информации, социальная реклама, неправительственные организации, группы активистов. Затем однажды выясняется, что курят лишь слабохарактерные неудачники, и вместо того, чтобы травить свои и чужие легкие, лучше, например, заниматься спортом. Тогда люди будут здоровее, и значит – счастливее. Ну а знающие счет деньгам правительства меньше потратят на здоровье граждан.

Виктор заглянул в пачку, хотя и точно знал, сколько там осталось – всего три сигареты. Ему нравилось выпускать дымные кольца, они успокаивали. Что ж, выходит даже школьница в состоянии сделать больше. Как после такого жить дальше? Нет ответа. И еще одна проблема: что сказать Марине, когда она вернется? Он ведь кое-что вчера обещал. Но теперь все изменилось – у него нет ни сил, ни желания.

Виктор не заметил, как уснул, а открыл глаза от того, что щеки коснулась теплая ладонь. Марина смотрела на мужа и улыбалась. Кончиком пальца женщина осторожно погладила царапину на его скуле.

– Привет, – проговорила она нежно, и Виктору тотчас же захотелось заключить ее в объятия и плакать навзрыд. Плакать так, чтобы внутри не осталось ни одной капли. Плакать так, чтобы выжать из себя всю боль. В самое первое мгновение даже руки дернулись, но движение было настолько слабым, что Марина не заметила. Мужчина все задавался вопросом: почему бы в самом деле не обнять ее? Спрашивал вновь и вновь, но все, что видела женщина рядом – безразличное узкое лицо и холодный неподвижный взгляд. Она поняла – близости не будет, но через силу заставляла себя играть несуслазную роль. Когда улыбка на лице Марины исчезла, Виктора снова охватил порыв прижаться к жене, но и на сей раз он сдержался, как и прежде, не понимая причины своего бездействия.

– Привет, – наконец выдал из себя муж, и собственный голос показался настолько чужим, что он повторил еще раз.

– София ругалась, что ты курил?

– Да, но я успокоил ее. Объяснил, что она не права.

Супруги одновременно улыбнулись, и у Марины почти появилась надежда. Женщина за чем-то переставила пепельницу со сморщенным окурком с одного места на журнальном столике на другое.

– А как прошло занятие с Анной?

– Нормально прошло.

– Умная?

– Милая. И очень смелая.

– Смелая? Ее мама говорила, что стеснительная.

– Сама она про себя говорит, что смелая, хотя и думает, что лжет. Но я вижу ее смелость, я бы даже сказал – мужество. Это любопытно. Полагаю, она пытается выдавать себя именно за ту, кем на самом деле и является.

– Н-да. В общем, все сложно. Рад, что снова преподаешь?

– Не знаю.

*

Виктор бесконечно долго стоял под душем. Голому человеку все казалось, что вода постепенно смывает его самого в сливное отверстие. И вот уже он распался на крошечные частицы и растянулся на сотни или тысячи метров, чтобы устремиться по трубам туда, где станет чем-то другим, чем-то новым, чем-то стоящим. А самое главное – забудет все *это*.

Муж Марины так и не придумал, как себя вести и что говорить. Выключив воду, он обмотался полотенцем и перед тем, как выйти из ванной комнаты, опять побрился – второй раз за день. На самом деле мужчина трусливо тянул время. Он вспомнил еще одну шутку отца, которую тот выкидывал, похлопывая себя по щекам, всякий раз после этого священного обряда. «Самое эффективное занятие! За очень короткий срок можно добиться весьма осязаемого результата!» – утверждал родитель. А кроме того, это время, когда мужчина принадлежит только себе, и никто, даже он сам, не осудит за потраченные на бритье минуты.

Марина в кружевном нижнем белье маялась в постели и чувствовала себя полной дурой, потому что была почти уверена – в лучшем случае ее ожидает сон, а в худшем – ссора. Она тоже

понятия не имела, как себя вести и что говорить. Виктор вошел в спальню и, едва бросив на жену взгляд, сел на кровать. Затем он сбросил тапочки и непорочно нырнул под одеяло. Супруги весь вечер избегали друг друга и после разговора на диване словом не обмолвились. Но судьба несла их навстречу друг другу, как те поезда из школьных задач по математике. Кто-то должен поручить Софии выключить свет, но двое в комнате отчего-то страшились нарушить молчание. Тишина стала невыносимой, и более смелый в конце концов заговорил:

– Милый, это ведь просто невозможно так.

Виктор хотел спросить «как *так?*», но сдержался, а Марина продолжала:

– Все ведь у нас было хорошо. И я знаю тебя... но до сих пор понять не могу, почему это увольнение так изменило тебя. Ты стал другим.

– А ты не допускала мысль, что, возможно, совершенно не знаешь меня?

– Ты говорил, что не хочешь ребенка из пробирки, как хотя бы все нормальные люди. Я согласилась. Ты помнишь? Я так легко согласилась. Ну, скажи. Помнишь?

– Помню.

– А как же у нас будет ребеночек, если мы не занимаемся любовью?

– Полагаю, мы занимались достаточно.

– Недостаточно, если я не беременна. Хорошо. Давай начнем сначала. Давай. Прошу тебя. Завтра проснемся и пойдем к врачам.

– Мы уже ходили по врачам, мы оба здоровы.

Марина уронила лицо в ладони и начала беззвучно плакать. Лишь тогда Виктор осмелился снова посмотреть на нее, и она показалась одновременно прекрасной и жалкой, родной и чужой. Стоит положить ладонь на ее плечо, и все изменится. Он точно знал, что все изменится. Она вдыхает новую жизнь в него, в их отношения; только бы он разрешил. Виктор уже почти решился, но вдруг Марина подняла заплаканные глаза:

– Ты ведь знаешь, что у нас осталось два года?

– О чем это ты?

– Если у нас за два года не родится первый, нам сократят квоту. Понимаешь? А я хочу двоих. Как мы мечтали. Боже! Ты помнишь?! Мы мечтали о мальчике и девочке. Ты хоть что-нибудь помнишь? Скажи! Скажи!

Вмиг душа Виктора переменялась, превратилась во что-то бесчувственное. Все встало на свои места, противоречия разрешились: Марина всего-навсего жалкая и чужая. Мужчина встал и, пожелав спокойной ночи, отправился спать в кабинет.

*

После того как почти весь мир перешел на четырехдневную рабочую неделю, четверг стал последним трудовым днем перед выходными. После среды, как всегда, наступил упомянутый четверг, и Виктор пробудился, когда утра уже и след простыл. В душе, как в пересохшем озере, было пусто. Но пустота эта после всех переживаний, помимо прочего, означала еще и покой. Мужчина неторопливо потянулся и захрустел шеей. Знакомым маршрутом он проследовал на кухню, нарезал хлеб, сыр, приготовил яичницу из двух яиц и, даже не почистив зубы, приступил к завтраку.

Внезапно раздался звонок в дверь, и хозяин дома попросил Софию вывести изображение на браслет. Возле ворот стоял незнакомец. Смесь любопытства и тревоги пробрала Виктора. Он прервал трапезу и не поленился лично встретить незваного гостя. Набросив на плечи легкую куртку, мужчина выбрался во двор, подошел к двери возле ворот и нетерпеливо открыл ее. По безупречным чертам лица сразу же стало ясно, что перед ним робот.

– Здравствуйте. Я – Давид.

– Что тебе нужно?

Собеседник назвал улицу, номер дома и поинтересовался, правильно ли пришел.

– Да, это мой адрес. Что тебе нужно?

– Я приобретен покупателем по имени Марина, а этот дом указан в качестве места доставки.

Хозяин дома вспыхнул как спичка. Погибший, казалось, демон, что за два дня до того иступленно поклонялся огню, восстал из мертвых. Не обращая внимания на атлетическое телосложение Давида, выпускник философского факультета схватил его за плечо и потащил в помещение. В гостиной Виктор переставил стул, посадил на него робота, а сам уселся напротив, в своем кресле, которое ныне было тронем царя карающего.

– Ваше поведение не очень вежливо.

– Ясно. По-человечески тебя разговаривать не научили. Из какой ты серии?

– Серия ММ.

– Ах ты, урод проклятый. Серия ММ, значит. Полагаю, приехал трахать мою жену?

– Я являюсь продуктом компании Красная Башня и всего лишь выполняю функции, предусмотренные заложенной во мне программой. Я не представляю для вас никакой опасности, и я также не вмешиваюсь в личные отношения между людьми. Все это прописано в договоре о купле-продаже, с которым вы можете ознакомиться.

– Неужели? Не вмешиваешься? Ладно. А если я тебя выпотрошу? Прямо здесь. Сейчас. Что тогда?

– С точки зрения законодательства любое насилие над роботами квалифицируется как порча имущества. Поэтому в таком случае на вас могут подать в суд и взыскать сумму, значительно превышающую мою рыночную стоимость.

Виктор вскочил на ноги и замахнулся, чтобы ударить, но сдержался.

– Квалифицируется, говоришь. Сиди и не двигайся.

Хозяин дома отлучился на кухню и перерыл там все шкафы. Вернулся он с самым большим в галактике ножом, но к этому времени успел выйти из состояния аффекта. Виктор успокоился и вновь расселся на любимом месте. Лишь теперь лицо гостя перестало казаться незнакомым.

– Роботы моей серии не запрограммированы на оказание сопротивления человеку, поэтому я абсолютно беззащитен, если вы решите повредить или уничтожить меня.

– Ах, ты об этом? – Виктор указал пальцем на лезвие. – Даже не обращай внимания. Люблю, знаешь ли, посидеть с ножом в руке. Особенно в приятной компании. Почему твоя физиономия мне так знакома?

– Мое лицо вам знакомо, потому что моим прообразом является статуя Давида, автор Микеланджело Буонарроти.

– Да что же ты будешь делать. Она и вправду издевается надо мной! Издевается!

– Во мне сохранены все пропорции.

– Да?! И член такой же маленький?

– Нет, он увеличен производителем.

– Кто бы сомневался! А скажи... Скажи, кого еще можно выбрать в качестве прообраза?

– Кого угодно. Большой популярностью пользуются прообразы актеров, спортсменов, певцов, политических деятелей, но из-за наличия правообладателей или их потомков подобные модели стоят значительно дороже. Если вы желаете приобрести робота, я могу вас проконсультировать.

– И все ты знаешь. Благодарю, обойдусь. А может, знаешь еще, *что* нас ждет после смерти? Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, но могу сказать, что в серии ММ в наличии есть роботы с прообразом Микки Мауса.

– Фу. Сиди, не двигайся.

Гость опять ненадолго остался в одиночестве. В спальне, в одном из выдвижных ящиков, хозяин дома нашел то, что искал – красную помаду. Виктор нарочито криво разукрасил губы Давида, потом поднял робота на ноги, приспустил его штаны и отрезал ножом созданный инженерами и дизайнерами половой орган. Горе-любовник внимательно и даже с неким противоестественным интересом наблюдал сие действо, которое завершилось довольно скоро.

– Держи, урод. Стой здесь, пока Марина не вернется. Когда вернется – подаришь ей. Скажешь, что муж передает привет.

– Покупатель возвратит меня производителю, потому что я потерял свою функциональность.

– Консервная банка, ты понял, *что* нужно передать моей жене?

– Да, я понял.

– Повтори – *что* нужно передать?

– Нужно сказать: *это* подарок от мужа, и он передает привет.

– Правильно. И прикройся второй рукой, а то стыдно с таким обрубком.

Размеренным шагом Виктор отправился доедать холодную яичницу. После он собрал вещи в небольшой чемодан, прихватил ноутбук и покинул дом.

*

Несколько десятков лет тому назад по миру распространилась коронавирусная инфекция, о которой ходило так много толков, что, пожалуй, мало кто сумел разобраться – чем же она была на самом деле. Одни утверждали, что болезнь крайне опасна, другие – что такого вируса вовсе не существует, а третьи уверяли: инфекция хоть и не плод чьего-то воображения, но все-таки не столь смертоносна. Только вот, что бы люди об этом не думали, – пандемия коронавируса и то, как с ней боролись, ускорили движение нашей цивилизации в том направлении, в котором она и без того уже долгое время шла.

За жизнь всего одного поколения необратимо переменялся не только мир вокруг, но и то, как человек воспринимал его. Среди прочего обновились принципы планировки и застройки поселений. Теперь большая часть населения планеты жила в обособленных кварталах, которые объединялись в города и где количество жителей ограничивалось законодательством. Самой важной ценностью в двадцать первом веке стали жизнь и здоровье человека, поэтому в угоду безопасности жертвовали очень многим. Последующие эпидемии лишь подтвердили эффективность новой теории градостроительства, и поэтому люди не жаловались. В целом, они стали более организованными и замкнутыми, сделав то, что всегда хорошо умели их предки – приспособились, научились справляться.

В каждом квартале строилось все необходимое для того, чтобы при желании было возможно вообще его не покидать. В обычное время, когда власти не объявляли об угрозах и рисках, не вводились и запреты на выезд. Но даже в спокойные месяцы, чтобы, например, пересечь границу населенного пункта, приходилось регистрироваться и получать разрешения.

Города соперничали между собой не только за инвестиции, но и за богатых, влиятельных и образованных жителей. Уже много лет в экономике почти всех стран мира существовало то, что называется безусловным базовым доходом. Это значит, что всякий безработный получает от государства деньги, достаточные для скромной, но достойной жизни. Конечно, не более того. В обмен правительства получили право контролировать рождаемость – если недостаточно денег, чтобы купить дополнительную квоту, то второй ребенок в семье окажется последним. Так человечество победило голод и нищету, хотя неравенство между богатыми и бедными все еще продолжало увеличиваться.

Искусственный интеллект отобрал у людей каждые девять рабочих мест из десяти, и иметь работу стало своего рода привилегией. Те, кто хотели строить карьеру, подниматься по социальной лестнице или, скажем, путешествовать, тратили на образование, а остальные – в основном на игры виртуальной реальности, иные развлечения и еду.

*

По пути Виктор отправил голосовые запросы, чтобы получить разрешения – одно, чтобы выехать из города, а второе – чтобы заехать в местность, до которой он твердо вознамерился до-

браться уже завтра. Если у человека был браслет или, тем более, чип, то обычно муниципалитеты откликались довольно скоро. Визовая система помогала властям бороться против преступности, эпидемий и многого другого. Из-за своей позавчерашней выходки Виктор чутьчку переживал: вдруг откажут или станут тянуть с ответом?

В приемной небольшой гостиницы на окраине города робот-администратор поинтересовался, забронирована ли у посетителя комната. Гость ответил отрицательно, но ему повезло – парочка свободных номеров все-таки имелась. Ушедший из дома, не разуваясь, повалился лицом на кровать и закрыл глаза. Зачем она сделала это? Расчет или отчаяние? Но что бы его жена ни задумала, он определенно переиграл ее. О таком она и помыслить никак не могла. Виктор представил себе выражение лица Марины, когда та обнаружит накрашенного Давида с членом в руке. Мужчина вслух рассмеялся, перевернулся на спину и сцепил под затылком ладони. Несмотря на приподнятое настроение, последние дни и впрямь опустошили его. Наверное, в самом деле нужно было выбрать любую другую специальность, но только не философию. Он вспомнил одного из преподавателей, который как-то раз по-дружески заявил, что, хотя Виктор умен и у него высокие оценки, в пространственном отношении он так же далек от философии, как во временном – от пещерного человека. От пещерного человека. Да, так и сказал.

Постоялец случайно притронулся к своей щеке и ужаснулся тому, что пропустил утреннее бритье. Он без особого труда нашел оправдание – вчера брился дважды, а значит, количество дней и церемоний по-прежнему совпадает. Поразительно, как легко нарушается традиция, которая еще вчера казалась незбылемой. Вскоре мужчина незаметно для себя задремал, и снился ему сплошной бред – пещерные люди, возмущенный Микеланджело, обнаженная Марина.

Его разбудил браслет, который сообщил владельцу, что разрешения выданы – можно ехать. Виктор протер суставом большого пальца глаза и потянулся за ноутбуком. На две недели он забронировал домик в лесу – в месте, о котором много слышал; а вслед за этим на сайте Красной Башни с упоением принялся подыскивать для себя робота из серии ММ. Тяжелый выбор пал на рыжую полногрудую модель. Покупатель сделал пометку о том, чтобы ее привезли не домой, а в его лесное жилище. Любопытства ради мужчина заглянул в раздел, где красовались роботы из той же серии, но в образах исторических персонажей. Особенно позабавила одна из рекламных акций компании: Ленина и Сталина вместе можно было приобрести с приличной скидкой. «Кого-то ждет тоталитарная групповушка», – пошутил Виктор. Немного спустя Красная Башня прислала письмо о том, что рыжевласая будет ожидать своего героя следующим утром.

Завершив дела, постоялец спустился в ресторан пообедать. Он заказал пасту с морепродуктами и молниеносно расправился с ней. Чтобы освежиться, Виктор решил прогуляться по окрестностям, но на улице поднялся хлесткий ветер, который загнал его обратно в здание. Он открыл правила по избавлению от браслета, чтобы хоть как-то убить время. Читать их было настолько скучно, что пришлось заняться чем-то другим – целую вечность слоняться по гостинице. Повсюду висели абстрактные картины, и мужчина задался целью найти в них зерно здравого смысла, однако потерпел неудачу. Безделье, ноги и желудок по предварительному сговору опять привели в ресторан, где сытый человек вынужденно съел караван сэндвичей, а вдобавок опрокинул в себя стакан виски с колой. Словом, день кое-как докатился до своего завершения и упал за горизонт. Следующие сутки, конечно, будут несравненно более волнующими.

В полдень робот-портье со смешными тонкими усиками и зачесанными назад волосами отнес чемодан обратно в автомобиль, и муж Марины устремился навстречу новому миру: выехал на трассу и включил музыку. Насколько драматичной оказалась бы сцена с оскотлением Давида, сделай он это под «O Fortuna» Карла Орфа? Водитель искренне пожалел, что настолько блестящая идея посетила его так поздно.

С одной стороны – сладострастное предвкушение встречи с рыжей бестией, с другой – Марина. Мужчина все ждал, что супруга свяжется с ним. Поначалу он хотел этого подсознательно, но в конце концов желание облеклось в слова. Тогда Виктор стал прокручивать в голове бесчисленные вариации разговора, который, позвони она, мог бы произойти. За них обоих он, словно актер,

проговаривал один за другим диалоги – где бывал то победителем, то ничтожеством, то злился, то смеялся. Молчание жены глубоко ранило его, но, по большому счету, он и понятия не имел, зачем вообще нужен этот звонок и что именно нужно ей сказать или – услышать от нее.

Философы подсказывали, что перемещение человеческого тела в пространстве ничего не изменит. Впрочем, водитель и не ставил такой цели. Как говорится, повсюду, куда бы мы ни отправились, мы берем себя. Верно замечено. Виктор был начитан, но знать не знал, что делать со всем этим багажом, и даже более – как распорядиться собой.

Как же просто – не думать ни о чем глубоко, легко касаться приятных предметов и ненавязчиво возвращаться к ним вновь и вновь. Не быть связанным прошлым, а мчаться к гостеприимному будущему, в котором разрешено остаться, которое никто не отберет. И все будет идти как задумано до того мгновения, когда это самое будущее наступит. Говорят, есть те, кто рождается не в свое время, не в свою эпоху. Возможно ли подобное? Или это так же, как с пространством – всего лишь перемещения, где все – одно. Был бы Виктор счастлив, смог бы найти общий язык с собой и миром вокруг, родился он раньше?

*

Виктор и не помнил, когда в последний раз ехал по проселочной дороге. До места назначения оставалась самая малость. Воодушевленный водитель опустил стекла, и салон автомобиля наполнился сосновым запахом. Попадая сюда, люди воображали, что здесь они ближе к природе, что тут они наверстают отставание от настоящей жизни, что заживут так, как когда-то жили их предки. Справедливости ради стоит сказать, что для наших предков едва ли кто-то посторонний каждый день привозил еду, обеспечивал безопасность, чистоту, отопление, горячую и холодную воду, электричество, высокоскоростной интернет. Роботы управляющей компании трудились не покладая рук и делали все, чтобы клиенты не замечали их.

Свет в окнах деревянного домика горел, и Виктор с нетерпением остановил машину. На пороге появилась рыжевласая. Она была совершенством. Зачем он, глупец, столько лет ненавидел и отвергал роботов?

На целых три дня разум, собрав все свои пожитки, покинул мужчину, и тот всецело придался честному распутству. Он отключил браслет для любых входящих сообщений, кроме экстренных; попробовал в постели все, о чем мечтал, о чем не мечтал и о чем боялся мечтать; выкурил одну из трех последних сигарет. Едва ли Виктор ощущал счастье, но он, без сомнения, прикоснулся к свободе. И пусть это свобода аквариумной рыбки, во всяком случае – она принадлежала ему.

На четвертые сутки любовник разлепил глаза и увидел, что рыжевласая, которой он так и не дал имя, обнимает его. Он пошевелил затекшим плечом, и робот отозвался на движение – вышел из спящего режима.

- Ты что-нибудь хочешь?
- Да, воды.
- Сейчас принесу.

Мужчина выпил из горла и поставил бутылку на тумбу. Через несколько секунд он вразвалочку потащился в ванную комнату, где схватил края каменного умывальника, наклонился к зеркалу и прищурился. Все эти дни Виктор не брился. Выясняется, у него довольно густая щетина. Ему казалось, что так он выглядит совсем по-новому – менее утонченно, более мужественно. Борода станет олицетворением свободы, и он ни за что теперь от нее не откажется. Так в древности варвары обвязывали веревками статуи чужих богов и опрокидывали их. Что ж, бритые – первый поверженный истукан.

После очередного соития Виктор прозрел, что перестал получать удовольствие, и задумался, стоил ли в самом деле робот таких денег. Он велел любовнице приготовить завтрак и провожал ее взглядом, пока она, обнаженная, удалялась от кровати. Тело рыжевласой было настолько безу-

коризненным, что в иные мгновения, например – сейчас, отталкивало. Мужчина уже изучил каждый его сантиметр, каждый штрих, каждый изгиб.

Робот принес на подносе тарелку с тремя сэндвичами: два из них с ветчиной – настоящей, не синтетической.

– Выкуси, Роберт, – пробормотал Виктор с полным ртом.

Рыжевласая забрала поднос и пустую тарелку на кухню, а мужчина задумался о том, чем бы заняться. Он поймал себя на мысли, что ее присутствие тяготит.

– Сходи, прогуляйся. Я хочу пару часов побыть один.

Марина. Мысли о ней по-прежнему не пробуждали нежных чувств, но Виктор отчего-то вспоминал ее. Браслет. Нужно поскорее избавиться от него. Сегодня же он дочитает треклятые правила.

А потом размышления окольными путями привели к вопросу «а что же дальше?». Виктор долго обходил его стороной. Стоит ли развестись, если он больше не любит Марину? А не любит ли? Почему вдруг перестал любить? Еще полгода назад у него к ней были чувства. Она права: увольнение все изменило. Но почему? Что за такая связь между семейной жизнью и работой? Вопросы без ответов, будто волны, хватали и безжалостно швыряли Виктора о скалы, а он был то ли Сизифом, то ли Прометеем, осужденным на непрерывную пытку.

*

Искалеченный робот, сильно прихрамывая, вернулся ровно через два часа.

– Что случилось? – воскликнул Виктор.

– На меня напало дикое животное. Я идентифицировала его. Это кабан.

Тело рыжевласой покрылось неисчислимыми следами от копыт и клыков. Вмятина на лбу и левом глазу изуродовали когда-то прекрасное лицо. Да, кабана, конечно, большой грудью не обманешь, пухлыми губами зубы ему не заговоришь. Любовник отправил одно сообщение в страховую, а второе – своему юристу. Он твердо решил подать иск против компании, что обещала ему безопасный отдых.

То, что рядом околачивается робот-инвалид, отравляло воздух. Что теперь делать с этой помятой дамой? Виктор скомандовал ей отключиться – в таком виде она больше не была интересна. Он не мог выбросить рыжевласую из головы, даже когда прикрыл ее. Вдобавок ко всему, *так* она почему-то выглядела еще более злое: стояла посреди комнаты с одеялом на голове, которое едва доходило до колен, а внизу торчали искореженные голени. Два испорченных робота за четыре дня, пожалуй, многовато. Захотелось пройтись, но было страшно, потому что, оказывается, – где-то там снаружи прохожего подстерегает кабан.

Виктор переключил браслет на обычный режим, бросил чемодан в багажник и сел за руль. Лесной зверь всего за минуту разрушил поднадоевший рай, и пресловутый вопрос «а что же дальше?» внезапно стал самым важным. Мужчина не знал, куда податься, но выбор невелик: со своими разрешениями он мог либо остаться там, где был, либо вернуться восвояси. Думать о новых местах и ждать новые визы не хотелось вовсе, и автомобиль понуро покатился домой. Виктор чувствовал, что не в силах сопротивляться воронке грядущего, и ему таки придется говорить с женой.

Марина смотрела какой-то фильм и, когда услышала шаги, спросила спокойным и скучным голосом, каким обычно спрашивают о погоде в стране, где погода всегда одинаковая:

– Ты хоть знаешь, сколько он стоил?

– Да, знаю. Я себе купил тоже.

– Ужасно любопытно, хотя после того, что ты сделал с моим роботом, есть вопросы к твоей логике. И где эта шлюшка? Я бы взглянула.

Мужчина сел на диван поодаль от супруги и уставился на экран.

– Ее раздрал кабан.

Марина закатилась громким смехом, но Виктора это совсем не задело.

– Ну, и как она в постели? Потому что я своего опробовать, как ты уже догадался, конечно, не успела.

– Стоит своих денег.

– А зачем ты заставил его до самого вечера держать член в руке?

– Люблю, когда сюрпризы получаются особенно эффектными.

– Тебе это удалось. Но губы ты красить не умеешь, надо сказать.

Виктор промолчал. Он внимательно смотрел вперед, но ничего не видел. Его мысли были далеки от всего на свете, потому что находились *нигде*. Тогда Марина задала еще один вопрос:

– Давно ты, кстати, бриться перестал?

– Сегодня четвертый день. Мне идет?

– А что твой робот сказал?

– Я ее не спрашивал.

– Нет, не идет. Так ты похож на взъерошенного воробушка.

Виктор с трудом подавил волну нахлынувшей ярости. Вот зачем она это сказала? А Марина продолжала:

– Если ты добиваешься того, чтобы я тебя разлюбила, то знай: я уже почти начала сомневаться и в своих чувствах, и в твоих. Почти. Но то, что ты сделал с Давидом... Уж не знаю, любовь это или твои комплексы, но я впечатлена.

– Марина, ничего не выйдет.

– Что ж, тогда я начну спать с Робертом. Ты ведь не посмеешь сделать с ним что-нибудь подобное? Я не могу бесконечно терпеть от тебя убытки.

На последнюю реплику Виктор не ответил, но мысль о связи между женой и соседом прочно засела в его воображении. Позже он сидел в кабинете, пялился на корешки книг в шкафах и все пытался понять, пойдет ли она на такое? А может – уже? Но он ведь только что сам объявил ей, что у них ничего не получится. Так почему его заботит, с кем она спит?

Мужчина почесал подбородок и по привычке запрокинул наполненную хаосом голову на спинку кресла. Через минуту он резко вскочил, позвонил Роберту и предложил вечером встретиться. Тот ответил, что будет ждать гостя в восемь.

*

– Дни потихонечку теплеют, – заметил Роберт, расставляя пиво на столике во дворе. – Ты какой-то напряженный.

– А ты?

– Что – «а ты»?

– А ты напряженный?

Хозяин открыл бутылку, выпил и лишь после этого отрывисто ответил:

– Нет. С чего бы?

– А мне с чего?

– Может, с того, что ты безобидному роботу член отрезал пару дней назад?

Виктор почувствовал, что собеседник забирает нити беседы в свои руки, но на сей раз решил во что бы то ни стало не отступать. Разворачивалась необычная война, где одна из сторон и не подозревала, что ведутся боевые действия.

– И кто же тебе об этом рассказал?

– Мне Марина звонила.

– Интересно. И зачем же она звонила?

Похожая на допрос беседа начала надоедать. Роберт отвалился назад и процедил, что та хотела посоветоваться о правовых последствиях. Гость не унимался:

– Что ж, и какие последствия у моего поступка?

– Она, если захочет, вполне себе может отсудить у тебя кучу денег.
 – Удивительно: если захочет, может отсудить кучу денег. Это я и без юридического образования понимаю. Ты шесть лет в университете таким пустякам учился?

– Слушай, сосед, остынь.

Впервые в голосе Роберта Виктор услышал нотки раздражения. Словно хищник, что почувствовал вкус крови, он продолжал напирать и жаждал только одного – увидеть страх. Голова была ясной, слова и мысли больше не путались.

– Да, прости. Ты ни при чем. У меня сложный период. Полагаю, дело именно в этом. Сменим тему. Расскажи, как сам?

– Я в порядке. Вообще, много работы. Устаю.

– Кстати, ты нашел себе новую девушку?

– Еще нет. Но, кажется, кое-что намечается.

На этих словах хозяин заметно развеселился, и Виктор не мог понять, намекает ли собеседник на Марину.

– Как же ее зовут? – спросил гость без обиняков.

– Пусть это пока что останется тайной.

Юрист улыбнулся, и Виктор в ответ многозначительно закивал головой.

– В связи с твоей намечающейся девушкой хочу дать один совет, Роберт.

– Женатый дает совет холостяку. Любопытно. Слушаю тебя.

– Если твоя девушка... Допустим, ее зовут Марина, как мою жену. Неважно. Если она однажды решит купить себе робота для потрапушек, то тебе надо будет найти самый большой и острый нож в доме, снять с этого урода штаны и сделать то, что должен. Я, если понадобится, сделаю это снова.

– То, что должен? Ты это так называешь?

– Да. И знаешь, *что* ты тогда почувствуешь?

Гость терпеливо дождался, пока Роберт выдавит из себя вопрос «что», и продолжил:

– А я не скажу тебе. Ты узнаешь, если только осмелишься сделать это. Но ты, полагаю, не осмелишься.

– Да что с тобой?

И тогда Виктор увидел в глазах собеседника то, что хотел. Быть может, ему всего лишь показалось, но сам он верил, что распознал семена страха. Сейчас бы вцепиться зубами в горло и разорвать на куски это ничтожество. Пусть только прикоснется к Марине – он выдумает для соседа самую изощренную из смертей.

Гость, так и не притронувшись к выпивке, встал из-за стола. Он нарочито крепко пожал Роберту ладонь, заявил, что у него срочные дела, и удалился. Божественно. У Виктора кружилась голова. Ему, как пещерному человеку из фильмов, хотелось бить себя кулаками в грудь, чтобы разнести весть о победе. От возбуждения он быстрым движением взъерошил себе волосы и двинулся в сторону роши.

*

Победитель добрался туда, где прежде горел костер, и вдруг вспомнил, что в горах Армении, в древнем Сюнике, вздымается мегалитический комплекс, которому по меньшей мере четыре тысячи лет. Он похож на британский Стоунхендж и называется Зорац-Карер, что в переводе с армянского означает «каменное воинство». Мужчина вообразил, как здорово было бы окружить свой огонь могучими камнями-воинами, превратить его в место поклонения, силы.

Виктор отыскал на клене свое имя и провел пальцами по шершавым буквам. Во всем этом он находил что-то языческое и прекрасное: сумерки, потухший огонь, имя на дереве. Мужчина снял куртку и положил ее на траву. Внутренний голос подсказал раздеться по пояс, и человек повиновался. Изумительно, какое блаженство порой наступает за подчинением в том случае, когда под-

чинение дарует свободу, покой. Виктор закрыл глаза, глубоко задышал и поднял руки в стороны ладонями вверх.

В раннем детстве, когда он еще умел нежно чувствовать, но почти ничего не понимал, бывали мгновения, когда мальчик вглядывался во что-нибудь прекрасное и *что-то* желал. И это *что-то* в самом деле существовало, но пребывало за границами достигаемого для человеческого рода мира. Тогда сердце билось чаще, и мальчик ощущал: другое *что-то* – внутри его самого, готово вырваться наружу и нестись со скоростью света к тому, чего здесь нет и быть не может. А единственной тонкой нитью – дорогой, которая связывала нечто внутри мальчика с тем нечто, что обитало вне нашего мира, была красота – ночное небо, озеро, лес.

Мысли вернулись из прошлого, и лишь теперь мужчина осознал, что порядком замерз. Он улыбнулся и неспешно оделся, смакуя одновременно приятный и неприятный холод.

Виктор был убежден, что пустил нормальную жизнь под откос, но вместо этого, казалось, он обретает нечто новое. Нечто, идущее из глубин веков, от предков. Нечто священное. Как много новых «нечто» проникло в его жизнь – предметов и явлений, имен которых он не знал.

Позднее хозяин дома закрылся в кабинете и, наконец, внимательно прочитал правила о том, как отказаться от браслета. После он отправил сообщение в муниципалитет, чтобы начать процедуру. Виктор расположился на диване и решил, что будет ночевать здесь, отдельно от Марины, пока не поймет, что делать со своей семейной жизнью. На глаза попала книга «Уолден, или жизнь в лесу» Генри Дэвида Торо. Выпускник философского факультета вытащил ее из шкафа, открыл где-то на середине и начал читать. Когда-то, будучи студентом, он проглотил это произведение за день.

Марина не писала, не звонила, и в глубине души Виктор был благодарен ей за это. Возможная связь жены с соседом больше не давила на него. Если будет нужно, он просто уничтожит Роберта. Хозяин дома чувствовал себя всесильным. Больше никогда он не окажется ведомым, само вращение небесных сфер должно подчиниться его воле. Начинается новая эра.

*

Когда на следующий день Виктор проснулся, Марины уже не было дома. Отражение в зеркале подтверждало, что щетина становилась все длиннее и даже принимала несколько неухоженный вид. Поначалу мужчина хотел ее подровнять, но в конце концов решил оставить как есть. Чуть позже опять не удался завтрак – на сей раз позвонили.

– Я все прочитала, – объявила сразу же ученица.

– Все прочитала? Как? Еще даже и недели не прошло.

– Я быстро читаю, ну а Гомера просто не стала перечитывать – «Илиаду» и «Одиссею» я хорошо помню. Когда будет наше занятие?

– Что ж. Приезжай сейчас.

– Прямо сейчас?

– Именно. Жду тебя там же. Через час.

Анна оказалась в некотором замешательстве, но согласилась. Виктор пришел на место встречи заранее и стоял там в гордом одиночестве, мысленно беседуя с ветром, точно классический романтический герой. Он не заметил, как она приблизилась.

– Пойдем, – заговорил Виктор, не поздоровавшись. – Если будут вопросы, смело прерывай меня. Договорились?

Двое вошли в рощу и неторопливым шагом направились наискосок влево. Учитель продолжил:

– На вопросы, которых мы будем касаться, нет правильных ответов. Точнее, нет ответов единственно верных. По крайней мере, в рамках философии. Ты всегда можешь поспорить со мной. Итак, еще раз. Что же такое философия? Своими словами.

– Мне кажется, это объяснение вселенной, мира, человека. Как бы – объяснение всего.

– Хорошо. Иными словами, философия – это способ познания мира. И лично для меня, кстати, способ самый прекрасный, хотя есть и другие. К примеру, религия познает мир с помощью веры, искусство – через интуицию. Еще есть наука. Очень интересно то, как соотносятся наука и философия. Философия похожа на науку тем, что ее инструмент – разум, но между ними есть целый ряд отличий. Например, философия в отличие от науки занимается вопросами, которые мы называем вечными. Она их, с одной стороны, решает, но с другой – никогда не сумеет разрешить окончательно. В то же время каждое предыдущее философское открытие навсегда остается в истории, совершенно не теряет свою ценность. Оно является чем-то вроде кирпичика, на который в будущем поставят следующий. И так буквально до бесконечности. С наукой же все наоборот. Понимаешь? Новое научное знание иногда полностью отвергает предыдущее.

– Выходит – это выбор каждого человека? В том смысле, каким способом познавать мир. Да?

– В некотором роде. Ты говоришь «выбор», но ведь никто не заставляет тебя выбирать.

– Как же не выбирать? Разве эти способы не противоречат друг другу?

– Ты увидишь, что и в самой философии определенные идеи противоречат друг другу. Но мы все же изучаем их все, а не коронуем одну, якобы единственно истинную. Все они вместе – огромный набор инструментов. Если ты правильно им овладеешь, то будешь знать, когда что использовать, чтобы...

– Чтобы что? – перебила в нетерпении Анна.

– А это уже тебе самой решать.

– Тогда получается, что нет никакой истины?

– Нет никакой истины? Совокупность всего, полагаю, и есть истина. Но об этом мы еще будем отдельно говорить. Вообще по этому вопросу сколько философов – столько мнений.

– Понятно... Вы сказали, что мне самой решать, как использовать инструменты. А вы для чего их используете?

Виктор невольно остановился. У него не было готового ответа. Он задумался, и понял, что никак не использует. Инструменты бесполезной грудой лежат рядом с ним в лодке, которую бурная река уносит непонятно куда. Река же – это чувства и страсти, которыми Виктор поработчен. И не потому поработчен, что считает это правильным или полезным, а по той простой причине, что по-другому не может.

– Я использую их, чтобы найти себя, – солгал учитель.

– Еще не нашли? Все еще ищете?

– Нашел. Буквально вчера. Давай продолжим. Итак, мы немного разобрались с тем, что же такое философия. Да, и еще. Ты, полагаю, уже поняла, что будешь читать первоисточники и не только их. Я даю только каркас, который тебе придется заполнять самостоятельно... Почему философия возникла именно в Древней Греции и почему именно в таком виде – это вопросы сложные. Ключ к ответу находится в самой истории, в том, что предшествовало началу философии.

Навигатор и беседа привели Виктора и Анну к пруду.

– А теперь вы меня утопите?

– Не совсем. Итак, кто же был первым философом?

– Фалес?

– Да, Фалес, который сказал, что все произошло из воды. Философ и математик Бертран Рассел в своей книге «История западной философии», которую, кстати, я тебе пока что не советую читать, пишет, что это обескураживает. Фалес сказал, что все произошло из воды. Ну и что? Это и есть ваша хваленая философия?

Анна усмехнулась, глядя на пруд. Виктор продолжал:

– Конечно, одна эта фраза мало что нам объясняет. Здесь все дело, как всегда, в аргументации. Фалес не просто говорил, что все произошло из воды. Он говорил, что любая жизнь связана с влагой. Видишь? Это первая попытка объяснить мир не с помощью мифа, а с помощью рационального аргумента. То есть философия и наука начались вместе – буквально из одной точки. По крайней мере, это первая подобная попытка, зафиксированная историей. Может быть, кто-то

думал, говорил или писал что-то подобное и раньше, но нам об этом ничего не известно. Да и от сочинений самого Фалеса, если они и существовали когда-то, ничего не сохранилось. Что сказал Фалес – мы знаем со слов других. Посмотри. Что ты видишь?

– Воду?

– Да. Но важно понимать, что «вода» Фалеса – это не просто вода. Она для него имела божественную сущность, она – первоначало, из которого произошло все остальное. Это не просто грубый материализм. Вода – это бог, который всего древнее, который никем не рожден.

– Вот с такой ерунды началась философия.

– Ты полагаешь, это ерунда?

*

Виктор рассудил, что им с Мариной лучше не попадаться друг другу на глаза. В конце концов, зачем эти неловкие мгновения? По будням воплощать замысел в целом несложно – всего-то нужно вставать поздно, уходить до того, как жена вернется с работы, а самому быть дома, когда она уже спит. Чем же заняться сегодня? Виктор вспомнил об «отличном баре с фантастическими роботами, на любой вкус», как сказал сосед. Искатель приключений проверил на браслете входящие сообщения. После той встречи Роберт, как и обещал, прислал местоположение заведения. Муж Марины оделся и воодушевленно покинул жилище.

Баром было стилизованное под середину прошлого века отдельно стоящее двухэтажное здание, в двух шагах от которого располагался мотель на три десятка комнат. Сосед не соврал: самые разные роботы-проститутки сновали туда-сюда, развлекая посетителей сальными шуточками и видами на выдающиеся части своих красноречивых тел. Виктор обратил внимание, что их манера говорить более естественная, чем речь его рыжеволосой, да упокоит искусственный интеллект ее душу.

Звучал джаз. Роботы-охранники, как водится, следили за поведением распутных гостей. Очевидно, чтобы никому не пришло на ум покалечить ответственного за алкоголь сотрудника, красочная табличка предупреждала: «Бармен – человек». За стойкой, положив ногу на ногу, загадочный робот-женщина играл с кольцом на безымянном пальце. Виктор устроился рядом и обратился к меню, написанному мелом на широкой черной доске.

– Почему пиво у вас стоит как мой автомобиль?

– Потому что очень хорошее пиво, – вежливо ответил бармен.

Виктор рассмеялся, заказал кружку и бесцеремонно оглядел соседа с кольцом. Робот ответил взглядом, а мужчина почувствовал себя в своей тарелке и расслабился.

– А мне закажете что-нибудь?

– Да что же ты будешь делать! Как в старых фильмах. Бармен, а ты знал, что начали производить роботов, которые пьют алкоголь?

Сотрудник заведения ответил отрицательно и предложил уступить предложению, чтобы узнать, что будет.

– Все ясно. Это у вас бизнес такой. Полагаю, сотрудничаете. Ладно, почему бы и нет. Чем же тебя угостить?

– А мы разве переходили на ты?

– Очень любопытно. Прошу прощения, а вы, мадам, из какой-то новой серии? Хамить – одна из ваших функций?

– Я буду Голубые Гавайи, если вы, конечно, не против.

– Голубые Гавайи?

– Да, это такой коктейль. Вы впервые в баре?

– Ах, да. Коктейль. А вы точно робот?

– Точно.

– Какой же серии?

– Это секрет.

На этих словах Виктор понял, что хочет ее. Учитывая то, где они находились, не нужно быть гением, чтобы догадаться – какой бы вертихвосткой она не была по заданной программе, их общение, если только он не передумает, закончится на кровати в соседнем здании. Это ее работа. Но великий грех – разрушить драматургию такой необычной беседы. Бармен быстро приготовил коктейль и поставил его на стойку.

– Пейте. Я хочу это видеть, – проговорил Виктор.

– За нашу встречу, – произнес робот и поднял стакан.

В эту секунду пришло второе осознание: сейчас выпускник философского факультета пойдет вразнос.

– Бармен, забери обратно свое пиво и налей мне, пожалуйста, водки.

– Прошу прощения, но за пиво все равно придется платить.

– Я заплачу, не беспокойтесь, – затем искатель приключений снова повернулся к незнакомке.

– У вас морщины возле глаз. Давно стали производить роботов с морщинами? Полагаю, вы не робот.

– Я устала с вами спорить.

– Так докажите обратное.

– Как?

– Поцелуйте меня.

Она, наконец, сделала глоток коктейля, игриво приподняла бровь и по слогам произнесла:

– Е-ще че-го.

– Этот робот работает у вас?

Бармен не расслышал вопроса, потому что занимался чем-то поодаль и стоял спиной. Виктор обнаружил перед собой рюмку с водкой, которую немедленно опустошил. Робот наклонился к собеседнику и полушепотом спросил:

– Кто сказал вам отращивать бороду?

– Никто. Я сам решил.

– Вы с ней божественны.

– Скажите мне правду, – настаивал Виктор.

– А вы дайте мне пощечину и поймете.

– Вы не хотите целоваться, но готовы на пощечину?

– Конечно, не готова. Я просто дурачусь.

Бармен вновь оказался рядом, и мужчина повторил вопрос.

– Нет, я вас уверяю: она не работает у нас, – был ответ.

– Меня зовут Виктор.

– У моей модели нет имени. Вы можете выбрать любое.

– Проклятые роботы, – прошипел мужчина и приставил браслет к считывателю, чтобы оплатить счет.

*

Виктор притаился снаружи. Какая-то сила подсказывала ему, что нужно подождать, и он не уходил. Через четверть часа она вышла из бара – уставшая, слегка сутулая. На улице разрешалось курить, и в ее губах появилась сигарета. Все стало ясно как белый день. Мужчина выскочил из машины и изо всех сил побежал к женщине, как делал это и за тысячи лет до того. Он схватил ее за плечи и чуть приблизил к себе.

– Я знал, что ты настоящая! Я знал!

Виктор крепко держал ее ладонями, а она, неспособная пошевелиться, ничего не отвечала. Словно безумцы, они, тяжело дыша, искали что-то в глазах друг друга. Когда молчание длилось уже целых сто восемь лет, он выхватил ее сигарету и, почти задыхаясь, поцеловал невкусные никотиновые губы.

– Пойдем! Пойдем прямо сейчас!

Мужчина потащил ее в сторону мотеля, а она шла за ним, не торопясь, но и не сопротивляясь.

– Пойдем скорее, – снова и снова бубнил Виктор.

В комнате на третьем этаже было сложно найти что-то кроме большой кровати и нескольких безвкусных предметов мебели. Прямо в одежде они рухнули на постель. Уже через минуту в каждой ее морщинке, в каждой родинке он будет находить символы жизни и даже саму жизнь. Марина много тратила на то, чтобы ее тело выглядело безупречно. Многие мужчины и женщины заключили, что по-другому выдержать неравную конкуренцию с роботами невозможно. И впервые за много лет Виктор занимался любовью с той, в ком все было настоящим, а значит – недолговечным и бесценным. Через каких-нибудь пять и тем более – десять лет это прекрасное тело постареет, а значит то, что происходит сегодня, может никогда не повториться. Он все твердил, что «она принадлежит ему», и незнакомка, не открывая глаз, улыбалась.

Когда все закончилось, оба боялись заговорить, чтобы не нарушить хрупкое равновесие бытия, но в конце концов ей пришлось произнести несколько слов:

– Ты меня задушишь.

Виктор ослабил объятия. Он понятия не имел, как называлось то, что происходило с ним. Будто какой-то неведомый поток с огромной скоростью легко и бесцельно перемещал его межзвездном пространстве. Впервые в жизни Виктор смог завоевать женщину, и в тот же миг – он воистину простил и возлюбил себя. И, наверное, именно поэтому влюбился в незнакомку без памяти. Выпускник философского факультета отчего-то не понимал, как опасно полюбить себя через кого-то другого. Ему хотелось продлить мгновение, а еще лучше – отмотать время назад и испытать все это вновь.

– У тебя чип? – спросил он, наконец.

– Нет, я чистая.

– Чистая? Ты это так называешь? Я скоро избавлюсь от браслета. И тоже стану чистым. Очищусь.

– Тебе будет хорошо. Послушай, это все очень странно случилось. Со мной такое впервые.

Лишь сейчас Виктор задумался о том, что она вообще делала в подобном баре, но он запретил себе спрашивать.

– Я покажу тебе новый прекрасный мир.

– Что будет теперь?

Никто никогда не задавал Виктору этого вопроса. Он всегда был ведомым, ему всегда показывали путь, по которому идти. Отец подсказал ему, какую профессию выбрать, Марина – на ком жениться, Роберт – в какой бар пойти, и так до бесконечности, изо дня в день, из года в год. До сего часа. А теперь красивая женщина лежит рядом и хочет узнать от него о будущем.

– Значит, нового прекрасного мира тебе недостаточно?

Она грустно улыбнулась.

– Так как тебя зовут?

– Алиса.

– В стране чудес?

– Угу.

Они долго лежали в обнимку и потеряли счет времени.

– Давай не будем сегодня разговаривать. Пожалуйста, – попросила женщина.

Виктор кивнул. Они оделись и вместе покинули здание. Он проводил Алису до машины, сохранил номер ее телефона и долго смотрел вслед уезжающему автомобилю.

*

Спать на диване в кабинете было неудобно. Хозяин дома долго ворочался и в конце концов перевернулся на спину, открыл глаза. Виктор остался наедине с собой и как бы разглядывал со

стороны и себя, и комнату. Наяву ли все это? Во тьме шкафов угадывались книжные переплеты, от которых пахло прошлым.

– Прости меня, Сенека. Прости меня, Марк Аврелий. Я нарушил все ваши заветы, – шептал он.

Впрочем, когда это Виктор следовал наставлениям стоических философов? Он зажмурился и глубоко вздохнул. Ему хотелось восстановить в памяти каждую мелочь, как сцену за сценой вспоминают полюбившийся фильм. А вдруг настоящий он – тот, который был всегда, а не этот? Быть может, сегодняшний день – всего лишь наваждение или пелена, что покрыла его?

Кто она? Виктор ничего о ней не знал, но теперь и дышать не мог без мысли об этой женщине. Часто те, кто совершили подвиг, навсегда превращаются в его рабов – великий поступок становится не просто событием из биографии, а частью их самих. Так Виктор сделал Алису частью себя. Точно Цезарь он пришел, увидел и победил. Она подчинилась его воле, и отныне ее нужно хранить как реликвию, как символ своей силы, потому что без Алисы все обретенное в мгновение ока разрушится.

В ту ночь он не вспоминал о Марине и Роберте. Они будто бы никогда и не существовали. А сам Виктор хоть и существовал, но так и не смог уснуть до самого утра. Потом приходили беспокойные сны. Проснулся он поздно, с очень тяжелой головой. Первым делом влюбленный отправился в душ и по пути не отказал себе в удовольствии еще раз взглянуть на свою бороду. О, если бы Виктор прислушался к словам Марины и увидел, как смехотворно он выглядит небритым.

После завтрака хозяин дома почувствовал, что, наконец, приходит в себя. Он собрался с мыслями и позвонил Алисе. Она не ответила, и сердце его сжалось. Чтобы отвлечься, Виктор в поисках подарка пошел по магазинам. Он потратил несколько часов, но так и не смог что-то выбрать. Вдруг раздался звонок. Голос ее был нежным и ласковым.

- Когда мы увидимся? – поинтересовалась она.
- Тебе удобно через час?
- Да, конечно. Какую ты предпочитаешь еду?
- Давай лучше просто погуляем.
- Хорошо. Как насчет центрального парка?
- Да, у западного входа. Ладно?

*

Виктор заранее продумал десяток тем для разговора, но как только увидел Алису – все они, точно канарейки из клетки, вылетели на волю. Мужчина поцеловал женщину и на несколько секунд крепко обнял. После они бродили по парку, расспрашивали друг о друге, говорили обо всем на свете. Ему было хорошо и спокойно.

– У меня ощущение, что мы знакомы много лет. Я чувствую тебя так хорошо, как чувствуют брата или друга детства, – призналась Алиса.

В ответ Виктор собрался духом для очень важного разговора:

- Я хочу, чтобы между нами все было совершенно честно.
- Конечно. Я тоже этого хочу.
- В таком случае, у меня к тебе одно признание и один вопрос.

Она закивала головой, и Виктор вконец расхрабрился.

– Я женат.

Влюбленный взглянул на спутницу краем глаза, но она, кажется, вовсе не собиралась поднимать бурю. Тогда он продолжил:

- Я женат, но у нас все сложно. Очень сложно.
- Ты несчастлив?

– Да, я несчастлив. Понимаешь, моя жена... Она хорошая. Я не хочу ее обижать или говорить о ней плохо... Тыфу ты. Что же я такое несу...

Алиса остановилась и положила голову ему на плечо.

– Я вижу – тебе очень трудно. Не надо сейчас этих подробностей. Оставь. Правда.

– Да, но теперь я встретил тебя. Я снова в порядке.

– Ты слишком сильный, чтобы не быть в порядке долгое время.

Последние ее слова заставили его опомниться. Что с ним? Куда девались его решительность и мужество? Почему он так разговаривает? Виктор решил, что будет очень странно преобразиться в один миг, и дал себе пятнадцать минут, чтобы выполнить это задание. Однако волнение и нетерпение торопили его.

– Ты права. И все же, ты добавила в мою жизнь что-то такое, чего у меня никогда не было. И это то, что покрывает и силу, и все остальное.

– Я тоже это чувствую, но мне страшно.

– Страшно? Почему?

– Я боюсь, что это чувство улетит, как воздушный шар, и я не смогу его поймать. Я боюсь, что я слишком слабая, чтобы любить тебя. У меня на самом деле даже себя любить не получается. Ну, вот. Теперь ты, кажется, знаешь все.

Виктор впал в экстаз от героической роли, что предстояло сыграть – спасение и защита красивой и слабой женщины, которая в ответ будет вечно любить, боготворить. В очередной раз он отчеканил твердым голосом затасканное «все будет хорошо». Влюбленный пожалел, что не прихватил сигареты. Сейчас, как настоящему герою, ему стоило бы закурить и выпустить струю-другую красивого дыма. Да что же ты будешь делать: в ее глазах даже появились слезы!

– Спасибо, что ты нашелся, – прошептала Алиса. – Еще ты хотел спросить что-то.

– Да, хотел. Но сейчас мне уже кажется это лишним.

– Прошу тебя. Спрашивай.

Мужчина мялся, и женщина вкрадчиво попросила вновь.

– Хорошо. Но знай, что я больше не переживаю об этом. Что бы ты ни ответила – я приму...

Что ты делала в том баре?

На долю секунды Алиса опустила взгляд.

– Знал бы ты, сколько раз со вчерашнего дня я сама себе задавала этот вопрос! Я понятия не имею, зачем пошла туда. Я просто сидела дома, и потом что-то заставило меня встать, одеться, выйти на улицу, отправиться в это отвратительное место. А потом я увидела тебя. И все изменилось. Я никогда не верила в судьбу, и мне странно произносить это слово. Но как это еще назвать? Как?

Виктор подумал, что даже если она и лжет, то, конечно, из страха разрушить их пока еще столь хрупкую связь. Все, что было до – не имеет значения. Они вместе, и жизнь – настоящая, а не выдуманная, только начинается.

Алиса продолжила:

– Я вижу в тебе что-то. Какую-то древнюю, я бы даже сказала – первобытную силу. Я вижу в тебе мужчину. Ты способен защищать, ты способен завоевывать. Посмотри, во что мы выродились.

С этими словами женщина прочертила ладонью дугу в воздухе, показывая на людей вокруг.

– Помнишь, я говорил, что покажу тебе новый прекрасный мир?

– Конечно. Как такое забыть?

– Этот день настал. Поехали.

Они наведались в рощу, и Виктор в подробностях рассказал возлюбленной обо всем, что приключилось с ним за последние дни. Мужчина показал место костра, свое имя, нацарапанное ножом на клене. Он прыгал вокруг нее, размахивал руками, громко говорил и смеялся. Алиса искренне поддакивала, и восхищение в ее глазах питало его. Возле пруда Виктор начал было рассказывать про Фалеса, но она, наконец, заткнула преподавателя долгим поцелуем.

Виктор привез Алису обратно в парк, откуда она на своей машине уехала к себе. Влюбленный сел на ближайшую скамейку, закрыл глаза. Безумное счастье сменилось счастьем спокойным. Люди и роботы больше не мешали, не раздражали. Виктор смиловился и согласился на их существование. Все они доселе шли своими дорогами, а теперь и он выбрался из трясины – идет своей. Мысли внезапно натолкнулись на жену, но мужчина с усилием перелистнул ее будто страницу в непослушной книге. Затем кто-то позвонил.

– Привет, сосед! Как твои дела?

– Все хорошо, Роберт. Я бы даже сказал – превосходно. Как ты?

– Лучше не бывает! Встретимся сегодня?

Поначалу Виктор хотел отказаться, но передумал: очередная трепка юристу не помешает.

– Никаких проблем. Давай встретимся.

– Во сколько придеешь? – уточнил Роберт.

– А кто сказал, что я приду?

– В смысле?

– Приходи ты.

– Ну... Хорошо. Почему бы и нет.

– Угощу тебя армянским коньяком.

Виктор больше не желал прятаться от супруги, да и вообще – от кого бы то ни было. Придя домой, он буднично поздоровался и спросил, как у нее дела. Его безмятежный тон озадачил, но она не подала виду. Марина ответила, что все хорошо, и поинтересовалась, как дела у него. У Виктора тоже все было в порядке, и на этот раз он не стал сразу же скрываться в кабинете. Интуиция заставила женщину запаниковать. В тревоге она случайно разбила стакан, но Виктор и бровью не повел, не шелохнулся.

– Поможешь мне? – спросила она.

И тогда произошло самое страшное: мужчина с великим безразличием и даже некоторой небрежной услужливостью выполнил просьбу. Поднимая очередной осколок, он порезал палец. Когда на полу не осталось больших кусков стекла, Виктор положил мизинец в рот и почувствовал вкус своей крови. Это необычно.

– Кстати, а с каких пор мы сами убираем мусор?

– Ты поранился! Сейчас что-нибудь принесу.

– Не нужно.

Виктор зачем-то приблизил кровоточащий палец к губам Марины, но она ладонью опустила его руку. Хозяин дома усмехнулся и отправился в кабинет – готовиться к битве. Спустя какое-то время он вдруг заметил, что кровь все еще течет и, чтобы не измазать одежду или мебель, снова положил палец на язык. «Я – Дракула, – подумал он, – Хочется крови юриста. Много крови».

В наружную дверь позвонили. Марина взглянула на изображение с камеры и узнала Роберта. По приказу хозяйки София впустила гостя. Затем женщина сама открыла дверь в дом. Виктор выглянул и уперся плечом о дверной косяк. С язвительным прищуром он принялся наблюдать, как обмениваются любезностями жена и сосед.

– Эй, голубки!

Когда двое перевели на него взгляд, Виктор качнул головой в сторону кабинета и произнес лаконичное «пойдем».

Хозяин дома развалился в кресле возле рабочего стола и усадил гостя напротив, в кресло поменьше. У Роберта возникло ощущение, что его ожидает собеседование для приема на работу, но он не смутился. У него было отменное настроение.

– Кто-то обещал мне армянский бренди.

Виктор с невозмутимой улыбкой встал, сделал несколько шагов и вытащил из небольшого буфета непечатую бутылку с двумя бокалами.

– Раз обещал, значит – будет. Но это не бренди, это армянский коньяк.

– Чисто с юридической точки зрения коньяком может быть соответствующий алкогольный напиток, произведенный во французском департаменте Шаранта. Исключительно там. Следовательно, все остальное – это бренди. Если не ошибаюсь, для поставки в какие-то страны армяне вынуждены писать на этикетке «бренди».

– Но не на этой бутылке. Ты сейчас испробуешь нектар богов и поймешь, что это – настоящий коньяк, а не какой-то там бренди.

– Что ж, сосед, если для тебя словом «коньяк» определяется качество напитка, пусть будет по-твоему. Не стану спорить.

Хозяин дома отметил про себя, что «палка начала гнуться».

– Несколько минут поддержи бокал в ладони, потом сделай маленький глоток, покатай его по небу, но не спеши глотать.

– Виктор, я знаю, как пьют коньяк.

– Что ж, в таком случае – наслаждайся.

– Как прошел твой день?

– Полагаю, превосходно. Я бы даже сказал, что это лучший день в моей жизни.

– Серьезно? Что такого сегодня случилось?

Показалось, что Роберт задает вопрос с некоторой издевкой, но армия, что стояла за Виктором была как никогда готова к бою.

– Что случилось сегодня не так важно.

– А что тогда важно?

– Важно, что происходит вообще.

– Дорогой сосед, ты стал вполне себе загадочным. Ты что – клад нашел? Или, может быть, работу наконец-то?

Хозяин дома засмеялся, чтобы показать – шутка его не трогает.

– Пожалуй, да. Полагаю, в каком-то смысле я нашел именно клад.

– Но ты о нем мне, конечно, не расскажешь.

– Конечно, не расскажу. Еще рано. А Марина, кстати, была рада тебя видеть.

– Смотри, чтобы твой клад не растворился в воздухе. Порой так случается. Да? – ухмыльнулся многозначительно Роберт.

– Поверь мне, мой клад никуда не денется. А ты рад видеть Марину?

– Почему нет? Конечно, рад. У тебя замечательная жена.

– Ты прав, у нее много достоинств. Рад, что вы стали больше общаться.

– Разве? – удивился гость.

– Да, я действительно рад этому, – настаивал Виктор.

– Нет. Я спрашиваю, разве мы стали с ней больше общаться?

– А что? Нет? Если нет, то мы можем позвать ее сюда. Прямо сейчас.

– Ну, хочешь – позови. Ей-богу, не понимаю, к чему все это.

– Роберт, ты просто так хотел со мной увидеться?

– Не совсем. Я узнал кое-что и решил поделиться.

– Ясно. И что же ты узнал?

Собеседник потер пальцами лоб.

– Послушай, сосед. У меня еще с прошлого раза ощущение, что ты ищешь повод со мной поспорить или точнее – что-то хочешь мне доказать. Я не знаю. Скажи, если я не прав.

– Разве? – спросил Виктор, повторив интонацию гостя, с которой тот произнес это слово минуту назад. – С чего ты взял?

– Твой тон, твои уколы. Даже вот это твое «разве» мне почему-то неприятно слышать. Если я чем-то обидел тебя, так и скажи. Я попрошу прощения. Слушай, вообще я сейчас просто пытаюсь тебе объяснить, что ценю нашу дружбу.

Хоть на лице Виктора и не дрогнул ни один мускул, на самом деле хозяин дома оказался оговорен. На него словно неожиданно вылили ведро ледяной воды. Возможно, он и вправду ведет войну против того, кто и не думал причинять ему зла? Они всегда хорошо общались, Роберт давал ему советы, поддерживал. Конечно, юрист еще и часто подначивал его, но разве из этого следует, что тот непременно хотел задеть или оскорбить?

Виктор выдержал очень долгую паузу, долил гостю и себе коньяка.

– Что ж. Роберт, у меня нет с тобой совершенно никаких проблем. Но я изменился. Очень сильно и в очень короткий срок. Может быть, именно поэтому я кажусь странным. Тебе всего лишь нужно принять эти изменения. И все будет в порядке.

Чтобы сохранить завоеванные позиции и закрепить новое соотношение сил, Виктор подошел к гостю, крепко сжал его ладонь и по-отечески похлопал по плечу. Роберт самодовольно улыбнулся, и, казалось, ничего не имел против того, что происходило.

– Ты прав. Ты изменился. Ей-богу, я тоже заметил. Такое чувство, что ты обрел себя, обрел гармонию, силу. Не каждому это удастся. Недаром родители называли тебя Виктором.

Такие эмоции, какие после этих слов испытал выпускник философского факультета, испытывают чемпионы, которые получают похвалу от самого достойного, хотя в конце концов и проигравшего соперника.

– Вот и славно. Разобрались. Так что ты там узнал? – спросил снова хозяин дома.

– Так вот, – продолжал Роберт. – Я совершенно случайно узнал об одном интересном месте, где собираются мужчины. Обычные мужчины. Такие как я и ты.

– И что это за место?

– Своего рода бойцовский клуб. Хотя почему своего рода. Это вполне себе бойцовский клуб. Они там дерутся, а потом обсуждают, пьют пиво и отдыхают. Что скажешь?

– Это законно?

– Нет. Конечно нет. Но с каких пор тебя это останавливает, разжигатель нелегальных костров и гроза роботов?

Предложение крайне льстило. Виктор все посматривал на мускулистое тело Роберта, и ему казалось, что он не хуже, что в его руках и ногах – такая же мощь. Замысел будет следующим: Виктор попытается побить там кого-нибудь, а если не получится, то он явится на глаза Алисе с парой ссадин. Она будет впечатлена. Беспроигрышный вариант.

– Почему бы и нет.

– Отлично, сосед. Будем там вместе держаться. Разузнаю завтра, когда можно поехать, и дам знать.

*

Совсем рано, когда еще не растворился запах ночи и ее тишина продолжала изливаться по округе, Виктор пробудился. Ласковый новорожденный свет маялся в окне. Хозяин дома встал с дивана, пересек кабинет, гостиную и босиком, прямо в пижаме, вышел во двор. Было прохладно, и ноги начали подмерзать, однако Виктор все стоял на месте, то зажимая, то отпуская пальцами ног траву. Он глубоко дышал и уже не боялся, что может проснуться, и все станет как прежде. Мужчина вернулся в дом и натолкнулся на Марину. Она увидела, как он пересек порог, и теперь уставилась на его босые ступни.

– Что-то случилось? – спросила женщина.

Раньше она очень нравилась Виктору такая – полусонная и полуобнаженная, с взъерошенными волосами. Но теперь все иначе.

– Нет. Ничего не случилось. Все в порядке. Ты сегодня на работу?

– Да, как обычно. Сегодня четверг. А у тебя какие планы?

– Пока еще не думал об этом.

– Долго вчера сидели? Я уже спала, когда Роберт ушел.

- Позвони, узнай у него.
- Не хочу я ему звонить.

Виктору сейчас даже казалось, что он, пожалуй, был бы рад связи жены и соседа. Тогда будет проще с ней расстаться.

- Нет, он скоро ушел.
- Понятно.

Марина так и не придумала, как продолжить неуклюжий разговор, и поэтому после неловкой заминки каждый отправился по своим делам.

– Ты больше не владеешь мной, – произнес вполголоса Виктор перед тем, как закрыть за собой дверь в кабинет. Он не знал точно, услышит ли она.

- Прости, ты что-то сказал?
- Говорю: какой хороший день. Желаю тебе тоже им насладиться.

Хозяин дома взял книгу и притулился на диване, но Морфей стал наештыпать ему заколдованные истории, от которых отяжелели веки. Он и не думал сопротивляться – положил Хемингуэя прямо на пол, укутался в одеяло и уснул.

Разлепив глаза, Виктор обнаружил долгожданное сообщение из муниципалитета. Что ж, впредь всякий раз придется тратить время и нервы на то, чтобы, например, подтвердить личность, что-то оплатить или записаться куда-нибудь на прием. Впрочем, жребий брошен и дороги назад нет. Исполнилась его мечта – жалеть не о чем.

Марина оставила на холодильнике записку о том, что она приготовила для мужа завтрак. Виктор неодобрительно покачал головой, но это не помешало ему в два счета расправиться с фруктовым салатом.

*

Уже знакомая по предыдущему разу сотрудница встретила Виктора теми же заученными наизусть фразами:

– Здравствуйте! Приложите, пожалуйста, ваш браслет к идентификатору... Спасибо. Чем я могу помочь?

- Добрый день. Мне пришло уведомление о том, что можно снять браслет.
- Минуту. Да, в системе действительно имеется подобная информация.
- Что ж, давайте сделаем это прямо сейчас.
- Вы ознакомились с регуляциями?
- Ознакомился.
- Вы осознаете последствия данного действия?
- Конечно. Осознаю.

– Если в будущем вы захотите вновь обзавестись браслетом или чипом, знайте, что с этим не будет никаких сложностей. Вам всего лишь нужно будет заполнить и отправить нам заявление соответствующей формы. Вся процедура займет не больше суток.

Робот-помощник проводил Виктора в кабинет специалиста. Молодой человек лет двадцати пяти подключился к браслету и молча приступил к работе. Выпускник философского факультета смотрел куда угодно, но только не на свое запястье – будто бы ему делали болезненный укол, на который и глядеть-то страшно.

- Почему вы это делаете? – неожиданно спросил специалист, не отрываясь от компьютера.
- Хочу свободы.
- А вы думаете, что без браслета станете свободным?
- Полагаю, что это буквально последнее препятствие перед свободой.

Вскоре все было готово.

- Я как священник, отпускающий грехи, – произнес специалист.
- Отпустите мои грехи, святой отец.

– Отпускаю. Идите и больше не грешите. Но перед этим подпишите здесь. На каждой странице, пожалуйста.

Виктор прочитал документ и не мешкая сделал что требовалось. Робот снял с его руки браслет и поместил в пластиковый контейнер.

– Много людей приходит, чтобы стать свободными?

– Все приходят, чтобы стать свободными. Никто не думает, что становится рабом.

Вольноотпущенник заехал в магазин и купил себе телефон, с зависимости от которого, по-видимому, и начинается свобода.

– Знаешь, как именно я звоню тебе? В жизни не угадаешь.

– И *как* же ты мне звонишь, сосед?

– С телефона.

– Серьезно? Так ты снял его! – восхитился Роберт.

– Да. Я же говорил, что сниму.

– И что ты чувствуешь?

– Пока не до конца разобрался, но все в порядке. Ты разузнал?

– Да. Все еще хочешь? Не передумал?

– Я же говорил, что готов. А если я что-то сказал, то так тому и быть.

– Ладно-ладно, полегче, мистер «я же говорил». У нас, кстати, возникла проблемка.

– Какая еще проблемка? – сухо переспросил Виктор.

– Точнее, у меня проблемка, а не у нас. Туда нельзя ехать с браслетами и чипами.

– Почему это?

– Говорят, что чип или браслет могут быть с контролем здоровья, а значит, если кто-то получает серьезные травмы, то на место сразу же выедут скорая помощь и полиция.

– Ты можешь сказать, что у тебя нет такой настройки.

– Сказать, сосед, я, конечно, могу, но у них правило такое. Тем более у меня на чипе и вправду есть контроль здоровья. Им не нужны проблемы с полицией. Согласись, сложно их в этом обвинять.

– Ясно.

– Что теперь? Ты поедешь один?

– Пришли мне локацию.

– Ты, конечно, бес. Очень круто. Завидую.

Виктор ничего не ответил, и на этом разговор окончился. Виктор признался себе, что немного напряжен. Что ждет его там? Однако уверенность вернулась очень скоро – он легко отогнал тревожные мысли. Роберт прислал местоположение бойцовского клуба и написал, что встречи проходят каждую пятницу в шесть часов вечера. «Значит, завтра в шесть», – пробормотал Виктор и позвонил Алисе. Он поведал ей историю о своем освобождении и спросил, когда они смогут увидеться. Она ответила, что в этот и на следующий день очень занята и, к сожалению, не сумеет вырваться; заверила, что ничего плохого не случилось, и обещала рассказать обо всем при встрече – например, в субботу.

– Конечно. Никаких проблем. В субботу – это очень хорошо, – согласился Виктор и поехал домой.

В спальне стояло большое, выше человеческого роста, зеркало. Он разделся по пояс и посмотрел на свой голый торс. Выпускник философского факультета был очень худ, но сейчас ему казалось, что в целом он неплохо сложен. Виктор с трудом сделал четыре отжимания и два коротких подхода скручиваний на пресс. После чего вновь подошел к зеркалу, принял боевую стойку и стал боксировать против воображаемого противника, а, отправив того в нокаут, победно вскинул руки.

Больше двадцати лет прошло со дня, когда он дрался в последний раз. Такое не забывают: он учился в пятом классе – ему сломали очки, и он получил сотрясение мозга, когда еще через пару секунд ударился головой об стену. Таким вот позорным образом, едва начавшись, завершилась

бойцовская карьера будущего преподавателя. Но теперь все по-другому. Виктор уже не тот одиннадцатилетний или двенадцатилетний сопляк.

На том месте, где раньше красовался браслет, кожа была более светлой. Виктор время от времени поглядывал на эту полоску – теперь у него есть татуировка, которая символизирует новую жизнь. Завтра – поединок, а послезавтра – самая прекрасная на свете женщина. Затем нужно будет положить конец отношениям с Мариной и найти работу. Он просто обязан наконец-то чем-то заняться – чем-то достойным, а не просто для того, чтобы убивать время.

Вечером Виктор повторил короткую тренировку, а перед сном решил пройти по местам боевой славы – роща, пруд. Он раз за разом представлял поверженного противника, что лежит в луже крови и просит пощады. Мужчина включил на телефоне фонарик и без труда отыскал клен со своим именем. Возле пруда он долго наблюдал за чуть дрожащей от ветра поверхностью воды. Виктор нащупал на земле камушек и швырнул его. Он ничего не увидел, но услышал характерный плеск и, закрыв глаза, вообразил, как в нескольких шагах от него пошли круги по воде. «Какие же мы странные существа», – подумалось ему. Тогда он вспомнил о главных мифологических героях, что окружали его – Алиса, Марина, Роберт, отец. В те минуты Виктор почти не испытывал эмоций: он словно исследователь внимательно разглядывал панораму своей жизни, пытаясь ухватиться взглядом за каждую мелочь.

После долгой прогулки Виктор быстро уснул, и снились ему приятные сны, где он был всемогущим римским императором, который сидел на троне из обнаженных женщин, и тепло их тел согревало его.

*

Утром Виктор спохватился, что у него нет спортивной одежды. На кухне Марина доедала хлопья с молоком, и мужчина поинтересовался, чем можно позавтракать.

- Могу приготовить яичницу.
- Нет, это долго. Я тороплюсь.
- Что-то случилось?
- Нет, ничего особенного.

Хозяин дома помыл яблоко и, зажав его в зубах, надел и зашнуровал ботинки. Поездка в спортивный магазин и дорога обратно заняли всего час. С быстротой молнии он нашел все, что искал: кроссовки, шорты, футболку, капу и даже шлем. Теперь можно было спокойно ожидать вечера, но спокойно у Виктора никак не получалось. Он то и дело ходил взад-вперед, открывал и закрывал холодильник, снова и снова перечитывал одну и ту же страницу в случайной книге. Решимость не покидала чемпиона, ему всего лишь хотелось поскорее оказаться на ринге и сокрушить того несчастного, который осмелится выйти против него. В полдень Виктор заказал пиццу с ананасами и, наконец, в половину шестого торжественным шагом прошел к автомобилю. После вчерашних упражнений ужасно болел пресс. Марина никогда не видела мужа в шортах и со спортивной сумкой – она лишь удивленно проводила его взглядом.

Виктор припарковался возле ничем не примечательного одноэтажного дома рядом с другими автомобилями. Он прислушался и понял, что разногласия доносятся не из основного здания, а из большой пристройки. Незапертая дверь приглашала войти, и Виктор отворил ее. Внутри он увидел три десятка мужчин разных возрастов. Как в старых фильмах про американский Дикий запад, все вылипились на него так, будто он странник, что оказался в салуне незнакомого города. Через секунду-другую присутствующие потеряли интерес к новичку и продолжили заниматься своими делами – кто-то говорил, кто-то курил, кто-то прохаживался, положив руки в карманы. В помещении были высокие потолки и хорошее освещение. Где-то в углу стоял холодильник с пивом.

Это собрание Виктор представлял себе совсем иначе. Он единственный явился в шортах, все остальные – в спортивных брюках или джинсах. Если новичок вытащит из сумки шлем, то, учи-

тывая обстановку, станет полным посмешищем. Он сильно смутился, но взял себя в руки и подошел к одному из незнакомцев.

- Привет. Я тут впервые.
- Здорово. От кого?
- От Роберта.
- Кто такой Роберт?
- Мой сосед. Это он звонил. Сам не смог прийти.
- Сосед, значит. Иди вон к тому мужику.
- Спасибо.

За столиком сидел массивный человек лет сорока с бритой головой и цветной татуировкой на предплечье в виде чрезвычайно зазорной проститутки. Он оглядел Виктора с головы до ног.

- От кого?
- От Роберта. Он разговаривал с кем-то из вас, но не смог прийти.
- Да, со мной говорил. Так... Ты в первый раз тут, значит, первый бой – твой.
- Первый бой?
- Да. На голых кулаках. По яйцам не бить. Других правил нет. Длится три минуты, потом все... Есть еще новенькие? – закричал мужчина с бритой головой, но никто не откликнулся.
- Других новеньких нет. Теперь надо прикинуть, кто же тебя не убьет.
- А вдруг я кого-то убью? – процедил Виктор, опершись о стол ладонями.
- Даже так. Что, хочешь сам выбрать?
- Не хочу. Я готов драться с любым.
- Как скажешь. Но вот смотрю я на тебя, братец, и не пойму, зачем это тебе вообще надо.
- Ты не знаешь меня.

Против новичка вызвался молодой парень лет двадцати двух по прозвищу Молоток – невысокий, но атлетичный, с широкой спиной. Виктор почти на голову был выше, но на этом его преимущества заканчивались. Обычно в уличной драке достаточно посмотреть друг другу в глаза, и обоим становится ясно, кто выйдет победителем, но уверенный в своих силах Виктор позабыл дома и чутье, и здравомыслие. Сейчас он проучит здесь каждого – за дерзость и за то, что недооценили его.

Бой отшумел, едва начавшись. Молоток резко пошел на сближение и ударил Виктора правым кулаком в живот. Когда тот от боли наклонился вперед, то последовал сокрушительный удар той же рукой в скулу. «Двоечка!» – радостно закричал кто-то в толпе. Затем Молоток издевательски толкнул соперника ногой, и выпускник философского факультета упал. Виктор попытался встать, но сразу же пропустил еще одну атаку в подбородок. Когда он стал приходить в себя, возле него бурно обсуждали поединок и смеялись.

*

Виктор осознал, что не в состоянии водить, и включил автопилот. Голова ужасно гудела, его подташнивало, а до скулы было невозможно дотронуться. Капа, которую в отличие от шлема он все-таки в последний момент надел, возможно, спасла несколько зубов. Поначалу Виктор разозлился на себя оттого, что не справился, но мысль о синяке, который вскоре раскрасит лицо, подняла настроение. Из-за чего, собственно, расстраиваться? Обидно только, что ему так и не удалось хотя бы разок ударить. Впрочем, даже это не важно. Он сделал то, чего еще не делал никогда. Он – настоящий мужчина: он преодолел свои страхи, обрел уверенность, принял бой. А победил или проиграл – какая разница? Это всего лишь результат тренировок. Кто-то тренируется больше, кто-то меньше, а кто-то вообще не тренируется, а книжки читает. Зато что скажет Алиса, когда увидит его! Станет расспрашивать, а он будет уходить от ответа, но в конце концов поделится с ней приукрашенной правдой. Да, ради такого не грех побывать в нокауте!

Когда Виктор с трудом втащил себя в дом, скула уже успела опухнуть и покраснеть.

– Что с тобой?! – воскликнула Марина.

Она бросилась к мужу и невольно схватила его за плечи, чтобы получше рассмотреть травму. Виктор ничего не отвечал и, покачиваясь, глядел на ее испуганное лицо.

– Ты хотя бы лед приложил?

– Пустяки...

Марина побежала на кухню, а Виктор, стараясь не шевелить головой, зашаркал кабинет, где плавно прилег на диван и закрыл глаза. Жена будто на цыпочках возвратилась и без предупреждения приложила завернутый в полотенце кусок льда к скуле пострадавшего. Виктор дернулся от неожиданности, но через секунду положил голову обратно на подушку.

– Где твой браслет?

– Его больше нет.

– В каком смысле?

– Я от него отказался.

– Ясно. С кем ты подрался?

– Марина, откуда столько вопросов? У меня голова раскалывается.

– Я очень переживаю за тебя.

– Не стоит. У меня все в порядке.

– А у нас? – спросила женщина без вызова.

– И у нас все в порядке. Только теперь это не мы. А я и ты.

– Не понимаю. Как мы дошли до этого?

– Не знаю как, но шли мы долго. Ладно... Марина, наверно, сейчас не лучшее время... но раз мы уже разговариваем, то я скажу. У меня другая женщина. Я не про робота. Женщина. Настоящая.

Она внимательно выслушала все до последнего слова, и Виктор никак не мог разгадать эмоции на ее окаменевшем лице. Марина неожиданно взяла его ладонь, и Виктор уже приготовился к слезам и мольбам, но вместо этого женщина положила руку мужа на полотенце со льдом.

– Держи сам, – спокойно произнесла она. – Мне просто жаль, что однажды твои воздушные замки рухнут. И поверь, я не говорю это, чтобы задеть тебя.

– Завтра я уеду.

– Делай что хочешь.

Марина закрыла за собой дверь. Все было кончено, но Виктор не так представлял себе их расставание. Сейчас он не чувствовал счастья, не чувствовал свободы.

*

Когда хозяин дома очнулся, то первым делом посмотрелся в зеркало. Лицо выглядело уставшим и одутловатым, а синяк стал темно-фиолетовым. Болела челюсть. На телефон пришло сообщение о том, что Марина направила в суд иск о порче имущества из-за покалеченного Давида. Виктору это было неинтересно, и он даже не дочитал до конца. Его ждет встреча с Алисой – вот что важно. А травма между тем оказалась еще более впечатляющей, чем он рассчитывал.

Позвонил Роберт. Виктор никак не мог привыкнуть к телефону – приходилось соглашаться с тем, что браслет в самом деле намного удобнее.

– Привет, сосед! Ну как все вчера прошло?

– Все прошло хорошо. Жаль, тебя там не было.

– Дрался с кем-нибудь?

– Да.

– Вполне себе! Ну, и как? Рассказывай!

– Я несколько раз удачно врезал ему, но в итоге проиграл.

– Как ощущения?

– Много адреналина. Чувствую себя мужчиной: я не струсил пойти, сдержал слово. А у тебя как ощущения?

- Ей-богу, жалею, что у меня не получилось. Я бы посмотрел на твой бой. Пойдешь еще?
- Еще не думал.
- Слушай, сосед, ты ведь не обижаешься, что я не смог прийти?
- С чего это?

Виктор сильно разочаровался в Роберте и не понимал, как и о чем с ним теперь разговаривать. Немного спустя позвонила Алиса, и они договорились встретиться в кафе.

Влюбленный приехал гораздо раньше условленного времени. Он дождался, пока освободится столик, который показался ему наилучшим, и пересел. Еще целых полчаса нужно было чем-то себя занимать, и тогда Виктор принялся внимательно исследовать сначала узоры на скатерти, затем – интерьер. Вдруг он осознал, что с самого утра ничего не ел, и попросил меню. Посетитель уточнил у официанта, какое блюдо не нужно долго ждать, и ему предложили на выбор несколько вариантов. Не прошло и четверти часа, как греческий салат улыбнулся голодному человеку. Виктор хладнокровно расправился с едой, и как только стол привели в порядок, наконец появилась Алиса. Мужчина встал, поцеловал свою женщину и по-старомодному отодвинул для нее стул.

- Милый, что с твоим лицом?
- Пустяки.
- Пустяки на пол-лица?
- Алиса, это всего лишь синяк.
- Прошу тебя, расскажи.
- Ладно. Я теперь в мужском бойцовском клубе.
- В смысле? А это законно?
- Нет, конечно же, незаконно. Но там отличные парни. Мы хорошо проводим время.

Вместо приступа восхищения у Алисы на мгновение будто бы потух взгляд, а потом она поспешно встала и со словами «мне нужно идти» устремила к выходу. Виктор вскочил со своего места, схватил ее за руку.

- Поймай! Что случилось?
- Ничего. Мне срочно нужно идти. Я позвоню тебе через пятнадцать минут. Хорошо?
- Да что же ты будешь делать! Это из-за синяка?
- Прошу тебя. Отпусти. Я скоро вернусь.
- Скоро вернешься?
- Да. Я позвоню.
- Надеюсь, ты мне все объяснишь. Я буду ждать здесь.

Женщина ничего не ответила, выскользнула из заведения и куда-то умчалась на своем автомобиле. Виктор был в замешательстве, ничего не мог понять. Он попытался восстановить в памяти каждую деталь беседы, но очень скоро совсем извел себя. Пятнадцать минут длились целую бесконечность, но едва они истекли, Алиса и вправду позвонила – она пообещала вернуться через час.

*

Виктор несколько раз выходил на свежий воздух и снова возвращался в кафе. Час почти истек, и влюбленный, беспомощно скрестив руки на груди, все пытался понять, что произошло, что он сделал не так. Неужели одна история с бойцовским клубом и синяком под глазом разрушит все, что он создал? Роберт тогда сказал, что его клад может раствориться в воздухе, а Марина говорила о воздушных замках. Как будто все всё знали. Как будто он проклят и судьба издевается над ним – она на миг показала счастье только лишь для того, чтобы затем отобрать.

Рядом с Виктором остановился очень дорогой автомобиль, из которого вынырнул гладко выбритый мужчина в сером костюме. На его подбородке, будто дыра, зияла большая черная ро-

динка. Чуть оттопыренные уши тотчас же выдавали в нем человека. Незнакомец подошел и поздоровался.

– Я представитель компании Красная Башня. Мы хотели бы пригласить вас к нам в гости для того, чтобы обсудить один очень важный вопрос. Вы когда-нибудь бывали в главном офисе нашей компании? Уверен, вам будет любопытно.

– Полагаю, это ошибка.

– Нет, мы не ошиблись. Вас зовут Виктор. Вы преподаватель философии.

– Что ж. Если это по поводу суда, то у меня для таких дел есть юрист. Обращайтесь к нему. Нам совершенно не о чем разговаривать.

– Мы знаем по поводу иска, но я вас уверяю, нам нет до этого дела. Это текучка, мелочь. Всего лишь ваши имущественные споры с супругой.

– А что же тогда?

– Виктор, очень прошу вас поехать со мной. Я не хотел бы начинать обсуждение столь деликатного вопроса на улице. На самом деле, я и не уполномочен обсуждать его по существу. И не только не уполномочен, но также не владею полной информацией.

– Я жду человека. Не могу никуда ехать. Приходите завтра.

– Дело в том, что этот человек не придет. Алиса не придет.

– Что это значит? Откуда вы это вообще знаете?

– Считайте, что это она попросила меня к вам приехать.

Виктор ничего не ответил, вытащил из кармана телефон и позвонил возлюбленной. Та спокойным голосом подтвердила слова человека с родинкой и теперь уже сама попросила о том же. Ее тон подсказывал, что она не станет вдаваться в подробности по телефону. Ради того, чтобы узнать правду, Виктор готов был поехать куда угодно и с кем угодно.

– Я увижу там тебя? – спросил он.

– Я не знаю. Это не от меня зависит, – ответила она.

Выпускник философского факультета молча сел в автомобиль, а представитель компании захлопнул за ним дверь и сел в машину с другой стороны. Человек с родинкой велел автопилоту ехать в центральный офис, и городской пейзаж за безучастным окном зашевелился.

В кабинете, куда Виктора пригласили войти, уже ожидал мужчина в возрасте, который, очевидно, занимал в компании высокую должность. Гостю предложили на выбор чай или кофе, но тот отказался.

– Я вас слушаю. Что вы хотели мне сказать? – парировал Виктор приветственные любезности.

– Конечно-конечно. Виктор, вы хорошо знаете нашу компанию, так сказать – дружите с ней. Мы вообще широко известны, и это, пожалуй, сложно не заметить. Недавно вы даже приобрели у нас кое-что, некий продукт. Жаль, конечно, что вы не имели возможности вдоволь насладиться этой восхитительной... возможностью. Мы оба с вами знаем, что в этом не было вины Красной Башни. Правда? Итак, Виктор, вам хорошо известно, чем мы занимаемся. Мы – одни из ведущих производителей роботов, но давайте копнем чуть глубже. На самом деле Красная Башня развивает огромное количество направлений, так или иначе связанных с искусственным интеллектом. Громадные средства вкладываются в новые исследования. Поскольку, Виктор, наша конечная цель – это максимальный комфорт клиентов, то краеугольным камнем политики Красной Башни является идея развития. Ведь мы должны успевать улучшаться и быть на шаг впереди конкурентов, потому что вкусы и потребности наших клиентов также меняются, улучшаются.

– Давайте ближе к делу.

– Конечно-конечно. Так вот, Виктор, прямо сейчас мы тестируем нашу новейшую разработку. И это все, по правде сказать, достаточно сложно. Буду с вами откровенен. Очень откровенен. Кто-то может назвать подобное тестирование не совсем уместным в рамках правового поля. Даже более того – совсем не уместным. Прошу вас, Виктор, учтите, что вы сейчас допущены, не побоюсь так выразиться, в информационную святая святых Красной Башни...

– Или вы прямо сейчас мне говорите, какое ко мне и к Алисе имеет отношение ваша компания, или я выйду вон в ту дверь.

Ближе к концу своей речи голос и губы Виктора чуть задрожали. Он нервно сглотнул.

– Я, по правде сказать, хотел сделать это максимально безболезненно.

Гость встал со своего места и быстрыми шагами направился к выходу, но то, что он вдруг услышал, сразило его, будто точно выпущенная стрела.

– Алиса – робот.

Виктор встал как вкопанный, горя желанием броситься с разбегу в окно в нескольких шагах справа. Он уже отчетливо представлял себе, как разбивается стекло, как он летит вниз с двадцатье какого-то этажа, как никто, кроме отца, не сожалеет о его смерти.

– Виктор, прошу вас, сядьте. Вы уже услышали самую плохую новость. Прошу вас. Позвольте мне все объяснить. Я уверяю вас... Я действительно верю в то, что, когда мы закончим беседу, вы, учитывая ваш интеллект, сумеете взглянуть на ситуацию под совершенно другим углом. Прошу вас, Виктор. Не делайте глупостей. Мы взрослые люди, давайте разговаривать. Прошу.

Гость повиновался. С этой минуты он сам не заметил, как сильно стал сутулиться – не было никаких сил держаться прямо. Будто ему хребет переломали.

– Как уполномоченный представитель компании, я хочу официально сообщить вам, Виктор, что мы готовы возместить причиненный ущерб в таком размере, который сможет максимально... как бы это сказать... который хоть в какой-то степени смог бы восстановить ощущение попранной справедливости. По нашей вине произошло вторжение в ваше личное пространство. Мы это признаем. И, конечно, никакие деньги не могут полностью сгладить произошедшее. Тем более, что вы и сам человек не бедный. Но мы уже находимся, так сказать, внутри создавшейся ситуации, и теперь Красная Башня пытается сделать все, что от нее зависит, чтобы исправить ее в той степени, в какой это только возможно. Понимаете, о чем я? Забудьте об иске, который выдвинула против вас жена. Мы все уладим. Мы также готовы предоставить вам нового робота любой модели с пожизненной гарантией и правом бесплатной замены. Кроме того, мы готовы дать вам прямую денежную компенсацию. Виктор, я уверен, что мы обо всем сможем договориться. Такая мощная корпорация, как Красная Башня, может стать вашим другом, союзником. Представьте себе, какие выгоды на протяжении всей своей жизни вы, Виктор, можете иметь из этого. Я оставляю свои контакты, чтобы по любым вопросам вы могли свободно и напрямую звонить мне.

Виктор отрешенно кивнул головой. Его собеседник очень старался и продолжил свой монолог:

– Но есть один очень важный нюанс. У нас только что завершилось экстренное совещание совета директоров, и они уполномочили меня проговорить с вами все это. Красная Башня готова на действительно большие шаги вам навстречу. Поверьте мне. Я давно здесь работаю. И никогда не видел подобного. Но совет кое-что беспокоит. Думаю, вы понимаете, о чем речь. Вся эта история, Виктор, должна, так сказать, остаться между нами, то есть – между вами и корпорацией. Даже ваш отец, с которым вы, насколько нам известно, так близки, и который является очень уважаемым человеком в нашей стране, не должен знать об этом. Прошу вас, поймите правильно то, что я сейчас скажу... Вы ведь осознаете, что у такой мощной организации, как Красная Башня, есть множество возможностей, как решать проблемы, но в вашем случае директора единогласно решили сотрудничать. И они, поверьте мне, искренни в этом желании. Мы с вами подпишем специальный документ, который гарантирует...

– Расскажите, как все это произошло.

– Простите, что именно вы хотите знать?

– Все это. Вся эта моя история с Алисой. Расскажите честно. Я хочу все знать. Тогда я пожалею вас. Или как вы там это называете... пойду вам навстречу. Откровенность за откровенность.

– Конечно-конечно. Я вас понял. И я на самом деле очень рад, что вы спросили. Я рад, что мы разговариваем, Виктор. Дело в том, что Алиса не просто робот, а робот совершенно уникальный. Ее интеллект несопоставим с интеллектом какого-либо из других роботов, производимых нами.

Она невероятно тонкий психолог. Она способна распознавать устремления и предугадывать желания, а также корректировать свое поведение в соответствии с результатами той аналитической работы, которую она ведет день и ночь.

– То есть вся моя история была тестированием.

– Пожалуй, и к сожалению, мы можем использовать здесь это слово.

– И вы отсюда, полагаю, видели ее глазами, слушали ее ушами. Да? Все наши с ней разговоры, наш секс. Вы же следили, раз это было тестированием.

Представитель компании сжал губы в кающуюся дугу и кивнул.

– Теперь вы до конца понимаете, Виктор, насколько это деликатная для нас ситуация. Во время совещания было принято решение немедленно остановить тестирование программы. Все роботы отозваны. Мы не хотим, чтобы другие пострадали так, как пострадали вы, Виктор.

– Деликатная ситуация. Все роботы отозваны. Ясно. И по какой же причине? Что же такого случилось, что пришлось их отозвать?

– Дело в том, что вы посетили место, которое называете бойцовским клубом, фактически из-за Алисы. Она подтолкнула вас к этому. Вы сделали это, чтобы произвести на нее впечатление. И вы получили травмы. Понимаете? Вы нарушили закон, когда пошли туда, а кроме того, причинен вред вашему здоровью. Правительство, активисты, религиозные организации, пресса, конкуренты. Если о том, что все это произошло из-за нашего тестирования, станет известно, нас просто уничтожат.

– Уничтожат? Как вы уничтожили меня?

– Прошу вас, Виктор. Вы умный и волевой человек. Скажите лучше, что мы можем сделать для вас?

– Умный и волевой? Не изображайте из себя Алису. Достаточно. Скажите правду: вы же так сильно не хотите, чтобы я сейчас выбросился в это окно, да?

– Еще раз: прошу вас. Не говорите так. Я понимаю, вы сейчас на эмоциях. Компания признает свою ошибку...

Виктор встал с кресла и медленно приблизился к окну. Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус? Что там прячется за стеклом?

*

Накануне Виктор заявил Марине, что уедет, но, когда вернулся домой, обнаружил, что она сама собрала вещи и исчезла. Позвонила Анна и с грустью сказала, что мама запрещает ей продолжать занятия. Он что-то безвольно пробормотал в ответ и отключил разговор. Виктор почувствовал себя тем, кому суждено умереть в одиночестве, вдали ото всех.

Он вытащил давно купленную и ни разу не использованную садовую лопату и поплелся в рошу. Выпускник философского факультета воткнул инструмент в то самое место, где за две с половиной тысячи лет до того разжигал костер. Все болело, но Виктор ни на минуту не останавливался и в конце концов выкопал длинную и узкую яму в форме прямоугольника – не очень глубокую, но этой глубины должно быть достаточно. Он прислонил черенок к дереву и равнодушно оглядел свою могилу. Потом мужчина лег в нее, и тогда оказалось, что он рассчитал неверно: голова и плечи остались торчать снаружи. Поначалу Виктор вознамерился докопать недостающий отрезок, но потом передумал – у него закончились силы. Лежать там было мерзко, но он не шевелился – сомкнул глаза и пытался, как мертвец, ни о чем не думать. «Вот такая она – смерть. Лежишь вечность и ни одной мысли».

Стало темно. Тело совсем продрогло, а шея ужасно затекла. Зазвонил телефон, и Виктор, не вставая, вытащил его из кармана. Он не мог не ответить – это был отец.

– Привет, сынок.

– Привет, папа.

– Мне Марина звонила.

- Ясно.
- Сказала, что вы разводитесь, а я должен позаботиться о тебе. Как ты? Где ты сейчас?
- Ох, папа. Лучше тебе не знать, как я и где я.
- Там безопасно?
- Там, где я сейчас, человеку ничто не может угрожать. Не беспокойся.
- Понятно. Не говори, раз не хочешь. Слушай, сынок. Приезжай завтра. Посидим, поговорим. Я бы сам приехал, но у меня тут встречи назначены. Их сложно отменить. Извини меня за это. Но вообще мне кажется, что тебе в любом случае полезно сменить обстановку.
- Хорошо, папа. Я приеду.
- Давай, сынок. Береги себя. Завтра поговорим. Обнимаю.

*

Виктор побрел обратно лишь после того, как от холода пальцы на руках почти перестали слушаться. Хоть спальня и опустела, он по старой памяти пошел спать в кабинет. Хозяин дома не стал снимать одежду; он кое-как сбросил на пол ботинки, укрылся одеялом и, зажмурившись, попытался согреть свое измученное тело. Виктор не заметил, как уснул. Проспал он очень долго, а поздним утром почувствовал, что в горле першит, тело ноет, а избитое лицо болит. В таком состоянии, конечно, невозможно приготовить завтрак, и побитый жизнью человек заказал маленькую пиццу на тонком тесте, после чего заглянул в интернет, чтобы отправить в муниципалитет запросы для поездки в столицу. Как же легко и быстро все выходило, когда у него был браслет! Возможно, в ближайшее время есть смысл вновь отяжелить запястье или даже всерьез поразмышлять над чипированием. Почему бы и нет, в конце-то концов?

Минут через двадцать пять Виктор обернулся в одеяло и, едва переставляя ноги, начал шататься по дому с треугольным куском пиццы в ладони. Выяснилось, что в месте, где он так долго жил, есть много предметов, которые раньше ускользали от внимания: здесь декоративный изгиб стены, там фотография, тут необычная ваза. Из-за развода коттедж, может быть, придется продать, ведь пятьдесят процентов принадлежат Марине, и непонятно, как она решит ими распорядиться. Впрочем, он обязательно попытается выкупить ее половину – будет жаль уехать из уютного жилища, к которому привык.

Разрешения пришли лишь к вечеру, и Виктор тотчас же помчался на вокзал. Он забронировал купе для путешественников в одиночку. Со скоростью пятьсот километров в час поезд в два счета доберется до места назначения, а таблетка поможет ослабить боль в горле. Зеркальце на стенке показывало, что синяк на скуле изменился – стал разноцветным, с коричнево-зеленой обводкой.

Отец ожидал на перроне, и внутри этого человека по-прежнему хранился тот тихий и мягкий голос, который всегда так успокаивал и который так хотелось снова услышать вживую. Они крепко обнялись. Водитель поинтересовался, нет ли у Виктора вещей, и получил отрицательный ответ.

– Папа, зачем тебе шофер? Какой же ты старомодный.

– Так полагается по должности. Ты всякий раз удивляешься. Ну, ничего. Видишь, он тебе уже и настроение поднял. Ты вот с бородой приехал. А это намного удивительнее. Раньше ты любил бриться.

– Да, это правда. Куда мы?

– Увидишь. Тебе понравится. Сильно устал?

– Нет. Я в порядке.

В машине разговор отца и сына не клеился, и тогда оба негласно условились ехать в тишине. Слишком важные вещи предстояло обсудить, чтобы говорить о них в такой мимолевой обстановке. И вот двое сидят в ресторане «Диоген». Весь интерьер, одежда официантов и управляющих воссоздавали быт Древней Греции. Каждый столик был помещен в большую бочку с обрезанными стенками. Виктор улыбался. Ему стало так легко, будто он прекратил дышать вхолостую, и

кислород наконец-то проник в легкие. Сын воскресил в памяти детство, когда отец брал его за руку, и они вместе исследовали мир вокруг.

– Я знал, что тебе понравится.

– Да, это все совершенно удивительно. Смотри! Одежда вон той официантки. Вон той. Видишь? Называется пеплос. А вот это мои любимые колонны – ионические, с завитками на капителях...

– Как ты, сынок?

– Какие сложные вопросы ты мне задаешь.

– А что мне остается, сынок?

– Что она тебе сказала?

– Мы недолго говорили. Сказала, что ты стал другим человеком, что вы разводитесь и что тебе нужна помощь. Я не стал ее расспрашивать. Хотел сначала тебя увидеть.

– Ясно.

– Сынок, вот посмотри на меня. Я твой отец. Понимаю, мои вопросы могут ранить, могут быть неприятны. Но как не спрашивать? И кроме того, кто еще задаст их, если не я? А задавать нужно. Ты и сам знаешь. Твой любимый Сократ только и делал, что приставал к людям с вопросами.

Виктор глубоко вздохнул.

– Да, папа, все в порядке. Не объясняй. Полагаю, мне и правда нужно с тобой поговорить.

– Я не хотел так сразу начинать, но вот оказывается, что по-другому не получается... Что с твоим лицом?

– Подрался. Точнее, не просто подрался. В одном клубе организовали бой. Ну как... бой. Меня фактически просто избили.

– Понятно. Но, я так понимаю, это только вершина айсберга.

– Да, папа. Под этой вершиной еще много всего. В основном – дерьма. Да, пожалуй, что так. Моя жизнь – это буквально огромный айсберг из дерьма.

А потом Виктор, ничего не утаив, по порядку рассказал обо всем, что произошло. У него никогда не было секретов от своего старика. Да, в последние годы они мало виделись, но это ничего не изменило. Отец внимательно и не перебивая выслушал до конца.

– Сынок, хочу, чтобы ты знал: я очень хорошо понимаю тебя. Говорю это не просто так. Знай, что я *правда* понимаю все, чем ты поделился. Это не просто слова. Хорошо?

Виктор кивнул.

– Думаешь, можешь помириться с Мариной?

– Могу ли... А хочу ли?

– А хочешь ли?

– Не знаю. Прямо сейчас мне ее не хватает, но еще два дня назад она была для меня пустым местом. Может быть, сейчас момент слабости, поэтому я опять думаю о ней. Не знаю. Но, полагаю, это пройдет через какое-то время.

– Сынок, вам обязательно нужно помириться. Думаю, это еще возможно. Она ведь позвонила мне. Могла и не звонить. Это значит, ей не плевать на тебя. Она умная. Она точно знала, как я отреагирую.

– Да, она умная. В отличие от меня. А если умная, то не вернется.

– Прошу, успокойся. Тебя сейчас завалило всеми этими проблемами. Я понимаю. Я понимаю. Просто поверь мне – тебе нужно с ней помириться. И все образуется. Вот увидишь. Доверься мне.

Сын развалился на стуле и, как ребенок, начал водить пальцем по скатерти. Наконец принесли еду. Оба изрядно проголодались, поэтому ужинали почти в полном безмолвии. Когда-то в таких случаях мама Виктора приговаривала: «Сколько там показывает тишинометр? Сидят, кушают – тише воды, ниже травы! Сразу видно, какие голодные!»

Отец вытер салфеткой рот и еще раз сказал, чтобы сын не переживал. Он сам позвонит Марине и подготовит почву.

– Прошу тебя, не беспокойся. Я не собираюсь мириться с ней вместо тебя. Ты все сделаешь сам. Я просто успокою ее. И еще кое-что... Кстати, будешь десерт?

– Нет... Знаешь, когда-то была надежда, но что-то пошло не так. В четырнадцать я жил в мегаполисе и ездил на другой конец города, чтобы просто подержаться с девочкой за руку, поцеловать ее, а теперь мне обычно бывает лень снять штаны перед сном...

– ...А я вот возьму себе чего-нибудь. Так вот. Еще кое-что. Тебе нужна работа. Согласен?

– Судя по всему, я здесь сегодня послушно принимаю твои советы. Так что не спрашивай меня.

– Умница. Когда-нибудь ты будешь делать все то же самое для своих детей.

– Если они будут.

– Ты ведь знаешь, что это от тебя зависит. В наше время медицина много умеет, пожалуй, даже слишком много. Я специально о детях не заговариваю, чтобы не накалять, но об этом тоже пора думать. Вам ведь скоро квоту сократят?

– Марина говорила, что есть еще два года.

– Не еще два года, а всего два года. Два года – это очень мало, сынок. Конечно, квоту можно выкупить обратно. Мы себе это можем позволить. Но зачем? Дело не только и не столько в деньгах. Подумай об этом. Так вот, по поводу работы. Не хочешь поработать на благо нашей страны?

– Да что же ты будешь делать...

– Я серьезно. Прямо в вашем городе, если переезжать не хочешь. На небольшой должности для начала. Дальше видно будет.

– Я подумаю. Обещаю, что подумаю.

– А из этих ублюдков из Красной Башни нужно выжать по максимуму. Честно тебе скажу, воевать с ними не вижу никакого смысла. Они решили сотрудничать с тобой, и это очень хорошо. А могли просто грохнуть, да так, что комар бы носа не подточил. Видимо, рассчитали, что с тобой проще и дешевле договориться. И мой фактор учли. Встретимся на следующей неделе, я возьму с собой адвоката. Очень толковый парень. Все обсудим. Но они, понятно, не должны знать, что ты рассказал мне.

Виктор поехал обратно на ночном поезде. Отец всегда умел починить сына. Сколько раз простая беседа с ним спасала, вытаскивала из-под воды уже почти захлебнувшегося выпускника философского факультета. Все проблемы вдруг переставали казаться неразрешимыми. Виктор поверил, что все еще может быть хорошо. Он с нежностью вспоминал Марину и с нетерпением ждал завтрашнего дня, чтобы позвонить ей.

*

Виктор спрыгнул с дивана и с воплем перевернул рабочий стол; затем ворвался в гостиную, схватил первый попавшийся стул и начал что было сил бить им по стене. Он еще спал, когда позвонила помощница отца: ночью ее руководитель скончался «от внезапной остановки сердца». Виктору стало не хватать воздуха, и он выбежал из дома будто из газовой камеры. Мужчина упал на колени, часто задышал. «Папа, папа», – настойчиво повторял он.

Мысль о том, что у отца, кроме него, нет близких и организовать достойные похороны – его долг, заставила взять себя в руки. Виктор сделал над собой усилие и отодвинул в самый дальний ящик души эмоции и чувства. Он отыскал телефон. На дисплее высветился пропущенный от жены звонок, и Виктор перезвонил. Она плакала и несколько секунд ничего не могла ответить, а потом выдавила из себя, что находится за границей и вылетит первым же рейсом.

– Спасибо тебе, – был ответ.

Голос его звучал холодно, но Марина все понимала: в тысячах километров от дома она слышала, как ее муж кричит внутрь себя.

До сего дня смерть казалась выпускнику философского факультета явлением незатейливым, будничным. Чем-то таким, вокруг чего много разговоров, а на самом деле оно – почти пустяк.

Весь жизненный цикл человека напоминал Виктору железнодорожный вокзал. Люди стоят, общаются, а потом один из них садится в поезд и уезжает. Прибывает другой состав, из которого выходит новенький, приближается к старожилам, заговаривает. Десятилетия спустя людей на перроне меньше не становится, но говорить уже мало с кем интересно. И вот наступает твоя очередь. Глядишь на табло, находишь нужный вагон. Машешь всем рукой и делаешь шаг. А те, кто остались снаружи, уже и не смотрят на тебя, продолжают, как и ты когда-то, трепаться между собой о всякой ерунде, невпопад машут, чтобы обозначить прощание. И вот твой поезд отходит. И ты не знаешь, куда он тебя привезет. Лишь до последнего выглядываешь из окошка с грустью и завистью, чтобы зачем-то получше запомнить знакомые и незнакомые лица.

Смерть виделась трагедией того, кто уезжает – лишь его одного. И даже потеря матери десять лет назад не заставила Виктора переосмыслить это. Но вот в очередной раз оказалось, что не все так, как ему мнилось. Ведь он стал тем, кто вместо того, чтобы остаться на перроне и молоть языком, побежал за поездом, уносящим отца туда, откуда его голос больше не сможет успокаивать.

*

В день похорон было тепло и солнечно. Птицы и ангелы пели свои обычные песни. Белые мохнатые облака лежали на спинах и грели животы. Усопший указал в завещании, что способ погребения должен выбрать его сын. Виктор решил кремировать тело отца и захоронить прах под дубом. Столичная мэрия взяла на себя все расходы. Пришло много людей. Они произносили речи, подходили к сыну покойного и его жене – обнимали, жали руку, хлопали по плечу. Виктор их не слушал и не слышал. Просто стоял, чуть наклонив голову вбок, похожий на высохшую ветку, которую вдохновенный мальчик закрепил в земле, думая, что посадил дерево. В шаге от него стояла Марина. Похороны прошли на следующий же день после смерти, и супруги увиделись только сейчас, во время церемонии: она кивнула, и он кивнул ей в ответ.

Когда у подножия дерева установили плиту с именем, Виктор вытащил тот самый ножик и нацарапал на стволе имя отца. Все в изумлении таращились, но ему было все равно. После этого, ни с кем не прощаясь, двое направились к машине и сели на заднее сиденье. Оба молчали. Женщина попросила, чтобы автопилот отвез их домой. Виктор смотрел вперед и ковырял указательным пальцем брюки. На телефон пришло сообщение, и он нехотя бросил туда взгляд – суд сообщал, что имущественный иск жены против него отозван. И тогда мужчина заплакал так, как не плакал еще никогда в жизни. Поджав ноги, он положил голову на колени жены и громко заревел, а она целовала его в затылок и роняла слезы вместе с ним.

*

На кухне за завтраком они сидели друг напротив друга.

– Как же давно я не ел ничего такого вкусного, – проговорил с полным ртом Виктор.

После похорон супруги добрались до своего жилища только к вечеру. Ничего не кушали, не разговаривали. Просто держались за руки и смотрели какой-то бесконечный фильм про жизнь диких животных в африканской саванне. Они спали как убитые, а когда проснулись, впервые за много месяцев занялись любовью. Виктор попросил жену не одеваться, и она все утро оставалась обнаженной.

– Отец очень хотел, чтобы мы помирились, – признался Виктор.

– Да, он мне тоже сказал об этом, когда я звонила ему.

– Наверно, поэтому мне сейчас легко. Так легко, как будто бы не у меня вчера отец умер. Ничего не могу поверить.

– Ты ведь знаешь: я никогда тебе не изменяла.

– Знаю.

После завтрака муж с женой привели дом в порядок, и Виктор сказал Марине, что хочет немного побыть один. Он долго лежал на диване в кабинете и о чем-то сосредоточенно думал. Потом вдруг схватил телефон и позвонил Роберту, который пропустил несколько гудков, но в конце концов ответил. Голос его звучал то ли испуганно, то ли виновато.

– Виктор, прими мои искренние соболезнования. Я узнал только сегодня из новостей. Сам думал тебе вечером набрать...

- Спасибо. Я бы хотел тебя увидеть.
- Да-да, конечно. Во сколько мне прийти?
- Давай лучше у тебя. Если ты, конечно, не против.
- Конечно нет. Приходи в шесть. Вместе поужинаем.
- Ладно. Договорились.

Перед тем как уйти на встречу, Виктор зашел в ванную комнату и побрил половину лица, оставив с левой стороны усы, и бороду. Синяк под левым глазом даже и не думал заживать. Марина любовалась видом из окна, когда в паре шагов от нее внезапно появился муж. Она в недоумении подняла брови.

– Какого Виктора ты любишь? – спросил мужчина и развел руки в стороны. – С бородой и синяком или гладко выбритого?

Марина взяла его ладони в свои и опустила их вниз.

– Я люблю того, кто прячется за ними обоими. Я люблю тебя.

*

Скандинавский стиль гостиной как нельзя лучше соответствовал юридическому мировоззрению хозяина коттеджа. Два соседа ужинали. Роберт приготовил спагетти с грибным соусом и салат. Он с аппетитом ел и много говорил; встретив гостя у порога, еще раз выразил соболезнования и больше не возвращался к этой теме, да и вообще к событиям последних недель. Виктор все еще не притронулся к еде, но время от времени делал глоток воды из стакана. На очередное «угощайся» или «почему ты не ешь» он лишь поддакивал, как бы уверяя, что угощение никуда не убежит. Роберт говорил о вещах, которые никак не могли заинтересовать собеседника, однако он разглагольствовал о них с воодушевлением, со свойственной ему артистичностью.

– Остынет, сосед!

– Ничего страшного. Я предпочитаю холодное.

– Холодное спагетти? Чудак же ты! Так вот, только представь, что будет, если инициатива получит поддержку! Я тебе как юрист говорю: если роботам дадут права, это станет началом конца человеческой цивилизации. Вот посмотри. Если у робота есть права, если он становится совершенно автономным, и если он умеет потреблять, то зачем правительству мы? Роботы не делают глупостей, роботы не доставляют головной боли, они всегда голосуют за тебя, если ты его так запрограммировал. И так далее. Потрясающе, да?

– Знаешь, я хотел тебя кое-что спросить.

– Да-да, конечно, – Роберт быстрым движением вытер салфеткой рот и наклонился вперед.

– Что же ты, сосед, не шутишь про мое лицо? Как ты умеешь. Сейчас самый удобный момент. У меня синяк под глазом, наполовину побритое лицо. Ты ведь такого, полагаю, в жизни не видел. В другой раз тебе и повод не нужен, а тут ощущение, что такие странности не замечаешь.

– Ей-богу, не знаю, как ответить. Вообще-то я пытаюсь тебя отвлечь, как-то поддержать. Ну, не хочешь, можем о чем-то другом поговорить. Как сейчас шутить? Помнишь, ты сказал, что у меня нет души. Это неправда, Виктор. Я твой друг. А если и говорить не хочешь... ну, можем съездить куда-нибудь. Да хоть прямо сейчас.

– Нет. Не хочу.

– Про права роботов тебе слушать тоже неинтересно. Но ты ведь сам захотел встретиться. И если не для того, чтобы отвлечься, то зачем?

– А ты знаешь, *отчего* умер мой отец?
– Я прочитал в новостях, что инфаркт. Нет?
– Да, от инфаркта. А знаешь, *отчего* он умер на самом деле?
– Ты же сам только что сказал, что инфаркт.
– Это очень любопытная история. Я тебе ее расскажу, но сначала скажи мне: где ты работаешь?

– Ты же знаешь. В корпорации.
– А как она называется? Эта корпорация. Говори, не бойся.
– Мне нечего бояться. Я работаю в Красной Башне.
– В Красной Башне.
– Да, в Красной Башне.
– Ты ведь все знал, Роберт.

Несколько секунд соседи испытующе смотрели друг другу в глаза, а затем Виктор продолжил:
– Я сегодня лежал на диване в моем кабинете и вспоминал. Полагаю, у меня хорошая память. Все наши разговоры, твои фразы, жесты. Алиса, бойцовский клуб. Ты все знал, ты все подстроил. Снимаю шляпу. Отлично разыграно. Ты знал, что я поведу на Алису. Ты знал, что я обязательно пойду в клуб и меня там отделают. А все зачем? Да низачем. Просто так. Для развлечения.

– Хорошо. Не стану притворяться. Я был в курсе. Но знай: о том, что ты познакомился с Алисой, я узнал совершенно случайно. Я не подстроил это.

– Совершенно случайно узнал о секретной разработке? Ты дал мне адрес того бара.

– Это совпадение. Каждый день она бывала в разных местах. Можешь уточнить в корпорации, если не веришь. Я к этому проекту вообще никакого отношения не имею. А про клуб – да. Мне и правда хотелось тебя проучить. Но это не значит, что я к тебе плохо отношусь. И соболезнования мои искренние.

– Проучить за что?

– За твое высокомерие.

– За мое высокомерие?

– Да, за твое высокомерие. Как это еще назвать? Вспомни, *как* ты себя вел, *как* разговаривал.

– Ты знаешь, *отчего* умер мой отец?

– Да не знаю я, *отчего* он умер!

Впервые за годы общения с Виктором Роберт сорвался.

– Успокойся, сосед. Сейчас я тебе расскажу. Вечером перед той ночью, когда его не стало, мы встретились. Я был совершенно разбит, чувствовал себя полным ничтожеством, но разговор с ним спас меня. Отец очень переживал. А через несколько часов у него случился инфаркт. У моего любимого отца. У моего любимого папы остановилось сердце. А знаешь, почему я встретился с ним в тот день и вывалил все свои проблемы? Потому что у человека напротив меня нет души. Нет души, но он очень любит играть с душами других. Да, Роберт?

– Это произошло, потому что ты конченный идиот! Признайся себе уже! Хватит сваливать свой идиотизм на всех вокруг! Все виноваты, кроме тебя!

В госте в первый и последний раз в жизни проснулись хтонические демоны, и Виктор со всей силы перевернул стол на Роберта. Сразу же после этого обезумевший человек схватил стул и со всей силы стал наносить упавшему удар за ударом. Хозяин дома пытался защитить голову руками, но, когда Виктор отбросил деревянное оружие, лицо Роберта было сильно разбито, текла кровь. Лежащий, прося пощады, поднимал перед собой дрожащую ладонь. Теперь за избиение выпускник философского факультета проведет в тюрьме много лет.

Чип Роберта наспигован всеми возможными функциями, а значит – и скорая помощь, и полиция уже выехали. Виктор выскочил из коттеджа и со всех сил помчался к своему дому. Там он крепко поцеловал ничего не понимающую Марину, сказал, что очень любит ее, и снова побежал – теперь в рошу. Мужчина выдохся и перешел с бега на быстрый шаг, но ни на мгновение не останавливался. Сейчас на нем не было браслета, его сложнее отследить, но тысячи или, возможно,

десятки тысяч камер, что заполонили город, все видят. Так или иначе, они узнают, где он. В горячке Виктор не сумел отыскать место костра, и тогда, чтобы не терять время, устремился к пруду. Маневрируя между деревьями, за ним гнались несколько роботов. Тогда мужчина собрал последние силы и вновь побежал, а оказавшись у берега, прямо в одежде нырнул в воду.

«Пусть вода очистит меня, и я стану другим человеком. Если нужно – другим существом. Пусть это будет последним актом моей совершенной свободы. Пусть вода заберет мою свободу и дарует покой». Виктор знал, что его спасут, поэтому не пытался выплыть самостоятельно. Государство пойдет на все, чтобы наказать преступника – даже на его спасение. Мужчина уходил все глубже под воду, пока руки одного, а потом и второго робота не схватили его. Он ни о чем не переживал.

Подозреваемый, укутанный в теплые одеяла, лежал в одиночной камере, которая была похожа на комнату не самой плохой гостиницы начала века. Лежал он долго, но в конце концов к решетке подошел офицер полиции и сказал то, от чего Виктор на какое-то время перестал дышать.

- Потерпевший умер.
- Как? Не может быть.
- Может.

*

– Что ты наделал? Что ты наделал? – все вопрошала Марина, когда на следующий день ей разрешили посетить мужа.

– Я все исправлю. Обещаю.

– Что ты исправишь? Что?! Какая же я дура... Что ты наделал... Боже, какая же я дура...

– Я не хотел его убивать.

– Какая разница, что ты хотел! Он мертв! Мертв! Ты что – не понимаешь?!

– Я все понимаю. Прошу тебя. Послушай меня. Я хочу, чтобы у нас все было как раньше. И даже лучше. Я хочу детей. Я согласен на искусственное оплодотворение. У нас обязательно будут дети. Сколько детей ты хочешь?

– Какие дети?! О чем ты вообще?!

– Дети. Маленькие и прекрасные дети. Наши с тобой. Даю слово: расскажу все от начала до конца в следующий раз, когда ты придешь. Я тебе все честно расскажу. Расскажу, почему я ударил его. Но я не хотел убивать. Это истина! Посмотри на меня. Прошу, посмотри на меня. Я говорю правду: я не хотел его убивать. В следующий раз я тебе все расскажу, и ты сама решишь, что делать. Даже у приговоренных к смерти есть право на последнее слово. Прошу, дай мне такое право. Хорошо? Если после этого решишь уйти – я приму. И никогда больше не побеспокою тебя. Это ведь справедливо?

Марина молчала, но была согласна. Она думала, что ей больше ничего не остается.

– Мой муж – убийца.

– Прошу, не говори так. Когда тебя пустят ко мне в следующий раз?

– Кажется, через неделю.

– Хорошо. Через неделю я все расскажу, как и обещал. Ко мне должен прийти один человек.

Потом я все расскажу тебе.

Виктор был уверен, что Красная Башня вскоре проведает его, и он не ошибался. В корпорации уже обо всем знали.

*

Для выпускника философского факультета и представителя корпорации отвели отдельную комнату. Запастя одного из собеседников приковали к столу.

– ...А ведь мы пытались вам помочь, Виктор. Красная Башня была готова сделать для вас буквально все. Признаюсь, мы даже следили за вами, чтобы вы не натворили глупостей. Но после того как вы помирились с женой, мы решили, что все в порядке. А теперь дела совсем плохи. Сейчас, к сожалению, вам уже никто не сможет помочь. Приношу соболезнования по поводу смерти вашего отца, но даже если бы он был жив, то ничего не смог бы сделать. Но есть хорошая новость. Мы можем позаботиться о вашей жене. Мы всегда будем рядом, всегда будем помогать ей невидимой рукой. Единственное, мы были бы благодарны, если во время процесса вы будете следовать нашим инструкциям. Это на случай, если речь вдруг пойдет об Алисе... Мы предоставим вам лучшего адвоката. Конечно же, бесплатно. Возможно, он сможет добиться для вас небольшого сокращения срока заключения.

– Ясно. Вы, кажется, не до конца понимаете. Это не только у меня дела совсем плохи. Красная Башня находится в том же положении, что и я. Мы в одной лодке.

– Что вы хотите сказать?

– То, что если вы меня отсюда не вытащите, то на суде я все выложу.

– Не забывайте. Вы не можете угрожать корпорации. Никто так не разговаривает с Красной Башней.

– Да? А когда я расскажу свою историю? После этого с Красной Башней тоже никто не сможет так говорить?

– Мы хорошо обращались с вами. Мы пытались и пытаемся помочь вам.

– Вы использовали меня как манекен для краш-теста. Не думал, что это называется хорошим обращением. Так помогите, если хотите.

– Вы не понимаете, что просите! Вы человека убили! Вы вообще знаете, какой сейчас год?

– Я предлагаю вам сделку.

– Вы понимаете, что нам проще сделать так, чтобы вас не стало?

– Да, полагаю, это и правда проще. Но если бы Красная Башня считала это целесообразным, то меня бы уже не было. Смерть убийцы вызовет еще больше внимания, еще более тщательное расследование. Вы это лучше меня знаете. А еще этот убийца – сын только что умершего мэра. Джекпот. Вы боитесь, что всплывет история про Алису и про весь ваш проект. Вот в чем дело. Минуту назад я угрожал вам, потом вы угрожали мне. А теперь давайте разговаривать. Договоритесь со мной. Я готов.

– О чем конкретно?

– Вы добиваетесь для меня оправдательного приговора, а я на веки вечные забываю тестирование. Я буду говорить все, что вы скажете мне говорить. А если вдруг когда-нибудь история про Алису все-таки всплывет, я буду до самого конца на вашей стороне. У меня не будет никаких новых требований. Даю слово. Это лучшая сделка для Красной Башни. И для меня тоже. Только подумайте. Если вас возьмут за горло из-за тестирования, то иметь союзником одного из подопытных будет бесценно.

– Даете слово... Слово неуравновешенного человека. Вы говорили, что я не до конца понимаю, но уверяю вас, что это вы не понимаете. Вы потеряли связь с реальностью.

– Наверно, действительно, не понимаю. Я всего лишь безработный человек, который пытается вернуть себе свою жизнь. И, конечно, я не такой умный, как вы. И это не сарказм. Но этот безработный готов на все. Вам всего лишь нужно выбрать, хотите ли вы использовать эту его готовность для своей пользы или себе во вред.

– Мы рассмотрим Ваше предложение.

– Я с вами кое-чем поделюсь. Надеюсь, у вас есть еще немного времени. Впрочем, что за чушь. Уверен, что у вас есть на меня время. Много времени. Знаете, очень долго мне почему-то было сложно о чем-то размышлять. Никак не мог сконцентрироваться, мысли как будто разбегались в разные стороны. Я даже привык к этому, если честно. Но в тот день, когда отец умер, я, кажется, возвратил себе способность думать.

– И поэтому надумали убить человека?

– Не зубоскальте. Неужто вы полагаете, что тот, кто способен думать, автоматически лишается способности глубоко чувствовать? Неважно. Прошу, не перебивайте меня. К чему я вообще это. Давайте без дураков. Все ведь ясно. Вы получили очень подробные инструкции перед тем, как сюда приехать. У вас ясная стратегия переговоров, хотя, кажется, вы меня недооценили. Точнее, неверно оценили мое психическое состояние. Просто дайте мне ответ – да или нет. Без всяких «мы рассмотрим ваше предложение».

– Мы рассмотрим ваше предложение.

– Что ж. Славно. Благодарю. Буду ждать решения. У меня еще одна небольшая просьба.

– Какая?

– Пожалуйста, сделайте так, чтобы мне разрешили бриться. Я боюсь, что жене не нравится видеть меня с половиной бороды. Она приходила сегодня и, по правде сказать, выглядела не очень счастливой.

*

Наутро администрация прислала парикмахера, и подозреваемого в убийстве гладко побрили. Тот уставился на себя в зеркало. Синяк наконец-то начал желтеть. А значит, совсем скоро гематома исчезнет, и Виктор будет выглядеть так же, как до всего этого безумия. Он вдруг вспомнил отца. Где сейчас звучит его теплый голос? По завещанию сыну переходило все, что принадлежало родителю, но какой смысл в богатстве, если ты как зверь сидишь в клетке? Давным-давно, недели три назад, Виктор задавался вопросом: «А мы – звери? А мы – чудовища?» Так кто же мы, наконец?

Представитель Красной Башни вернулся через четыре дня. Та же комната, те же собеседники. На стол аккуратно легла папка с бумагами, и Виктор понял, что это хороший знак.

– Поздравляю. Корпорация решила пойти вам навстречу. Вопрос решался на самом высоком уровне.

– Благодарю. Корпорация не пожалеет.

– Вы не будете оправданы, но получите минимальный срок. И когда я говорю минимальный, это значит, что даже сам Господь Бог не смог бы сделать для вас большего.

– Сколько?

– Три года.

– Нет, это невозможно. Слишком много.

– Послушайте, Виктор. Я не пришел сюда торговаться. Это число – эти три года обойдутся Красной Башне в такую сумму и в такое напряжение сил, что вы своим скудным умишком и вообразить не в состоянии. И здесь дело не в том, что корпорация чего-то не может или не хочет. Дело в том, что люди, с которыми мы работаем по вашему вопросу, ясно дали понять – учитывая все обстоятельства, меньший срок слишком опасен.

– Мы не так договаривались.

– Мы ни о чем не договаривались. Вы всего лишь выразили свои пожелания. Это лучшее из всего, что вам даже теоретически может быть доступно. Всего три года, и вы возвращаетесь к нормальной жизни. У вас жена и куча денег. Не глупите.

– Хорошо. Но в таком случае у меня есть условие. Когда я выйду из тюрьмы, вы примете меня на работу.

– Простите?

– Я говорю, вы примете меня на работу.

– Это шутка такая?

– Нет. Я совершенно серьезно. Я объясню. Поймите меня правильно: у меня нет карьерных амбиций. Да, я богат, но мне нужна работа. Чтобы утром выходить из дома, ехать куда-то, встречать людей, делать что-то полезное, возвращаться домой. Я только теперь понимаю, *как* это важно. Возьмите меня на самую низкую должность. Хоть уборщиком. Я не брезгливый. А еще это будет гарантией того, что вы меня где-нибудь не убьете. Вдруг вам захочется.

- Если нам захочется вас убить, то работа в Красной Башне вас не спасет.
- И тем не менее. Я настаиваю. Полагаю, так мы сможем больше доверять друг другу. Со временем.
- Нет никакого доверия. Мы вас покупаем. Вы теперь принадлежите Красной Башне. У вас больше нет права на ошибку. И новых условий с вашей стороны тоже больше никогда не будет. Это последнее.
- Я все это понимаю. Еще раз благодарю. Что ж, через три года мы станем коллегами. Буду с нетерпением ждать.

*

Через неделю после первой встречи, когда прокуратура уже выдвинула обвинения, Виктору разрешили второе свидание с женой. Судьба и система правосудия дали ему ровно час, чтобы все объяснить и быть понятым. Если дело выгорит, то он останется в тюрьме на три года. Целых три года или всего три года – сказать сложно. Во всяком случае, Виктор не сгниет запертым в четырех стенах.

У обвиняемого было полно времени, чтобы отретировать и отшлифовать до блеска свой монолог, однако в самый последний момент он осознал, что не может *так*. Тогда Виктор просто открыл рот и поведал все – *что* думал, *что* чувствовал, *что* делал. Он заклинал жену никогда и ни с кем не говорить о тех частях его истории, где речь шла о Красной Башне – он уверял, что это для ее безопасности.

Женщина внимательно слушала, и мужчина, глядя в ее глаза, видел, что она жаждет поверить и довериться ему. Марина в самом деле не хотела думать о муже как об убийце, не хотела бояться его, не хотела ужасаться при мысли о том, что он сделал. Виктор закончил тем, что еще раз попросил не терять надежду и вновь признался – он хочет ребенка.

Жена плакала и никак не могла уразуметь, от чего именно: от жалости к нему? от жалости к себе? от понимания того, что не может его оставить? от непонимания того, почему не может его оставить? от счастья при мысли о ребенке, которого поначалу придется растить одной?

– Ты сможешь спокойно жить после такого? – тихо спросила она.

– Скажу тебе честно. Сейчас я почти не думаю об этом. Я думаю только о тебе, о наших детях, о нас. Не знаю, смогу спокойно жить или нет. Но если ты сейчас уйдешь, то у меня не будет даже шанса. Даже шанса не будет, Марина... Мы станем помогать людям. Марина, обещаю тебе. У нас есть деньги. Мы будем помогать людям. Роберта не вернуть, но мы можем вместе сделать много добрых дел. Помоги мне.

Когда отведенные на свидание шестьдесят минут почти истекли, жена сказала, что не покинет мужа, и теперь залился слезами Виктор. Ему было так обидно, что из-за прикованных к столу рук он не может обнять жену. У обоих возникло очень хрупкое ощущение будущего покоя и даже, возможно, счастья.

*

Красная Башня задалась целью сделать все, чтобы пресса не заинтересовалась процессом, и ей это удалось. На суде Виктор нервничал, а Марина и вовсе сходила с ума. Они часто переглядывались. Мужчина мимикой и взглядом всячески пытался ободрить жену. После нескольких слушаний суд приговорил Виктора к трем годам лишения свободы. Из этого срока вычли то количество дней, которое осужденный уже провел в заключении. Приговор воскресил супругов. Жизнь возрождалась. Можно было спокойно считать дни.

Тюрьма находилась в том же городе, где жил Виктор: одиночная камера и свободное время через край, которое он мог потратить на образование, общение с другими заключенными, духовные практики или спорт. Дважды в неделю осужденных ожидала обязательная беседа с психоло-

гом. Большую часть дня Виктор предпочитал проводить в своей камере, где были и книги, и компьютер, и даже удобный стул, хотя по вечерам ему и нравилось бывать с друзьями по несчастью.

*

Прошли месяцы. Очередное утро – такое же, как и любое другое. Создатель вселенной продолжать без усталости поддерживать равновесие мира. Заключенных разбудили в девять. Сонный Виктор выпил стакан воды и, шаркая тапочками, поплелся к зеркалу, чтобы самостоятельно побриться – привилегия, которой обычно не обладали преступники прошлого. Мужчина отложил бритвенный станок, умылся и отправился на завтрак. Он, как всегда, явился в столовую последним, а его товарищи, так уж повелось, подшучивали по этому поводу.

После еды, на обратном пути в камеру, раздался звонок, которого Виктор ждал едва ли не тысячелетие.

– Я беременна! – повторила Марина громко, а будущий отец просто слушал и улыбался, отчего-то боясь пошевелиться.

– Скажи еще раз.

– Плохо слышно? Я говорю: я беременна! Беременна! У нас будет ребенок!

– Хорошо слышно. Хотел, чтобы ты сказала снова. Скажи еще.

– Я беременна! Завтра приеду!

*

В положенный срок наступил самый важный день. Марина так долго готовилась к нему, но теперь совсем растерялась. В этот час рядом не оказалось ни мужа, который сидел в тюрьме, ни родителей, которые давно погибли в автокатастрофе, ни близких друзей, которых у нее не было.

Женщина позвонила мужу и сказала, что ее везут в больницу – сегодня она родит. Виктор растерялся еще больше беременной супруги. Он понятия не имел, чем занять себя в ближайшие часы, и ощутил, что свихнется, если с кем-нибудь не поговорит. Другие заключенные обрадовались новости и принялись кто как мог подбадривать будущего отца. Те, у кого были дети, стали рассказывать веселые истории о первых днях жизни своих отпрысков. Виктор улыбался, кивал, но мыслями находился рядом с Мариной. Вдруг его охватил страх: как бы Всевышний, кем бы Тот ни был, не наказал его за убийство. Мужчина с усилием отгонял эту мысль, но она вновь и вновь возвращалась – будто убийца к связанной всеми веревками мира жертве.

Опять зазвонил телефон, и Виктор мгновенно ответил. Все прошло хорошо, родился сын. Объятия, поздравления. Заключенный попытался сосредоточиться и запечатлеть в памяти это божественное мгновение, но ему так и не удалось остановить время, которое бурным потоком несло его в будущее. Все правильное и неправильное, что он делал на протяжении жизни, привело к тому, что на белый свет появился его сын. Заключенный подумал об отце, который, должно быть, чувствовал что-то схожее, когда родился он – Виктор.

Когда Марину с ребенком выписали, родильный дом предоставил ей специальных роботов, которые должны были помогать новоиспеченной матери. Женщина хорошо справлялась. Каждый день она разговаривала с мужем по видеосвязи и показывала ему малютку. Никогда он не жалел о своем заключении так, как в эти дни. До свободы оставалось около года, но теперь каждый отдельно взятый день, казалось, длился дольше всего этого срока. Тогда Виктор начал одну за другой проглатывать книги о детской психологии, воспитании, отцовстве.

И вот наконец Марина приехала с ребенком на свидание. Виктор неуклюже и с трепетом взял сына на руки.

– Эй, дыши! Не бойся! – засмеялась женщина, и отец ребенка понял, что действительно задержал дыхание.

- Жизнь привела нас к нему... Как же я хочу поскорее быть с вами!
- Я каждый день рассказываю ему о тебе, и он слушает.

*

Выпускник философского факультета вышел на волю в апреле. Три дня Виктор ни на минуту не расставался с семьей, а затем пришло время заниматься делами. Перво-наперво он вернул на запястье браслет, рассудив, что в конечном счете чип для него – все-таки слишком. Во всем Виктор отныне старался не впадать в крайности. Его характер и даже то глубинное нечто, что образует сущность человека, казалось, изменились. Он перестал метаться – обрел штиль после неистовой бури. Ведь штиль – то единственное, чего на самом деле жаждет любая буря, любой шторм.

В воздухе покачивалось весеннее тепло. Виктор сказал Марине, что ему хочется пойти на прогулку с ребенком одному, и поцеловал ее в лоб. Со дня освобождения они все делали втроем, но теперь мужчина почувствовал, что готов испытать, каково это – остаться наедине с сыном.

Ребенка назвали Филиппом. Малыш уже пробовал ходить, но за последние пару недель ему очень полюблилось сидеть на плечах у папы. Виктор водрузил сына на себя и вышел на улицу. Мальчик уже по привычке положил ладошки на голову отца так, что его пальцы касались родительских бровей. Папа без умолку говорил, подряд рассказывал какие-то сказки и небывицы, иногда слегка подпрыгивал, от чего Филипп всякий раз приходил в дикий восторг. Виктор шагал в сторону рощи. Он никак не мог поверить в то, что его нога не ступала сюда больше тысячи дней. Дойдя до первых деревьев, отец взял сына с плеч на руки и поцеловал его.

- Это – чтобы тебя ветки не поцарапали, хорошо? – нежно произнес он.

Виктор так и не сумел отыскать место костра. Бог огня давно покинул эту рощу, ведь все боги, кроме настоящего, уходят, если им не поклоняться. Мужчина то ли грустно, то ли весело улыбался, но в душе его царил покой, и ему это нравилось. Вот он уже стоит возле пруда. Ничего не изменилось. Все – то же, только сын рядом, а на другом конце водоема на траве – девочка в зеленой шапке с помпоном и ее папа. Она помахала незнакомцам, и Виктор помахал в ответ сначала сам, а затем – ладошкой сына.

Вечером за ужином Виктор обронил, что хочет еще одного ребенка. Желание мужа пришлось Марине по душе, и тогда он добавил, что было бы прекрасно родить двойню. Женщина понимала, что Виктор не представляет себе, насколько все будет сложнее с тремя детьми, но она не заговорила об этом. Пусть будет двойня.

- А как же квоты? – спросила она после того, как согласилась.
- Мы купим одну квоту. Я интересовался. С папиными деньгами мы можем себе это позволить.

*

В муниципалитет Виктор прибыл на пятнадцать минут раньше назначенного часа. На стульях возле кабинета сидели двое – жена и муж, который уткнулся лицом в ладони и плакал. Было ясно, что они собираются продать свою квоту – в таких случаях нужна подпись обоих супругов. Государство само организовывало процесс покупки и продажи квот таким образом, чтобы на этом никто не мог делать деньги. Специальная служба отслеживала каждую сделку, а законы предусматривали суровые наказания за любые спекуляции. Существовал единый фонд, который скупал все квоты, а затем продавал их желающим в порядке очереди. При этом цены на покупку и продажу всегда устанавливались властями.

Виктор уселся рядом с незнакомцами, а не напротив, чтобы не смотреть на них и, как ему казалось, меньше смущать. Через минуту пару пригласили войти. Виктор остался один и вытащил потрепанную фотографию с изображением Марины и Филиппа. Он погладил их образы кончиком указательного пальца, как делал это месяцы напролет в тюрьме, и положил карточку обратно

в карман. Вскоре супруги вышли из кабинета, и муж сразу же ударил основаниями кулаков по стене. Виктор от неожиданности вздрогнул, а жена, не обращая внимания на то, что случилось, поспешила вперед.

Специалистом в отделе квот на рождение всегда был человек, а не робот.

– Присаживайтесь. Пожалуйста, приложите браслет.

Виктор послушно сделал то, что попросили.

– Они приходили продать квоту?

– Я не имею права говорить об этом с вами. Но – да. Они приходили продать квоту, – добавила служащая после короткой заминки.

– Ясно. Тяжело.

– Всем тяжело. Спасибо, устройство считало информацию, можете убрать руку. Итак, вы хотите выкупить зарезервированную квоту на третьего ребенка?

– Да. Это именно то, что я хочу.

Вторая часть

– А теперь открой глаза, – шепнул Александр дочке.

Девочка подняла веки и огляделась.

– Папа, ну, где они?

– Вот же! Они везде. Посмотри внимательнее.

– Но здесь только трава. Кто-то прячется в траве?

– Нет, солнышко, там никто не прячется. Хотя почему нет. Может, кто-то и правда там есть.

Мы же не можем все видеть.

– Ну, где они, папа?

– Все, что ты видишь, Ева, все это – твои друзья. Трава, деревья, небо, пруд, вон те дома, я.

Все, что есть в этом мире – твои друзья.

– И ты? Ты же мой папа.

– Да, конечно, я твой папа, а еще я твой друг.

– Так не бывает.

Александр улыбнулся и сел на траву, подложив под себя ногу.

– Еще как бывает. А теперь еще раз посмотри на своих друзей.

– Но они ненастоящие, – упрямылась дочка.

– Почему это ненастоящие? Ты ведь можешь смотреть на них, трогать, чувствовать их запахи и даже разговаривать с ними.

– Как? Они же не умеют говорить...

– С чего ты взяла?

– Ну... они же не умеют говорить. Да?

– А может, они говорят с тобой, но это ты их не слышишь? А? Они маленькие. И голос у них тихий.

– Папа, я уже большая! Я скоро пойду в школу! Я знаю, что трава не умеет разговаривать!

– Тише-тише... Слышишь?

Девочка замерла и прислушалась. Тогда Александр лег и приложил к траве ухо.

– Ну-ка наклонись тоже.

Дочка с воодушевлением последовала папиному совету.

– Слышишь?

– Папа, я ничего не слышу.

– Ну, как же? Вот эта вот травинка только что сказала, что ты очень красивая и что она очень любит тебя.

– Но я не слышу...

– Наклонись еще... Вот! Услышала?

– Папа, ты меня обманываешь! Это *ты* только что сказал, что я красивая! Это не травинка!

Мужчина громко расхохотался, а затем схватил дочку и, удерживая девочку перед собой, вместе с ней завалился на спину. Счастливая Ева хихикала, кудрявые локоны обрамляли ее лицо будто солнечные лучики на детском рисунке. Так она некоторое время молча смотрела сверху вниз на отца, а потом спросила:

– Папа, а почему у тебя такой кривой нос? У всех нормальный, а у тебя такой – в сторону.

– Это чтобы ты меня могла всегда издалека узнать!

– А если сильно-пресильно нажать пальчиком? Он выпрямится?

– Отличная идея! Давай-ка попробуем!

Мужчина осторожно поставил девочку на траву.

– Ну, давай. Нажимай!

Ева поднесла указательный палец к искривленной спинке носа и старательно надавила.

– Ну, что? Получилось?

– Нет...

– Попробуем завтра снова? Мне кажется, нужно нажать посильнее.

– Хорошо...

– Видишь, как здорово. Так, теперь скажи мне: кроме твоего любимого вопроса про мой нос, хочешь еще что-нибудь спросить, пока мамы тут нет? А? Только один секретный вопрос. Давай скорее. А то нас уже обед ждет.

– А когда у меня будут настоящие ножки? Как у мамы.

Александр сжал рот в длинную полоску с ямочками по краям.

– Теперь уже совсем скоро, моя красивая. Мы с мамой обо всем позаботимся. В школу ты пойдешь с настоящими ножками. А хочешь, открою секрет?

– Да!

– А ты не скажешь маме?

– Нет! Обещаю! Какой секрет?

– Твои ножки будут даже красивее маминых!

– Правда?

– Ну, конечно, правда. А теперь попрощайся со своими новыми друзьями и пойдем кушать.

– Пока, травинка!

– А как же все остальные друзья?

– Всем-всем пока!

*

Ева внимательно смотрела на пустую тарелку перед собой, потому что знала: скоро туда плюхнутся спагетти. Она не ошибалась: уже через секунду мама, ловко орудуя щипцами, переложила из кастрюли небольшую порцию.

– Мама, ты не покрошила сыром.

– Сегодня без сыра.

– А чего так? – поинтересовался Александр. – Я видел сыр в холодильнике.

– Я сказала: сегодня без сыра.

– Ева, а мама сегодня злюка! – насмешливо проговорил отец семейства.

Женщина застыла с порцией мужа на щипцах и уставилась на него. Еще через мгновение она швырнула спагетти на пол, сняла фартук и вышла из кухни. Ева так и застыла с ложкой в руке. Александр встал, поцеловал дочку в затылок и сказал, чтобы она продолжала кушать, а он скоро вернется.

Мужчина нашел жену в спальне. Она стояла, сложив руки на груди, и глядела в окно.

– Эмма, что с тобой? Эмма?

– Я беременна.

Александр сел на кровать, надул щеки и медленно выпустил воздух изо рта.

– Именно сейчас...

– Я сделаю аборт. Мы должны делать все, как договорились.

– Но – аборт?

– А что? А что?! Ты что – не хочешь, чтобы у твоей дочери были нормальные ноги?

– Конечно же я хочу! Что ты несешь такое?

– Я говорю, что ты хочешь оставить Еву инвалидом на всю жизнь!

– Успокойся... Не понимаю, как это случилось.

– Тебе рассказать, как это бывает? Думаю, не стоит. Ты уже большой мальчик. Сам все поймешь, если пораскинешь мозгами.

– Какой у тебя срок?

– Какая разница, какой у меня срок?

– Прошу тебя, дай мне месяц. У нас есть месяц?

– Месяц на что?

– Я постараюсь найти деньги.

– Ты уже шесть лет не можешь их найти, а теперь вдруг – за месяц.

– Прошу тебя, дай мне один месяц. Всего один месяц. Чтобы наша совесть была чиста.

– Совесть чиста... Хорошо. Месяц, но не больше. Я тоже живой человек. Живой! И у меня есть чувства!

Александра трясло. Он, еле перебирая ногами, добрался до кухни, но Евы там не оказалось. Мужчина несколько раз позвал ее, но девочка не отвечала. Потом отец заметил, что дверь из квартиры отворена.

– Ева убежала!

Эмма ничего не ответила. Она держала ладони на животе и о чем-то напряженно думала. Дочка пряталась на детской площадке.

– Эй, ты чего в тапочках на улице? Что случилось? – спросил Александр.

– Ты обманщик! Ты не хочешь, чтобы у меня были ножки!

Девочка выпятила нижнюю губу и расплакалась.

– Ну, что за глупости. Я больше всех во всем мире этого хочу!

Отец вытащил дочку из разноцветного домика и крепко обнял ее.

– Так мама сказала! Я все слышала!

– Правда? Так и сказала?

– Да! Так и сказала!

– Ладно. А кто на кухне бросил на пол спагетти?

– Мама.

– Я еще тогда сказал, что мама сегодня злюка. Помнишь? Так вот, не слушай, что сегодня говорит мама. Но только сегодня. Хорошо?

– У меня будут настоящие ножки?

– Ну-ка встань сюда, солнышко. Вот, видишь, как здорово.

Александр сел перед дочкой на корточки и обещал, что у нее очень скоро будут настоящие ножки. Ждать осталось совсем чуть-чуть.

Ночью мужчина долго не мог уснуть. Очень тихо, чтобы не разбудить жену, он встал с кровати и направился в соседнюю спальню. Александр посветил телефоном и увидел спящую на спине Еву. Она немного хмурилась – кажется, ей что-то снилось. Он схватил пальцами ближайший к нему нижний краешек одеяла и приподнял его. Ева родилась без ног. Семья не могла купить для нее самые лучшие протезы, хотя те, что полагались по страховке, и были неплохими. Впрочем, как настоящие ноги они, конечно, не выглядели.

– У тебя обязательно будут ножки. Самые красивые на свете, – нежно произнес отец и прижался губами к Евиным волосам.

*

Люди часто засматривались на Александра. Он был одновременно красивым и безобразным: голубые глаза, кривой нос, завораживающая улыбка, ямочка на подбородке. Вдобавок природа наградила его кривыми ногами и широкими плечами. Еще двадцать-тридцать лет назад мужчину подобной наружности и с такой харизмой обязательно пригласили бы сниматься в кино, но сейчас другое время – любого персонажа значительно дешевле нарисовать. Создателям серьезных фильмов больше не нужно идти на поводу актеров – договариваться с ними, бороться с их капризами, выплачивать гонорары. В этом смысле за несколько десятков лет изменилась вся логика киноиндустрии. Актеры остались только в любительском кино и в театре, но даже там некоторые второстепенные роли теперь исполняли роботы.

Утром Александр принял душ, побрился, надел костюм и галстук. Выглядело так, будто он вернулся в прошлое и собирается идти на собеседование.

- Ну, как я выгляжу?
- Глупо, – ответила Эмма.
- Лучше без полосок? Поменять галстук?
- Поменять мозги.

Муж бросил в жену галстук, который держал в ладони, а Эмма швырнула его обратно и удалилась.

В тот день Александр был единственным посетителем банка, для которого офис уже давно стал вопросом имиджа и престижа, а не необходимости. Люди привыкли выполнять все финансовые операции через виртуальный личный кабинет.

Сотрудница банка явно обрадовалась живому человеку.

- Здравствуйте! Чем могу быть вам полезна?
- Здравствуйте! Я хочу взять кредит.
- Хорошо. Пожалуйста, приложите чип к считывателю, – предложила девушка, когда приметила, что у собеседника нет браслета.

– У меня нет чипа.

– В таком случае – ваши документы, пожалуйста.

Александр вытащил из внутреннего кармана пиджака идентификационную карту и положил ее на считыватель.

– Какая сумма вас интересует?

Посетитель назвал число, а девушка напротив округлила глаза. Затем она собралась с мыслями и, наконец, выдала, что банк не может ссудить ему такое количество денег.

– Вы же даже не проверили, – заметил Александр.

Сотрудница кивнула, пальцы ее забегали по клавиатуре, и через пару секунд она повторила:

– К сожалению, банк не может ссудить вам подобную сумму.

– Ясно. Прошу вас, не подумайте, что у меня к вам какие-то претензии. Это никак с вами лично не связано, но могу я поговорить с вашим руководителем? Прошу вас. Это очень важно. А вы очень хорошо работаете. Я обязательно оставлю положительный отзыв.

Девушка поблагодарила и ответила, что уточнит. Она сделала короткий звонок и попросила пройти за ней.

– Как редко у нас бывают гости! – воскликнул менеджер и показал рукою на кресло.

«Хотя бы кошку тут заведите, а то совсем одичаете», – подумалось Александру.

– Моя коллега сообщила, что вы хотите переговорить со мной. Пожалуйста. Я вас слушаю.

– Благодарю. Да. Все верно. Так вот, дело в том, что мне нужна большая сумма, но ваша коллегa, к сожалению, отказала мне в кредите. Мы можем с этим что-нибудь сделать?

– Боюсь, это очень сложная задача. Понимаете, существуют определенные параметры. Система принимает решения на основании данных параметров, и даже я – руководитель департамента,

никак не могу повлиять на ее решения. Давайте поступим по-другому. Я сейчас поручу узнать, какова максимальная сумма, на которую вы можете рассчитывать. Или вы уже уточнили?

– Нет, не уточнил. Будьте добры.

Менеджер позвонил подчиненной, и спустя минуту она переслала ему число, которое у нее получилось. Собеседник Александра прильнул к монитору и начал внимательно читать – он шевелил губами, но не издавал ни единого звука.

– Думаю, здесь произошла ошибка. Скорее всего, неверно заполнена запрашиваемая сумма. Сейчас мы с вами все исправим.

– Нет, все верно.

Посетитель назвал число, которое совпадало с тем, которое видел перед собой менеджер. Тогда руководитель департамента взял из высокой стопки квадратный листок для записок, что-то на нем написал и протянул собеседнику.

– Это предельная сумма, – произнес он сухо и отклонился назад.

– Но это слишком мало.

– Вы можете найти работу. Тогда это число увеличится. Как я уже сказал, не мы здесь принимаем решения. Мы всего лишь посредники между вами и этими бесконечно умными машинами. Вы, должно быть, заметили, что мир уже давно принадлежит им.

– Не такие уж они и умные, раз предлагают мне эту ничего не значащую сумму.

Менеджер пожал плечами. Он начал уставать от разговора.

– Честно говоря, не знаю, зачем вы разыгрываете этот спектакль. Я уверен, что это не первый ваш отказ. Не первый ведь?

– Вы правы – не первый. Но я давно не пробовал. Можно я вам кое-что покажу? Прошу вас. Это не займет много времени.

– Да, почему нет. Покажите.

Александр вытащил из кармана телефон и открыл раздел с изображениями.

– Смотрите. Это квартира, в которой я живу. Видите? Маленькая, ничем не примечательная квартира, в которой мы давно не делали ремонт. Это... вот это... фотография моей машины. Так себе тачка, да? Вот это моя жена. Вам кажется, что симпатичная. Да, пожалуй, соглашусь. Но у нее дрянной характер. Несколько лет назад она изменяла мне с одним юристом, пока тому не проломили стулом голову. Она до сих пор не догадывается, что я все знал о них. Помню, когда этот придурок сдох, она редела неделю, а мне говорила, что у нее кризис среднего возраста. Скорее – это был кризис ее промежуности. Но не будем об этом, чтобы вам не стало совсем неловко за меня. А это... Вот это. Это Ева. Это моя дочка. Она ангел. Она все, что у меня есть. Понимаю, ужасно звучит. Звучит как в бульварном романе, но что поделать, если это правда?

– У вас очень красивая дочка. Думаю, она заставляет забывать обо всех проблемах.

– Да, вы совершенно правы. Но осталась еще одна, последняя фотография. И мы на этом закончим, хорошо? Прошу вас.

– Да, договорились.

– Смотрите. Вот. Видите. Здесь она в юбке. Ей шесть лет. В шесть лет девочки мечтают о кулаках и шеночках, а Ева мечтает о ножках. Она так и говорит: «настоящие ножки».

– Послушайте... Простите, что прерываю. Мне уже ясно, к чему вы ведете. Слушая все это и вдобавок еще и отвечая, я, должно быть, вышел за все этические рамки. Речь, конечно, о профессиональных этических рамках. Я такой же человек, как и вы. И я вас действительно очень хорошо понимаю. Но давайте сразу проясним: учитывая сумму, мы здесь не в состоянии полностью решить вашу проблему. Однако я могу дать несколько советов. Итак, что вы можете сделать, чтобы увеличить размер кредита? Во-первых, найдите работу. Наличие даже самой низкооплачиваемой работы повлияет на размер суммы. Во-вторых, вы можете заложить квартиру и автомобиль.

– Я могу попросить вас пересчитать? Какое число получится, если я выполню эти условия?

Новая сумма оказалась в несколько раз больше предыдущей, однако этого по-прежнему было мало. На прощание менеджер произнес следующие слова:

– Я желаю вам удачи. И раз уж у нас произошел этот откровенный разговор, позволю себе сказать следующее: не нужно никому рассказывать эту вашу историю. Это никому не интересно, это лишь унижает вас и не приближает к цели. Вам нужны деньги – так ищите их.

*

Ева надела пижаму со щенятами и приготовилась ко сну. Внезапно Александр резко одернул штору, выглянул в окно и заявил, что ей нужно переодеться, потому что они идут на улицу. Эмма осведомилась, в курсе ли ее муж, который час, но тот парировал тем, что они быстро – она и глазом моргнуть не успеет.

– Мама, ну, пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Александр вытащил из гардероба старое шерстяное покрывало.

– И надень-ка куртку, солнышко. Сейчас прохладно.

В предвкушении очередного папиного чуда Ева слушалась с таким благодарным смирением, с каким подчиняются божеству. Отец с дочерью пошли в сторону поля, где они болтали накануне.

– Папа, а куда мы идем?

– К новым друзьям.

– К другим новым друзьям?

– Да, Ева, к другим новым. Тебе не холодно?

– Нет.

Девочка стала напевать под нос песню из любимого мультфильма.

– Вот мы и пришли. Почему ты не здороваешься?

– Всем привет!

– Слышишь? Трава шуршит. Она тоже с тобой здороваётся.

Ева засмеялась. Александр расстелил на траве покрывало и растянулся на нем.

– Солнышко, ложись рядом!

– Папа! Как много звездочек! – воскликнула девочка.

– Тебе нравится?

– Да, очень-очень.

– Давно такой звездной ночи не было. Не мерзнешь? Если спинке холодно, можешь лечь на меня.

Девочка не мерзла, но воспользовалась удобным случаем, чтобы залезть спиной на папу и упереться макушкой головы в его подбородок.

– Звездочки тоже мои друзья?

– Да. И притом самые лучшие.

– Они тоже разговаривают?

– Нет, солнышко, звезды не разговаривают. Они просто светят. Если тебе когда-нибудь станет очень грустно, а меня не будет рядом, просто посмотри на них.

– А где ты будешь?

Александр оставил вопрос без ответа, и тогда Ева запрокинула голову, чтобы посмотреть на папино лицо. Она застыла в этом положении, а затем спросила:

– Папа, а почему у тебя такой кривой нос?

– Мой нос не дает тебе покоя?

Девочка перевернулась на живот и положила щеку на отца.

– Я просто не понимаю, почему у тебя такой нос.

– Хочешь сказку?

– Угу.

– Жил-был один человек. И были у него кривой нос, плоскостопие и красивая-прекрасивая дочка по имени Ева.

– А что такое плоскостопие?

– Плоскостопие – это... Боже, зачем я усложняю. Жил-был один человек. И были у него кри-
вой нос, старая машина и красивая-прекрасивая дочка. Так понятно?

– Угу. Полоскопие – это старая машина?

– Да, что-то вроде. Только починить сложнее.

Александр сочинял сказку, пока не почувствовал, что девочка уже спит.

– И теперь уже ни одна душа никогда не узнает конец этой истории, если только ты не попро-
сишь меня рассказать.

Отец переложил дочку на покрывало и укутал ее. Потом осторожно взял Еву на руки и пу-
стился в обратный путь, и никто в целом мире не знал, как сильно в тот день у него болели стопы.

*

Ночью Александр лежал в постели возле жены и созерцал потолок, с которого по одной па-
дали легкие капли времени. Эмма положила ладонь мужу на живот, и супруг легко догадался, что
произойдет дальше. Через минуту-другую он будет смотреть на ее извивающуюся спину, чувство-
вать ее ногти в своих бедрах. Александр знал, что она любит *быть* с ним, и на стороне Эмма иска-
ла не физическую близость, а что-то другое. Он не понимал, что именно. А понимала ли она сама?

Когда-то Александр был звездой школьного театра, а она – девочкой из младшего класса. Его
некрасивая красавица, помноженная на актерский талант, казалась чем-то настолько притяга-
тельным, что он мог выбрать себе в подружки почти любую. Некоторые мальчики даже мечтали
о таком же кривом носе. Но когда ученические годы остались позади, и Александр перестал вы-
ходить на сцену, то волшебство вдруг улетучилось. Он превратился в заурядного безработного,
который не имеет ни денег, ни достаточного усердия, чтобы поступить в университет. Эмма не
сразу распознала перемену, и еще долго находилась под обаянием своего парня, который вскоре
стал ей мужем. Но однажды, будто в один миг, все декорации рухнули – она разглядела, что жизнь
обманула ее. Александр осознал все это, и ему подчас становилось жалко несчастную женщину.
Они давно не любили друг друга, но привыкли жить вместе, растить дочь. То, какой родилась Ева,
стало ударом для обоих, но особенно для Эммы. Хотя они и узнали правду во время беременно-
сти, все равно оказались к ней не готовы.

Александр любил тонкую белую спину жены. Порой он нарочно закрывал глаза и удерживал
эту красоту в воображении. Возможно, спустя много лет, когда настанет время умирать, очер-
тание ее нежного стана будет одной из тех картинок, которые, согласно поверью, он увидит в
последнее мгновение. Сложно быть одновременно так близко и так далеко друг от друга. Очень
сложно. Но многим это удастся, и этим многим хорошо известно, что это такое и как с этим жить.

После, не проронив ни слова, Эмма вновь уснула, а мысли Александра помчались к Еве – от-
куда найти столько денег? Он держал в уме одну мысль, но никак не решался пойти столь опасной
дорогой. Но ради дочери и еще не родившегося ребенка, кажется, пришло время рисковать.

*

В промежутках между снами Александр почувствовал, что Эммы нет рядом. Он всегда просы-
пался раньше, поэтому это показалось странным. Мужчина пробудился. Едва начинало светать.
Жена стояла возле окна.

– Чего не спишь? – спросил Александр.

– Не спится, – ответила Эмма, не оглядываясь.

– Иди сюда, я тебя согрею. Забудь про все. Хотя бы сейчас.

Беременной женщине не было холодно, но все же она отчего-то сделала эти несколько шагов
длиною во многие километры, легла и положила голову на руку мужу – так, чтобы он мог обнять.

– Эмма, меня только ее существование спасает. Уверен, тебя тоже. Боже, она и правда дает
нам обоим жизнь. Мы бы давно развелись, если бы не Ева.

– У нее обязательно должны быть ноги.

– Они у нее обязательно будут.

Александр хотел было справиться о ее самочувствии, но передумал. Потом он сказал:

– Знаешь, иногда я просыпаюсь ночью, прокрадываюсь в ее комнату, наклоняюсь и подолгу слушаю, как она дышит во сне. Тогда я зажимаюсь, и ее дыхание мне кажется прекраснее музыки Моцарта, Бетховена, Вивальди... Да кого угодно. Прекраснее всего, что человечество создало и создаст. А знаешь, чего я боюсь больше всего на свете?

– Чего?

– Однажды меня не станет, а еще через много лет Ева, уже дряхлая старушка, будет лежать в каком-нибудь доме, на какой-нибудь кровати, окруженная своей семьей, и тоже будет умирать. Ей будет так страшно, а я не смогу быть рядом, не смогу сказать, что люблю ее, не смогу поцеловать мою девочку. Не знаю... Я так боюсь момента, который настанет, когда меня самого не будет. Странно, да?

Эмма села в кровати и опять уставилась в окно.

– Зачем ты мне все это говоришь? Просто позволь мне спокойно жить и ненавидеть тебя, как я делала до сих пор. Ты не должен был меня обнимать. Прощу, уйди.

Александр ничего не ответил, молча встал и оделся. В Евиной спальне он по привычке поправил ее одеяло, склонился над ней и зажмурился, чтобы на весь день наполниться музыкой дочери.

*

Отец Евы созвонился с бывшим однокашником и предложил встретиться. В полдень оба были в условленное место. Друзья обнялись, обменялись только им одним известными шутками и усадились за столик, на котором уже стояли два коктейля.

– Я решил, что для чего-то более серьезного еще слишком рано.

– Да. И правда рановато, согласен. Как ты, Гомер?

– Да простит меня Зевс, как давно меня так никто не называл!

– В общем, ты все такой же манерный. Если тебя давно никто так не называл, значит, ни с кем из наших не общаешься. Да?

– Ну, да. Не получается как-то.

– Я уже и не помню... Кто тебя первым назвал Гомером?

– Не помню кто, но помню при каких, так сказать, обстоятельствах.

– Боже, это и я помню. Забудешь такое. Ты тогда притащил из дома какую-то простыню, обернулся в нее, залез на учительский стол и начал читать свои стихи.

Друзья закатились смехом, а немного погодя Гомер сказал:

– Да-да. Так все и было. Ну, ладушки. Как ты? Рассказывай.

– Давай с тебя начнем.

– Да, что рассказывать. Особо нечего. Веду богемный образ жизни, общаюсь с людьми, пользуюсь возможностями. Словом, как всегда. Все хорошо, не жалуюсь.

– Видишь, как здорово. И стихи пишешь?

– Да, куда без них. Недолго осталось. Так что – пишу.

– В каком смысле недолго осталось? Ты болен? – разволновался Александр.

– Нет-нет. Упаси Зевс. Ты что. Ты неправильно понял. Это не мне, а стихам недолго осталось.

– Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

– Думаю, совсем скоро ученые научатся переносить человеческое сознание в роботов, и мы станем жить вечно. Только радоваться недолго будем. И искусство умрет. Поверь мне, ни один бессмертный не станет писать стихи или рисовать картины.

– Почему это? Наоборот же. Впереди – вечность. Можно бесконечно совершенствоваться, творить.

– Александр-Александр, ты не туда думаешь. Люди пишут стихи, потому что бояться смерти. А если даже представим себе, что есть такие, которые не боятся, то эти бесстрашные все равно знают, что умрут. Понимаешь? Они как бы всегда имеют смерть в виду. Смерть, знаешь, – как в фильмах ужасов, как бы выглядывает из-за моей спины всякий раз, когда я царапаю строчки какие-нибудь. И вот этими стихами я становлюсь бессмертным. Когда смерть придет, я скажу ей: ладушки, пойдем, но мои стихи останутся здесь, ты не сможешь их забрать. А если вдруг выясняется, что смерть не придет? Если вдруг напишут – все, ку-ку, смерть завершила карьеру, повесила бутсы на гвоздь, ну, или куда там косу вешают? То при таком раскладе – зачем, спрашивается, мне писать? Какая у меня мотивация?

– Не знаю. А ты разве не получаешь удовольствие от самого процесса?

– Да, это правда. Спорить не буду. Получаю. Хотя и мучаешься не меньше, а то и больше. Но захочется мне, бессмертному, сесть за стол и писать? Поверь мне – даже желания не возникнет. А даже если и возникнет, даже если и сяду писать, то получу удовольствие? А если даже и получу, что там на бумаге останется? Чего будут стоить такие стихи? Откуда в них сила возьмется?

– Сложно у вас все – у людей искусства. Я простой человек.

– А ты якобы не человек искусства? Ты же в театре играл.

– Боже, Гомер, ну, ты вспомнил. Что я там играл? И когда это было? Посмотри на меня: по большому счету, я никем толком и не стал.

– Сейчас с этим сложно. Не хуже моего знаешь. Мало у кого есть работа.

– Да я не про работу. Хотя и это тоже. Неважно. Я к тебе по делу.

– Я весь внимание.

– Мне нужна большая сумма денег.

– Сколько?

Александр произнес число, и Гомер на мгновение так и застыл – с трубочкой во рту.

– Я не шучу. Мне и правда нужны эти деньги.

– Серьезная сумма. Даже если бы я мог дать тебе столько, ты никогда не вернешь такой долг.

– Я не могу сказать, *когда* я смогу все вернуть, но могу обещать, что точно верну. И сделаю это максимально быстро.

Собеседник едва заметно усмехнулся и, чтобы скрыть это, опустил взгляд, делая вид, будто рассматривает свои пальцы.

– И все-таки есть крайне высокая вероятность того, что ты мне эти деньги вообще никогда не вернешь. Ну, вот если только мы станем бессмертными. Но даже в этом случае у меня есть сомнения. Шучу. Зачем тебе это? Что случилось?

– Нужно сделать Еве ноги.

– Ах, да. Вспомнил. Ты рассказывал. Ладушки. Дай мне время – подумать, прикинуть, что можно сделать.

– Гомер, нет времени думать. У меня меньше месяца. В последний раз, когда мы виделись, ты говорил о работе, которая бывает время от времени. За которую хорошо платят. Все еще в силе?

– Тише, тише. Да, бывают возможности немного заработать. А почему у тебя меньше месяца?

– Неважно почему. Это очень личное. Сейчас есть такие возможности?

– Да, и сейчас есть. Только прошу тебя – потише. И не просто сейчас есть, а уже давно есть, потому что проблемная работенка. Сложно человека найти подходящего.

У Александра загорелись глаза:

– Сколько платят?

– Ты все еще без чипа?

– Да.

– Примерно... десятую часть от суммы, которая тебе нужна. Неплохо?

– Ты и правда удивительный человек, Гомер. Пусть я безработный, но я же не дурак. Если ты мне предлагаешь такой заработок за один раз, то уверен, ты в состоянии дать мне в долг сколько мне надо. Прощу тебя, не отказывай мне. Мы же сто лет знакомы.

– Ну-ну. Не думай обо мне так плохо. Я тебе и не отказываю. Я предлагаю возможность. Воспользуйся ею. А если бы я тебя за дурака считал, то и разговора этого не было бы. Поверь мне, такая работа редко подворачивается. Да и вообще, мы же сейчас деньги обсуждаем, а не стихи, да? Дружба дружбой, а бизнес бизнесом. Это ведь честно?

– Какие условия?

– Если будешь работать весь месяц, много заработаешь. Сколько будет не хватать – дам тебе в долг. Идет?

– Это все?

– Нет, не все. Когда вернешь долг, потом будешь год на меня бесплатно работать. Ну, ладно. Не год. Смешаем немного дружбу с бизнесом. Десять месяцев. Идет?

Александр знал, что это его единственный шанс, и поэтому без раздумий согласился.

– Не злись, Александр. Пойми меня правильно. Я тоже рискую. В любой момент тебя могут арестовать, и в таком случае я потеряю деньги, товар и время.

– Если меня могут арестовать, одолжи мне сейчас всю сумму. Я готов работать на тебя бесплатно двадцать месяцев вместо десяти.

– Нет-нет. Это слишком рискованно. Кто вернет мои деньги, если тебя поймают в первый же день?

– Меня не поймают.

– А если поймают?

– Не поймают.

– А если да?

Александр умолк, и тогда Гомер продолжил:

– Теперь слушай внимательно. В ближайшие четыре дня ты должен вести очень активную социальную жизнь. Встреться с таким количеством людей, с каким только возможно. Сходи в клуб, на стадион, контактируй со всеми подряд. Чем больше, тем лучше. Начни прямо сегодня. Это для моей безопасности. А важнее моей безопасности ничего быть не может. Если тебя возьмут, а до этого ты встречался только со мной, то у меня будут сложности. Понимаешь? На восьмой день зайдешь в букинистический магазин «Папирус». Спросишь у продавца «Отверженные» Гюго, заплатишь столько, сколько он скажет, и поедешь к себе. Не вздумай открывать книгу в магазине или на улице. Знаешь – везде камеры. Между первыми двумя страницами найдешь бумагу с адресом. В книге будет пакет. Отвезешь книгу с пакетом по адресу. Но не вздумай вскрывать пакет. Понятно?

– Понятно.

– Если ты не будешь в точности следовать инструкциям, то обещаю, что книгу тебе не продадут. Тогда даже не вздумай мне звонить. И еще. Обязательно используй интернет. Забивай в поисковике запросы типа «как расслабиться после ссоры с женой», «куда сходить отдохнуть» и так далее. Словом, разыгрывай историю. Чтобы все выглядело естественно. Когда прочитаешь бумажку с адресом, запроси достопримечательности этого места и обязательно посети их, когда будешь там. А если тебя возьмут, то, понятно, навсегда забудь о моем существовании. И последнее. Если тебя арестуют во время первого дела, я смогу тебя выручить, но денег ты никаких не получишь.

*

После беседы у Александра появилась надежда, а еще он понял, что даже тот, кто занимается искусством, может быть сволочью. Он всегда видел в Гомере хорошего товарища и талантливого литератора, а теперь выяснилось, что под личиной поэта живет делец, каких мир не видывал. Но все же отец Евы был благодарен: в конце концов этот человек сделал для него то, что не смогли или не захотели другие. Кроме того, они договорились об условиях, как говорится, на берегу. Значит – все честно.

Дома Александр шепнул жене, что им нужно поговорить, и супруги уединились на кухне.

– Эмма, в общем, у меня есть план. Я раздобуду деньги.

– Не играй со мной.

– Я не играю.

– Не заставляй меня привыкать к ребенку. Скажи, если ты не уверен на сто процентов.

– Да, я не уверен, но верю, что все получится. Все должно получиться. Но мне нужно, чтобы ты кое-что сделала.

– Что?

– Представь, что мы сегодня разругались. Неважно, из-за чего. Например, из-за того, что у нас нет денег. Я съеду от вас. Буду вести себя странно. Просто подыгрывай мне. Хорошо?

Эмма обреченно кивнула, и Александр продолжил:

– Не пиши, и не звони мне сама, чтобы ничего не испортить, но отвечай, если я буду писать или звонить. Главное – запомни: мы очень злы друг на друга.

– Это опасно?

– Судя по всему – да.

– Судя по всему? Ты что – не знаешь, во что ввязался?

– Знаю, Эмма. Ну, конечно, знаю. Для тебя и Евы нет никакой опасности.

– И когда это закончится?

– Примерно через месяц. Мы же с тобой о месяце договорились.

– Я все сделаю.

В своей комнате Ева играла с куклами.

– Хочешь, пойдем на пруд? – неожиданно спросил папа.

Когда отец с дочкой остановились возле самого края воды, Александр предложил сыграть в игру:

– А теперь попробуем найти самый красивый камушек. Потом сравним. Если я найду самый красивый, то ты выполнишь мое желание, а если ты найдешь, то я сделаю все, что скажешь. Договорились?

Ева воскликнула «да» и бросилась точно сыщик прочесывать каждый сантиметр побережья, хотя из-за протезов ей было не очень удобно. Она обожала выдуманные папой игры. Александр не отставал от дочери, наклонился и внимательно изучал землю.

– Нашла! – воскликнула Ева.

– Ну-ка, иди сюда! Давай поглядим. Я тут тоже кое-что нашел. Смотри.

На ладони у Александра лежал коричневый с белыми прожилками камень в форме почти совершенного овала.

– Какой красивый! – вздохнула Ева побежденным голосом.

– Так. А что у тебя там?

Ева разжала кулачок, в котором лежал, должно быть, самый искривленный камушек на всем берегу. Изумленный отец поднял глаза на дочь.

– Солнышко, ты такая особенная. Почему ты выбрала этот?

– Не знаю...

– А где ты его нашла?

– Вон там!

– Такой кривой камень! Он что у тебя там – под кривой водой лежал, что ли?

– Папа, а разве вода бывает кривая?

– А что же тогда бывает кривым, если не вода? А?

Ева задумалась, и Александр, как бы намекая, наклонился к девочке поближе, и тогда та радостно выпалила:

– Твой нос! Твой нос!

*

Перед сном отец рассказывал дочке очередную сказку, которую выдумывал прямо на ходу. Ева теребила пальцами одеяло и внимательно следила за захватывающей мимикой отца. Вдруг она прервала его повествование вопросом:

- Папа, а ты можешь не уезжать?
- Хочешь, открою еще один секрет?
- Да! Хочу!
- Я уезжаю, чтобы у тебя поскорее появились ножки.
- Ты привезешь их с собой?
- Нет, но ждать осталось совсем недолго. Но никому не рассказывай!

Александр внушил себе, что все должно получиться, и по-другому – никак. Он не оставил места для отступления. Так в прошлом полководцы порой выстраивали войско спиной к морю или к горе, чтобы воинам некуда было бежать, и те волей-неволей сражались бы до конца. Отчаянный даже не поинтересовался, сколько ему предстоит сидеть в тюрьме, если дела пойдут не так, как задумано.

Ева уснула в начале второй сказки, а Александр задумался над тем, что, должно быть, она самый обыкновенный на свете ребенок, и ему кажется, что она такая особенная, только потому, что он ее отец. А впрочем, какое это имеет значение – особенная или нет? Мужчина точно знал, что именно то, что он испытывал к дочке, и было настоящей любовью. Он мечтал стать воздухом, чтобы всегда держать ее в своих объятиях, чувствовать ее тепло.

Александр составил подробный план действий. Он записал все на бумаге, сложил лист вчетверо и положил в карман. Теперь нужно собрать чемодан. Что ждет его *там*? Возможно, лучше остаться? Просто пойти спать. Зачем тебе уходить? У тебя есть дочка, а выйди ты сейчас из этой двери – и можешь потерять ее.

Отец Евы переступил порог так, как, наверное, шагают в открытый космос космонавты. Однако сложным оказался лишь первый шаг. Александр заселился в дешевую гостиницу на другом конце города, переоделся и поехал в ночной клуб. Там он танцевал, пил, знакомился с женщинами, роботами-женщинами. И если роботы-женщины знакомились исключительно с теми посетителями, которые успели потратиться, то с дамочками из плоти и крови дело обстояло проще. Словом, никто не уходил из клуба в одиночестве, если только не желал этого. В середине ночи Александр схватил кого-то за руку и повел на улицу. Мужчина и женщина сели в такси. В пьяном угаре они еще в машине набросились друг на друга, и теперь на кровати закончили начатое. Как-то одеv уже почти уснуvшую незнакомку, мужчина дотащил ее до первого этажа, заказал такси и отправил женщину домой. Затем Александр вернулся в свой номер и написал Эмме сообщение о том, что ей ни за что не удастся разрушить его жизнь. Он вытащил из кармана заветный лист со списком и, вычеркнув оттуда первые несколько строк, забылся сном. Отец Евы хорошо помнил, зачем делает все это. И был вечер, и было утро: день первый.

*

Проснулся Александр с очень тяжелой головой. Аппетит все не приходил, но мужчина заставил себя спуститься в гостиничный ресторан, чтобы съесть вареное яйцо и ломтик хлеба с маслом и сыром. Потом отец Евы принял контрастный душ и, наконец, развернул бумагу с планом – сегодня он должен посетить протестантскую церковь, которая по воскресеньям проводила две службы.

– Если потороплюсь, то могу успеть на вторую, – пробубнил Александр себе под нос.

В его машине не было автопилота, а садиться за руль самому после ночного клуба – себе дороже.

Такси подъехало к зданию церкви за минуту до начала богослужения. Внутреннее убранство, как и принято у протестантов, отличалось строгой простотой. На сцене позади стойки с микрофоном возвышался огромный крест без единого узора – две обычные перекладины, покрашенные в белый цвет. От сцены в сторону выхода в два ряда убегали длинные скамьи. Александр с трудом нашел свободное место на одной из лавок в середине зала, у самого прохода.

Не успел он сесть, как прихожане встали со своих мест, и в тот же миг зазвучала прославляющая Всевышнего музыка. Верующие знали все песни наизусть и, поднимая руки, громко пели. Александр почувствовал, что кое-чего не учел: после столь безрассудной ночи неподвижно стоять целых сорок минут – почти непосильная задача. Он уперся ладонями о переднюю скамью и думал лишь о том, чтобы не рухнуть. Ему становилось все хуже, приступы тошноты накатывали один за другим.

– Вы в порядке? – вежливо спросила святая, но не совсем догадливая женщина в перерыве между песнями.

Александр неубедительно кивнул и движением руки показал, что не нуждается в помощи.

Музыка стихла, и он без сил опустился на скамью. Постепенно ему полегчало. На сцене уже какое-то время выступал проповедник. Он выглядел очень искренним, и его речь увлекала. Пастор рассказывал о любви Иисуса Христа. Александр припомнил, что когда много лет назад мама водила его в церковь, то добрая половина всех проповедей была именно об этом – любви Сына Божьего. Проповедник уверял, что как бы не изменялся мир, Иисус всегда один и тот же и всегда любит каждого из нас. Затасканные слова, которые отец Евы слышал сотни раз, в этот день почему-то истинной гремели в его ушах. Пастор взял микрофон, сошел со сцены и зашагал по проходу между скамейками, продолжая вдохновенную речь. Внезапно он замер и впился взглядом в Александра. Голос проповедника стих, а грешник невольно выпрямился и задержал дыхание.

– Я не видел тебя здесь раньше. Добро пожаловать в Дом Божий! Слава Господу! И прямо сейчас, в эту минуту, я спрашиваю тебя: а ты? Ты любишь Иисуса Христа?

Было очевидно, что вопрос обращен к Александру, но тот так растерялся, что поначалу смог только широко раскрыть глаза и сжать ладонями собственные колени. Затем он произнес следующее:

– Я люблю Еву.

Еще через мгновение случился столь сильный приступ, что Александр ничего не смог с собой поделать, и его стошнило прямо на ковер, на место между ним и пастором. Мужчина вскочил и, зажав ладонью рот, в ужасе выбежал из здания. На такси он добрался до гостиницы и уже в своей комнате упал на кровать. Он плакал и молился:

– Господи! Господи! Прости меня! Прости меня, Господи! Я ведь верю в Тебя! Ты ведь знаешь, что я верю! Ты знаешь! Прости меня, прости! Я не должен был ходить сегодня в церковь! Боже!

Александр перевернулся с живота на спину и закрыл лицо руками.

– Раз уж я говорю с Тобой, Господи! Помоги мне найти деньги! Прошу Тебя! Она такая маленькая, такая беззащитная. И мой второй ребенок! Я даже не знаю, мальчик это или девочка... Не заставляй нас убивать его ради ножек Евы... Прошу! Можешь не прощать меня! Я готов к любому наказанию! Но умоляю: дай мне эти деньги!

Немного спустя его стошнило еще раз, а после он задремал и видел сон, в котором снова и снова переживал свой позор.

*

Вечером происшествие в церкви уже казалось Александру чем-то очень далеким, почти нереальным. Точно так же и его покаянная молитва стала восприниматься как что-то такое, что произошло с кем угодно, но только не с ним. Отец Евы не отказывался от своих слов, но ему было так странно, что он чувствовал подобное, говорил подобное. Давным-давно Александр любил стоять на сцене и ощущать на себе взгляды сотен зрителей. Однако ни разу его монологи не слушали с

таким благоговением, с каким нынче утром сам он внимал человеку с микрофоном, что стоял под огромным крестом.

Он часто думал о школьном театре как о потерянном рае, но, когда родилась Ева, Эдем возродился. Потускневшее бытие наполнилось новым смыслом. Свои чувства к дочке Александр называл «любовью, которая больше любви». Он размышлял о том, что это крошечное существо для него важнее триллионов и триллионов кубических километров вселенной, заполненных живыми и неживыми предметами, настолько разными, насколько могло хватить воображения у всемогущего Творца.

Отец Евы не сомневался, что иметь такие мысли и чувства – Божественный дар. И именно в такого Бога он верил – Бога любящего и дарующего любовь людям, а если и не всем людям, то, по крайней мере, – ему, Александру. Остальное не имело значения – богословские вопросы, споры между религиями, споры между католиками, протестантами и ортодоксами, споры между верующими и атеистами. Все это его не трогало и не волновало. Он точно знал, *что* понимал и *что* чувствовал, и этого было вполне достаточно, чтобы оправдать как свою жизнь, так и существование мира.

Как она там без него? Александр никогда не оставлял ее даже на день. Плачет ли? Или наоборот – играет во что-нибудь и совсем о нем не вспоминает? Впрочем, это на самом деле не важно. Главное – выполнить задание, раздобыть деньги. Все ли он делает правильно? Не перестарался ли? Ночной клуб, церковь. Александр просмотрел свой список и оторопел. Человек в здравом уме, даже если он разругался с женой и переживает сложное время, не стал бы посещать одно за другим такие места. Он схватил ручку – кое-что вычеркнул, кое-что добавил.

Александр взял себя в руки и как прилежный ученик продолжил следовать обновленному плану и тратить свои скудные сбережения до того момента, как был вечер, и было утро: день седьмой, в который он не отдыхал. Теперь его ожидал следующий шаг – книжный магазин и великий французский писатель.

*

Целый час отец Евы разгуливал по улочкам того района, где должен был купить книгу. Он для вида приобрел пару безделушек и, наконец, как бы совершенно случайно оказался возле «Папируса». Точно так же, как пропадало волнение, когда Александр выходил на сцену, волнение пропало и сейчас, стоило ему только зайти. Старомодный книжный магазинчик для тех, кто по-прежнему предпочитал бумажные издания. На полках в задумчивости лежали ветхие книги, вероятно, изданные даже не в двадцатом веке, а еще раньше. Александр огляделся, но не заметил других посетителей.

- Здравствуйте. Я ищу «Отверженных» Гюго.
- Здравствуйте. Это очень странно.
- Что здесь странного?
- Отверженных обычно никто не ищет. На то они и отверженные.
- А книгу про них?
- Ах, вы о книге, – невозмутимо отозвался собеседник.
- Представьте себе.
- Подождите здесь.

Продавец, мужчина лет шестидесяти, вернулся через минуту и поставил книгу на прилавок. Она не отличалась такой древностью, как те, что были выставлены на обозрение.

- А это у вас единственное издание «Отверженных»?
- Нет, не единственное. Но я решил, что вас заинтересует именно оно.
- Ясно.
- Остальные в значительно более плохом состоянии.

Александр боялся, что говорит не с тем человеком. Тогда он задал еще один вопрос:

– Простите, что вмешиваюсь не в свое дело. Вы здесь один работаете? В смысле... Вы хозяин магазина?

– Нет. Мой прадед.

– Ваш прадед владеет магазином?

– В своем роде.

– И сколько же ему лет?

– Нисколько. Он давно умер.

– Интересно, – вздохнул посетитель, понимая, что пора закругляться с этим идиотским диалогом.

– Думаете?

– Нет. Конечно же нет. Сколько с меня?

Продавец положил роман в пакет и протянул покупателю. Александр провел на свежем воздухе еще какое-то время, съел мороженое и возвратился в гостиницу. Он зашторил окно, прикоснулся к покупке и проникся своей причастностью к большой и опасной тайне, которая находилась внутри. В книге был вырезан прямоугольник толщиной страниц в тысячу. Там лежал сверток. Как и обещал Гомер, между форзацем и авантитолом отец Евы отыскал небольшой лист бумаги. Он несколько раз прочитал строки с заграничным адресом – пока не убедился, что его выучил наизусть. Затем Александр пальцами измелчил листок и насыпал в карман, чтобы позже незаметно избавиться от бумажной крошки.

*

Отец Евы направил два запроса – чтобы выехать из своего города и въехать в тот, куда он должен был прибыть к вечеру. Как только пришли разрешения, путешественник забронировал билеты и гостиницу. Будильник прозвенит завтра в шесть утра, и приключение начнется. Впереди долгий путь: за поездку он сменит три поезда.

Александр принял душ, очистил и съел апельсин, потушил свет. Сразу стало ясно, что сегодня так просто не уснуть: мысли в голове копошились, будто муравьи в муравейнике. Стопы жутко гудели – в эти дни он был на ногах намного дольше обычного. «Боже, отправь моих врагов после смерти в бесконечное путешествие по раю, но, прошу, обязательно награди их плоскостопием. Аминь». Отец Евы сел в кровати и начал массировать подошвы стоп. Он в очередной раз убедил себя в том, что нельзя сомневаться в успехе – у него обязательно получится. Нужно лишь следовать плану и вести себя так, чтобы не вызывать подозрений. Да и едва ли кому-нибудь придет на ум, что то, что нужно сделать, не привлекая внимания, поручат человеку с такой необычной внешностью. Мужчина дотронулся до своего носа. Операция на искривленной носовой перегородке стоила недорого, но он никогда всерьез не беспокоился об этом. Александру казалось, что кривой нос – часть его сущности. Врачи не раз твердили, что операцию все же следует провести, потому что могут появиться, например, проблемы с дыханием. И хотя дышать иногда и вправду бывало тяжело, он давно привык.

Отец Евы включил свет, взял спрятанную глубоко в вещах книгу и прочитал первые страницы – до того места, где начинался вырезанный прямоугольник. «Отверженные» были одним из его самых любимых произведений. «Что там такого может быть в свертке, чтобы ради этого кромсать Гюго?» – размышлял он. Вдруг Александра осенило, что для главного героя – Жана Вальжана, как и для него самого, во всей вселенной существовала только одна маленькая девочка, ради жизни которой он готов был в любое мгновение отдать свою собственную. Как иронично! Но Жан Вальжан – каторжник, а плоскостопие Александра никогда не сравнится с тем, через что прошел литературный герой.

Впрочем, возможно, мы все в этой жизни каторжники? Таскаем на себе бессмысленные каменные глыбы, цепи, обязательства, память, в конце концов. А разница в том, что у кого-то в сердце живет маленькая Козетта, а иные клянут судьбу, потому что им не посчастливилось любить по-настоящему.

*

Александр зашел в свой вагон в хорошем настроении. Он сравнил номер на билете с числом на спинке кресла и сел напротив миловидной девушки, что дремала возле окна.

Поезд тронулся. Чемодан, внутри которого затаился Гюго, как и багаж всех остальных пассажиров, покоился в специальном отделении неподалеку. Вскоре незаметно для себя отец Евы тоже уснул, а когда открыл глаза, то девушка беззастенчиво изучала его. Он потер пальцами веки, а сидящая напротив все еще продолжала пристально смотреть.

– У меня что-то на лице? – выговорил спросонья Александр.

– Простите, нет, конечно нет. Вы любите читать?

На этом вопросе у путешественника, кажется, одновременно остановилось и дыхание, и кровообращение.

– В каком смысле?

– Разве у этого вопроса есть много смыслов?

– И правда, – согласился мужчина.

– Так вы читаете книги?

– Да, конечно, читаю.

– Читали Эдмона Ростана?

– Боже. Ну, все понятно.

– Что вам понятно?

– Вы намекаете на Сирано де Бержерака. Но у него был большой нос, а у меня – кривой.

Чувствуете разницу?

– Да, чувствую. Я чувствую ее лучше всех.

– Это почему же?

– Потому что я пишу диссертацию по творчеству Эдмона Ростана, – не без гордости сказала девушка.

– Ну, и что? Это повод обсуждать с незнакомцем его внешность?

– Мне просто скучно. Еще долго ехать.

– Ну, конечно, вам скучно. Вы ведь про Эдмона Ростана диссертацию пишете!

Незнакомка расхохоталась, и Александр рассмеялся в ответ. Теперь у него появилась возможность подробнее рассмотреть ее. Симпатичная, со смуглой кожей и длинными волосами. Несколько интригующих родинок на щеке.

– Так у вас есть что-нибудь почитать?

Александр взял несколько секунд на размышление. Кто она? Как возможно такое совпадение? А если она из полиции и знает, что у него книга? Вдруг они что-то подозревают и хотят без лишнего шума проверить? В таком случае, если он сейчас солжет, то все пропало.

– А почему вы сами ничего не взяли почитать? Теревите тут пассажиров со своей проблемой.

– Теревлю, значит?

– Ну, конечно, теревите. Не согласны?

– А кто сказал, что я не взяла? – ответила вопросом на вопрос незнакомка. – Мне любопытно, что есть у вас.

– Ясно. Да, у меня есть книга, но это подарок.

– Ах, вы едете в гости!

– Вы слишком любопытная для девушки, голова которой забита диссертацией.

– Я ее почти дописала.

– И что это меняет?

– Покажите книгу. Пожалуйста.

Девушка сложила ладони и бросила на собеседника умоляющий взгляд. Александр вновь задумался. Нет, она слишком естественная. Она не может быть из полиции.

– Хорошо. Но с одним условием. Я покажу вам только обложку. И вы будете смотреть книгу из моих рук, потому что человек, которому я везу ее, очень щепетильный в таких вопросах. Он коллекционер, а это старое издание.

– Вы запросто можете наврать ему, что никто, кроме вас, ее не трогал.

– Какой сегодня день недели?

– Среда.

– К сожалению, у меня правило: я не лгу по средам.

– Ах, вот оно что!

Александр добрался до своего чемодана и, положив пальцы на кодовый замок, увидел, что у него дрожат ладони. Только этого не хватало. Он шел обратно и сильно сжимал книгу руками – как будто сверток мог случайно выпасть из закрытого тома.

– Ну, что ж. Смотрите.

– Обожаю Гюго!

– А почему же диссертация по Эдмону Ростану?

– Да что вы прицепились! В жизни не все бывает, как мы хотим, но вам это, кажется, не знакомо.

– Да, и правда. Понятия не имею, о чем вы. Я баловень судьбы. Все мои желания всегда исполняются, – кривлялся Александр.

– Кем вы работаете?

– Я грузчик.

– Грузчик? Я думала, работу грузчика в наше время выполняют роботы. Вы врете.

– Нет, я не лгу по средам.

– И откуда такое особое отношение к средам? Умоляю, не говорите «потому что в этот день я встретил вас». Это будет дешево.

– Нет, вы не понимаете. Я и правда грузчик. Я беру на руки мою дочь, переносу ее туда, куда она укажет, и потом ставлю на пол, на землю, на стул. В общем, в зависимости от обстоятельств. И так – по многу раз за день. Я грузчик. И работаю сверхурочно.

– Вы сейчас хотели показать, что женаты и мне нужно оставить вас в покое, или же наоборот, что вы нежный и любящий отец, готовый перенести все эти чувства на юную особу напротив?

– Боже-боже... Мне кажется, зря вы решили писать диссертацию про драматурга. Вы же и сами своего рода драматург: разыгрываете в воображении какие-то несуществующие сценарии. Вам нужно было взяться за что-то другое.

– За что, например?

– Ну, например, за какую-нибудь детскую книжку. Это бы вас успокоило.

– То есть вы считаете, мне нужно успокоиться?

– О, да. Безусловно, – заверял мужчина.

– У вас замечательное чувство юмора. Можно я вас поцелую?

– Ну, поцелуйте.

Незнакомка встала, сделала шаг и обольстительно нависла над Александром. Путешественник посмотрел на нее снизу вверх и, когда она наклонилась, он закрыл глаза. Мужчина почувствовал теплые губы на кончике своего носа, а через мгновение опять услышал ее смех.

– Вы ведь думали, что я вас в губы поцелую. Признайтесь.

– Признаюсь. Я ведь не лгу по средам.

– Скажите, к кому в гости вы едете?

– Я еду в гости к будущему моих детей. Пожалуйста, давайте не будем об этом. Я очень уставший.

– Хотите, я поеду с вами?

– Мне кажется, вы совсем недавно расстались с молодым человеком. Угадал?

Выражение ее лица мгновенно изменилось – она будто сбросила маску. Александр, окончательно войдя в роль, произнес один из своих любимых монологов, который пришлось как нельзя кстати:

– Послушайте, я не знаю, как вас зовут. И вы не знаете моего имени. Мы и миллиарды других безымянных людей катаемся по кругу на этой планете, которая и сама вертится вокруг своей оси, словно бесконечный аттракцион. Мы все маленькие фигурки, запущенные в космос под разными углами и с разной силой. Но у каждого... Не знаю, может быть, и не у каждого, но, по крайней мере, у некоторых из нас внутри живет что-то настоящее. Только оно и по-настоящему светится, освещает вселенную. И я прямо сейчас делаю что-то, чтобы этот огонек внутри меня не погас, понимаете? И если в вас тоже есть что-то такое... что-то такое святое... сберегите его. Если мы с вами летим в одном и том же пространстве, это не значит, что мы летим вместе. А самое большее, что мы с вами можем вместе сделать – помахать издалека друг другу. Понимаете?

– Кто вы?

– Я простой грузчик. Жаль, что вы никак не поймете, что я не лгу.

*

Чтобы более не смущать незнакомку, да и самому не задохнуться от неуклюжего молчания, Александр пошел в вагон-ресторан, где заказал мороженое. Он поставил ладони на скатерть, широко раздвинул пальцы и заключил, что его речь вышла достаточно проникновенной. Зрителям бы наверняка понравилось. Официант принес в металлической креманке три шарика – клубничный, ванильный и шоколадный. Классика. Жаль, что Евы нет рядом. Она любит, когда папа растаявшим пломбиром рисует ей и себе на кончике носа кнопку.

Итак, пока что дело движется вперед. Хотя, конечно, он наговорил лишнего. Зачем он, например, сказал, что едет в гости к будущему своих детей? Александр никогда не умел удержаться, если мог выдать что-то яркое и запоминающееся. Порой это вредило ему, но он ничего не был в состоянии поделать с собой.

Осторожно, чтобы не нарушить воображаемую герметичность розового шарика, пассажир с кривым носом соскребывал мороженое и, растягивая удовольствие, медленно проглатывал кусочек за кусочком. Зачем он так жестоко обошелся с этой несчастной? Что ему стоило с ней познакомиться? Почему нет – даже завести отношения. Она хорошенькая, судя по всему – умная, с ней интересно разговаривать. Но нет. Конечно, не сейчас. Он все сделал верно, хоть и перегнул палку. Перед ним стоит только одна цель – довести книгу, получить деньги.

Всю обратную дорогу длинной в четыре вагона Александр репетировал: что сказать, чтобы разрядить обстановку, но в то же время не показаться человеком, который пожалел об уже произнесенных словах. Однако место ее пустовало, и ему вдруг стало очень тоскливо. Путешественник попытался в подробностях вспомнить весь их диалог, который нашел очаровательным. Все-таки, наверное, зря он ее упустил.

Когда Александр уже смирился с потерей, незнакомка возвратилась. Она мимолетно улыбнулась и потом сразу же закрыла глаза, чтобы показать – все в порядке, но разговор окончен. Пока мужчина судорожно подыскивал слова и повод, чтобы возобновить беседу, поезд доехал до конечной, и девушка, не проронив ни слова, испарилась. Александр убедил себя, что такой исход, в конце концов, к лучшему, и поспешил за чемоданом.

Едва отец Евы ступил на перрон, как к нему подошли трое – человек и два робота. Незнакомец в форме представился офицером полиции и попросил пройти с ним. Путешественник легко согласился. Он хоть и не подавал виду, но осознавал, что все кончено. Где он ошибся? Что он сделал не так? Александр стал таращиться вокруг – нет ли где той незнакомки. Вот бы перемотать время назад, вот бы жизнь начать сначала.

Свежеотремонтированный полицейский участок располагался прямо возле вокзала. И вот задержанный томится в полупустой комнате, где нет ничего, кроме нескольких стульев и стола, на котором стоит злосчастный багаж. Уже знакомый офицер попросил открыть чемодан. Еще один полицейский, постарше и выше званием, молча сидел слева от Александра, а робот-охранник стоял у выхода.

– Знаете, я думаю, что это не лучшая идея.

– Открывайте.

Задержанный притянул чемодан за ручку и открыл его.

– Где книга?

– Под вещами.

– То есть вы знаете, что *там* книга.

– Конечно. Это я ее туда положил.

– Достаньте ее.

Александр запустил руку под стопку аккуратно сложенной одежды и через секунду поставил роман на стол рядом с чемоданом.

– Что в книге?

– Судя по всему, буквы. Очень много букв.

– Не паясничайте. Отвечайте на вопрос. Что в книге?

– Роман Виктора Гюго «Отверженные». Что там еще может быть?

– Откройте.

Александр раскрыл книгу на середине, обнажив сверток.

– Что это?

– Я не знаю, офицер. Впервые открываю. Я купил ее вчера в магазине и ни разу еще не открывал. Напротив меня в поезде сидела одна девушка, я показывал книгу ей. Стал бы я это делать, если бы прятал тут что-нибудь?

– Девушка утверждает, что вы показали ей книгу, но запретили открывать.

Задержанный пожал плечами. Офицер надел перчатки и осторожно вскрыл сверток, в котором оказался порошок белого цвета. У Александра пронеслось в голове, что это приговор для его ребенка, который еще не родился. Все кончено. Он сядет навечно в тюрьму, Эмма сделает аборт, продаст с его согласия квоту на второго ребенка и сделает Еве настоящие ножки. Сверток унесли, а на Александра надели наручники и сообщили, что скоро дадут возможность позвонить адвокату и родственникам.

Прошло совсем немного времени, и офицера попросили выйти из комнаты. Тот вернулся почти тотчас же и, ничего не объясняя, расстегнул наручники.

– Идите, – сказал он.

– Куда?

– Куда хотите. Вы свободны.

Александр боялся что-то спрашивать и просто кивнул.

– Там была сахарная пудра, – добавил полицейский.

– Та девушка, с которой я говорил в поезде... Она работает на вас?

– Проводи его, – обратился офицер к роботу.

Спустя пару минут Александр был на свежем воздухе. Ему вернули и чемодан, и книгу, и даже сахарную пудру. У него так сильно дрожали колени, что он присел прямо на асфальт.

*

Разбитый человек долго бродил по исторической части города. Стопы болели. Одновременно внимательно и безразлично разглядывал он фонтаны, колонны, арки. До обратного поезда еще час. Отец Евы проголодался, но, будто наказывая себя, отказывался кушать. Он оставил чемодан в камере хранения на вокзале, и в руках у него были лишь «Отверженные». Александр уселся на скамейке возле исторического музея, погладил пальцами название романа и открыл его. «В тебе такая же пустота, как и во мне», – прошептал бедолага, изучая прямоугольную дыру в книге.

Он вспомнил слова Гомера о том, что если его поймут в первую поездку, то опасаться нечего. Теперь все ясно. Конечно, Гомер знал, *что* внутри книги. Видимо, догадывался, что за ним следят, и просто использовал Александра – хотел выяснить, возьмут курьера или нет. И если возьмут,

значит, самое время выходить из бизнеса. Блестящая многоходовочка. Ничего не скажешь.

Мужчина в нерешительности стоял у входа в квартиру и боялся открыть дверь. Когда ему было десять, он случайно подслушал разговор взрослых и узнал, что мог и не родиться. Его родители собирались сделать аборт, но в последний момент передумали. А после того как на свет появилась Ева и он полюбил ее больше жизни, мысль об убийстве неродившегося ребенка стала для него самой страшной из всех. Какой он, этот кроха в животе Эммы? Каким он стал бы?

Александр столько лет не соглашался продать вторую квоту только потому, что очень сильно хотел второго ребенка. Он все тянул время, чтобы найти деньги. Но когда стало ясно, что надежды больше нет, Александр сдался. Супруги договорились продать квоту, а спустя несколько дней Эмма забеременела.

В конце концов отец Евы зашел в квартиру и крепко обнял прыгнувшую на него дочку. Она громко плакала и умоляла, чтобы папа больше никогда не уезжал. В прихожей появилась Эмма. Напряженным взглядом она как бы спрашивала, получилось ли у него. В ответ Александр мотнул головой из стороны в сторону, и в тот день супруги больше не заговаривали друг с другом.

Когда отец, наконец, поставил Еву на пол, она выпалила:

– Уже скоро-скоро у меня будут ножки, да?

– Скоро. Осталось совсем чуть-чуть. Потерпи еще немного, солнышко.

А потом Александр остался один и пробормотал себе под нос:

– Конечно, Ева, у тебя будут ножки, но как же ты будешь ходить на этих ножках по белому свету, если у них такая невыносимая цена?

*

Посреди ночи девочка пробралась в комнату родителей и разбудила отца.

– Эй, ты чего не спишь?

– Папа, я хочу гранат.

– Какой еще гранат! Сейчас ночь.

– Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Ева легко помыкала Александром, который не сопротивлялся ее деспотическому правлению. Они уже на кухне, и полусонный папа лезет в холодильник. Он помыл гранат и вытащил из шкафа две тарелки: глубокую – для очищенных зернышек и мелкую – для кожицы и околоплодника. Потом отец вооружился ножом и круговым движением отрезал хвостик плода. Эту шапочку в форме короны он возложил себе на голову.

– Смотри, солнышко, я – король.

Ева начала весело хлопать, но Александр прервал ее:

– Тише, тише! Мама спит.

Мужчина сделал четыре длинных, но неглубоких надреза, и усилиями пальцев разделил плод на четыре части. Каждый из получившихся кусков он аккуратно разломил еще на два или три. Все это время Ева глядела на папу, затаив дыхание, будто тот был жрецом, который совершает священнодействие. Затем отец и дочь взяли каждый по ломтику и начали отделять съедобное от несъедобного, бросая зерна в одну тарелку, а околоплодник в другую. Вдруг непослушное зернышко пулей вылетело из граната, что, как и во всякий другой раз, вызвало у Евы настоящее ликование.

– Солнышко, помнишь тетю Рузанну из соседнего дома? Она еще тебе все время конфеты дает.

– Ага, помню.

– Так вот, она армянка. Знаешь, Ева, у армян есть такая традиция: на свадьбе невеста бросает гранат на землю. Гранат разламывается, и зернышки рассыпаются во все стороны. И эти зернышки обозначают детей. Это значит, что у жениха с невестой будет много ребятишек.

Ева с удивлением взглянула на ярко-красную кучку, а потом подняла взгляд:

– Так много?

– Нет, конечно, не так много. Это просто символ, понимаешь?

– Не-а... А почему у тебя и мамы не много детей? Мама не бросала гранат на свадьбе?

– Не бросала.

– А почему?

– Ну, мы же не армяне.

– А у меня будет когда-нибудь братик или сестренка?

– А ты хочешь братика или сестренку?

– Ну, конечно, хочу.

– Солнышко, но ты никогда не говорила об этом. Ты всегда спрашиваешь только о ножках, а они у тебя совсем скоро будут.

– А можно и то и другое?

– И ножки, и братика? – уточнил родитель.

– И ножки, и сестренку!

– Конечно можно! Иди сюда, обниму.

Ева села папе на колени, и он покрыл ее голову многочисленными поцелуями. Александр положил липкие ладони дочери в свои и начал выдумывать очередную сказку о вымышленных путешествиях Евы. На сей раз она улетела на ковре-самолете в Египет, чтобы поглядеть на древние пирамиды. Девочка скоро уснула, и отец осторожно отнес ее на кровать, укрыл одеялом.

Он возвратился на кухню. На столе бездельничали тарелки, их содержимое, нож, несколько кусков неочищенного граната. Александр завершил семейное дело и поставил освобожденные от оков зернышки в холодильник – Еве на завтрак. Он был изможден, и ему нужно хорошенько выспаться, чтобы придумать новый план.

*

Утренняя прогулка должна была стать поводом, чтобы поразмышлять на свежую голову. Где найти большие деньги за короткий срок? Какие у него варианты? Вокруг много богатых людей, но что Александр может предложить им? Он фактически ничего не умеет.

Так ничего и не придумав, мужчина проголодался и направил стопы домой. Еще на лестничной площадке было слышно, что жена ругается на Еву.

– Что случилось? – прокричал Александр с порога, прибежал на кухню и повторил вопрос.

– Твоя дочь швыряет фрукты на пол!

– Какие фрукты?

– Вон! И она не желает объяснить, что это за выходка такая! Сидит и ревет!

У ног Александра лежали три граната, которые он поначалу не заметил.

– Это ягоды.

– Ты издеваешься надо мной? – опешила Эмма.

– Ева, иди ко мне. Иди к папе. Я знаю, зачем она это сделала.

Девочка встала с пола, подошла к отцу и обняла его ноги.

– И зачем же? – ехидно поинтересовалась женщина.

– Чтобы у нее была сестренка. Да, солнышко?

Девочка закивала головой и еще сильнее прижалась к отцу.

– Знаешь *что*? Ты такой идеальный папа, такой всегда хороший, а я всегда такая плохая. Как думаешь, Ева будет так же думать, если ты наконец-то прекратишь ей врать? А? Может быть, все-таки это я хорошая? Ведь в этом доме только я думаю о ее будущем, а не живу фантазиями в своем воображаемом мире!

– Прошу, Эмма, прекрати. Не нужно.

– Нет, это ты прекрати! Давай, скажи ей правду. Скажи, что ты делаешь все, чтобы у нее никогда не было настоящих ножек, о которых вы без толку болтаете с утра до вечера! Потому что без квоты ты никогда столько не заработаешь! А все потому, что ты ни на что негодный бездарь!

Александр взял на руки Еву, которая забилась в истерике, и прямо в домашней одежде вынес девочку на улицу. Люди озирались, и поэтому он быстрыми шагами, несмотря на боль в ногах, шел туда, где можно было остаться с дочкой наедине. Она уже немного успокоилась.

– Скажи, солнышко, ты начала плакать, потому что гранаты не разбились, да?

– Да...

– Ну ты же не невеста на свадьбе. Не плачь. Гранаты разбиваются только у невест. Понимаешь?

– Папа, почему мама так говорила?

– Она просто очень устала, Ева. Мама просто очень устала. Не обижайся на нее, пожалуйста.

– Она сказала, что ты делаешь так, чтобы у меня не было ножек.

– Хорошо, солнышко. Ну-ка, сядь. Я тебе сейчас все объясню. Ладно?

Девочка села на траву, и отец платком вытер ее глаза и щеки.

– Я буду с тобой очень честным. Договорились? Тебе нужно еще подождать, чтобы...

Ева опять расплакалась и вздохом сквозь слезы произнесла следующее:

– Я не хочу ждать! Ты обещал! Ты обещал!..

Девочка не могла дальше ни говорить, ни слушать. Она вскочила и зашагала в сторону дома. Бежать в протезах было неудобно.

*

Александр последовал за Евой, убедился, что она в квартире, и только после этого пошел в ближайшую закусочную. Там он почувствовал, что обессилен, а еще что несет ношу, которая ему не по плечу. Впервые в жизни захотелось убежать, оставить все и всех. Боль и слабость захватили его – Александр сгорбился и устремил взгляд на одну точку перед собой. Пролетело несколько мгновений, и грандиозная волна любви к дочери захлестнула его. Тогда ему показалось, что мыслями о побеге он предал Еву.

– Прости меня, солнышко, – прошептал мужчина в пустоту.

Из-за двери появился робот-официант с овощным салатом и стаканом апельсинового сока на подносе. Александр коснулся вилки, но не стал брать ее. Он вытащил из кармана телефон, открыл сайт национальной лотереи и обнаружил, что за несколько лет накопился огромный джекпот. Очередной розыгрыш состоится вечером. Отец Евы приобрел сразу десять билетов. А почему бы, собственно, и нет? Бог ведь творит чудеса. Так почему же, пропади все пропадом, нет? Кто-то однажды должен взять этот джекпот. Почему не он?

Александр не знал, как убить время, и в кинотеатре просмотрел подряд несколько фильмов. Он вышел из здания с разболевшей головой, пешком дошел до центрального парка и пристроился на одной из скамеек. Трансляция лотереи должна была вот-вот начаться. Сама программа, которую превратили в зрелищное шоу, продлилась намного дольше, чем предполагал Александр, но в конце концов оказалось, что он ничего не выиграл. Мужчина выключил телефон и посмотрел по сторонам.

– Что я делаю? – спросил он себя. – Что за ерундой я занимаюсь?

Отец Евы возвратился домой лишь тогда, когда был уверен – дочка уже спит. Она никогда раньше не обижалась на него, и он стыдился из-за того, что ребенок страдает. По пути на ум неожиданно пришла одна мысль – на следующий день он снова попытает счастья.

*

– Я настаиваю, чтобы интервью провел человек.

– Прошу вас, будьте уверены: моя программа позволяет квалифицированно выполнить данную работу. В соответствии с регламентом корпорации настоящая беседа даже не подпадает под определение интервью, так как я должен всего лишь задать несколько стандартных вопросов и составить о вас общее впечатление.

– И все-таки я настаиваю. По закону я имею на это право.

– Да, имеете. Прошу вас подождать несколько минут.

Очень скоро в комнату вошел рыжий молодой человек лет двадцати пяти и небрежно представился.

– Спасибо, что уделяете мне время.

– Время – очень ценный ресурс. Поэтому не тратьте его зря. Я вас слушаю.

– Мне очень нужна работа в вашей компании.

– Вы надели костюм, чтобы стать уборщиком. Полагаю, вам и в самом деле очень нужна работа. Но для этого не было никакой нужды отвлекать меня. Здесь всего несколько элементарных вопросов.

– По правде сказать, есть еще кое-что.

– И что же?

– Моей дочери шесть лет. У нее нет ног. Сейчас она ходит с протезами старой модели, но мы с женой хотим, чтобы у нее были настоящие ноги.

– Мы не благотворительная организация.

– Прошу... Прошу... Дайте мне еще одну минуту.

Сотрудник компании закатил глаза и недовольно положил руки в карманы. Александр продолжил:

– В общем, я все прекрасно понимаю. Этот бесконечный прием на работу, судя по всему, просто спектакль. Вам не нужны уборщики – роботы и так со всем справляются. Но у вас соглашение с правительством, и вы каждый год даете работу какому-то количеству людей. Я не наивен. Я это понимаю. Все это понимают. И работа уборщика, поверьте, это не та работа, о которой я всю жизнь мечтал. У вас ведь здесь есть камеры?

– Конечно, есть.

– У правительства есть к ним доступ?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что у меня есть кое-что интересное для вас.

– Надо же. Говорите.

– Мне нужна большая сумма денег, чтобы спасти жизнь одному моему ребенку и дать ноги другому. У меня очень мало времени. Я готов выполнять любую работу, которую компания мне поручит. Грязную, незаконную, такую, за которую никто не берется. Любую. Я готов на все. Я знаю, что роботам нельзя все поручить. Ведь их нельзя просто так уничтожить, они все регистрируют. И если даже им стереть память, то очень легко это обнаружить и восстановить данные. Вы убедитесь, что мне можно доверять. Пусть ваша служба безопасности проверит меня.

– На кого вы работаете?

– Ни на кого.

– Вы вообще слышите себя? Для нас нет ничего важнее репутации. Немедленно уходите.

– Я хочу поговорить с вашим руководителем.

– Немедленно уходите, или я позвоню охране.

Александр с тяжестью встал со своего места и уронил на пол огромный круглый щит. Он разогнул пальцы, и копье выпало из ладони. Двумя руками он снял с головы тяжелый шлем и поставил его на журнальный столик, будто свою отрубленную голову.

*

Отец Евы еле волочил ватные ноги. Ему хотелось рассечь свое тело, как тело птицы из Ветхого завета, и принести себя в жертву лишь для того, чтобы Бог услышал его. Он очутился в сквере, где гуляли добрые горожане – кто в одиночку, кто с семьей, кто с друзьями, кто с любимым человеком. И лишь Александр бродил даже не в одиночку, а без самого себя. Вдруг какой-то неистовый порыв заставил его снять ботинки и встать на одну из резных скамеек. Он глубоко вдохнул

и окинул взглядом мир вокруг. И тогда Александр начал в одиночку разыгрывать отрывки из пьес. Он до сих пор помнил наизусть тысячи строк, которые постоянно нащепывал себе под нос. Мужчина жестикулировал так, будто находился на настоящей сцене, и голос его звучал настолько громко, что люди в десятках метров от этого места оборачивались. Он потрясал руками, и из глаз его текли слезы. Но то было обманом. Ведь зрители думали, что слезы принадлежат героям Шекспира и Чехова, а на самом деле плакал сам актер.

Зеваки с изумлением и интересом смотрели на иступленного мужчину, который в своей страсти, казалось, словно Иаков, борется с Богом. Одна женщина приблизилась и положила несколько банкнот под ботинок Александра. Отец Евы замолк на середине фразы, соскочил со скамьи и вежливо вернул деньги зрительнице. Потом он громко произнес следующие слова:

– Спасибо, но мне не нужны деньги! У меня есть все, что нужно. Мне не нужны деньги! Спасибо! Благодарю, что слушали меня!

Схватив свою обувь, Александр сбежал оттуда. Он спрятался за деревом с широким стволом и прислонился к нему спиной. Потом этот босой и жалкий человек беззвучно зарыдал. Он поднял голову и увидел крону дуба, который с пониманием и любовью глядел на него сверху вниз. Дерево не обвиняло и не осуждало его. Александр понял, что космический покой сошел на него. Он представил себя ничего не значащей песчинкой, что летит через центр вселенной, в которой все предопределено. Он здесь, чтобы любить все то, что разделяет с ним их прекрасное и непостижимое бытие.

Хватит пустых обещаний, хватит суеты. Если родится ребенок, то он не сможет подарить Еве ноги, а если ради настоящих ножек продать квоту, то придется сделать аборт. Сделать выбор между одним и другим – выше человеческих сил. Что ж, должно быть, Бог об этом что-то да знает. И если Создатель неба и земли знает, то уж, наверное, сделает что-нибудь, если, конечно, посчитает нужным. А что он, Александр? Он всего лишь маленький человек с кривым носом и плоскостопием, который хочет, чтобы двое его детей были счастливы и любили его.

*

Ева и не думала обижаться на папу. Она словно совсем позабыла вчерашний день. Александр все размышлял о том, сколько же в ней добра, чистоты и искренности. Они стали играть, и отец угрожал дочери тем, что откусит ей нос. Ева смеялась и притворялась, что всерьез опасается подобного развития событий. Папа сказал, что сейчас выпьет воды и вернется, чтобы продолжить за ней погоню. На кухне Эмма освободила от всего большой стол и собирала на нем пазл из тысячи чих фрагментов. Она была так увлечена, что не заметила, как кто-то зашел.

– Привет, – произнес Александр, как будто они сегодня еще не виделись.

– Привет, – равнодушно ответила Эмма, не отрываясь от своего занятия.

– Что собираешь?

– То, что должно было быть моей жизнью.

Муж подошел и взял со стула коробку, на которой были изображены роскошный двухэтажный особняк, дорогой автомобиль, а также влюбленная пара, что умиротворенно сидела в беседе напротив дома. Пробегая глазами по сотням еще несобранных деталей, она то и дело прикусывала самый краешек большого пальца.

– И правда, – произнес Александр.

– Что «и правда»?

– Это то, что должно было быть твоей жизнью.

– Чего тебе надо? – Эмма, наконец, подняла на мужа глаза.

– Знаешь, иногда мне кажется, что я люблю тебя.

– Да иди ты.

Мужчина усмехнулся и налил себе воды. Что чувствует эта женщина? Она проживает жизнь, которая кажется ей чужой, живет с человеком, который кажется ей чужим, носит в себе ребенка,

которого ей не суждено родить. Боже, каждый и впрямь воюет на своей собственной, невидимой для других войне.

Ева лежала на полу и смотрела в потолок. Александр сделал пару глотков и растянулся рядом.

– Папа, а если у меня не будет настоящих ножек, ты ведь будешь меня так же сильно любить?

– А ты меня станешь меньше любить, если у меня нос останется кривым?

– Конечно нет. Мне нравится твой нос.

– Правда?

– Правда. Он смешной.

– Ну хорошо, что смешной. Солнышко, я всегда буду тебя любить так же сильно, как сейчас.

Ты мой мир.

– Как это? Ты всегда так говоришь.

– Это значит, что в тебе есть все, что мне нужно, чтобы быть счастливым.

– А что есть во мне?

– Например, солнце.

– Во мне есть солнце?

– Конечно.

– А где оно во мне?

– Прямо за твоими глазками. Поэтому они у тебя всегда светятся.

– А еще что?

– Еще в тебе есть небо, звезды и все остальное.

– И муравьи?

– А ты хочешь, чтобы они были внутри тебя?

– Не очень.

– Ну тогда их там нет.

– Но ведь это все неправда, да, папа?

– Знаешь, Ева, мне кажется, что только это и правда.

*

Следующим утром позвонили из Красной Башни. Приятный голос робота известил о том, что Александр принят на работу.

– Когда вам будет удобно приехать в наш офис, чтобы подписать трудовой договор?

– Я в общем-то свободен. Могу приехать через час.

– Мы вас будем ждать. Спасибо.

Отец Евы припарковался на бескрайней автостоянке и по указателям нашел нужное строение. Он прошел короткую проверку в службе безопасности и, наконец, оказался в кабинете, где его ожидал робот с распечатанным в двух экземплярах договором. Александр ничего не смыслил в юридических вопросах, но, прочитав два раза, заключил, что никаких подвохов нет. Подпись представителя компании уже стояла, и новому сотруднику лишь оставалось поставить рядом свою. После того как он отложил ручку, робот попросил подождать.

– С вами должен переговорить менеджер.

– Менеджер лично общается с каждым уборщиком, которого вы принимаете на работу?

Умная машина оставила вопрос без ответа и скрылась. Белые стены, совместные фотографии излучающих счастье людей и роботов, странное растение в углу. Мужчина лет пятидесяти с усами из середины двадцатого века появился в помещении, учтиво поздоровался и сел напротив.

– Я вас поздравляю. Вы приняты.

– Спасибо.

– Думаю, вы знаете, что сотрудники на вашей должности предпочитают не ходить на работу?

Мы даем такую возможность.

– Да, я говорил вашему коллеге, что знаю, как у вас здесь все устроено. И все же, я бы предпочел приходить сюда каждый день – как прописано в договоре.

- И что вы будете целый день делать?
- Буду работать.
- Ваше право. Но, думаю, вы столкнетесь с рядом сложностей.
- Ничего страшного, я их преодолею.

Собеседник Александра улыбнулся одним уголком рта.

– Позвольте поинтересоваться, что за история приключилась с вами за границей несколько дней назад?

– Если вы спрашиваете, то значит – и сами прекрасно знаете. Мне нужна большая сумма денег. Я это тоже говорил вашему коллеге.

– Да, я прочитал в отчете. Что ж, добро пожаловать в корпорацию. Завтра ваш первый рабочий день. Всего доброго.

Мужчина с усами встал и протянул руку, чтобы попрощаться.

– Постойте. Это все?

– Пожалуй, да.

– Не понимаю. Вы знаете, что мне срочно нужны деньги. У меня всего пара недель, чтобы достать их. И вы, менеджер, лично принимаете на работу уборщика, хотя на собеседовании я не ответил ни на один вопрос. Это все странно. Судя по всему, у вас для меня есть еще что-то.

– Послушайте. Вы хотели работу? Вы ее получили. Всего доброго. Ждем вас завтра.

Собеседник вновь раскрыл ладонь, и на сей раз Александр пожал ее.

*

Никого в городе не удивляло, что в воскресенье люди едут трудиться в Красную Башню, ведь это была одна из организаций, где работа кипела всегда – каждый день, двадцать четыре часа в сутки. Для корпорации, которая соревнуется с другими коммерческими гигантами, нет более важного ресурса, чем время: ведь самое главное – быть, как говорится, на шаг впереди конкурентов. А для этого бесконечно сменяющие друг друга команды сотрудников работали день и ночь. Если в других отраслях экономики правительства держали крупные компании на коротком поводке, то в сфере высоких технологий дело обстояло сложнее. Здесь корпорации и правительства выступали как равные партнеры, которые нуждались друг в друге, помогали друг другу, многое друг другу прощали.

Робот-проводник попросил Александра следовать за ним. По пути отец Евы с интересом разглядывал все вокруг, но все, что он видел – это стены и двери, никаких чудес. На лифте они поднялись на восемнадцатый этаж. Там робот выдал уборщику карту размером с ладонь.

– Зеленым отмечена ваша зона ответственности. Мы находимся здесь. У вас есть какие-нибудь вопросы?

– А чем мне делать уборку?

– Никакого оборудования для вас не предусмотрено. У вас есть другие вопросы?

– Да уж. Спасибо.

Робот ушел, и Александр остался один. Он уселся на небольшой диван и вздохнул. Мужчина раз за разом отгонял мысль о том, что это пустая трата времени, что нужно все бросить. Но ведь возможно, что корпорация испытывает его: следит через камеры за поведением, пытается понять, насколько ему можно доверять.

На другом конце коридора появилась поломочная машина. Робот со знанием дела наводил чистоту и постепенно приближался.

– Привет, ты разговариваешь?

– Здравствуйте. Да, я разговариваю, но у меня ограниченный функционал.

– Это твоя территория уборки?

– Да, это моя зона ответственности.

– Смотри, мне дали карту, и я тоже должен тут уборку делать.

- Это моя зона ответственности.
- Ясно. С тобой тоже каши не сварить.
- Столовая находится на пятом этаже, время обеда с часу до двух.
- Иди уже.
- До свидания.

В положенное время Александр отправился в столовую в надежде с кем-нибудь там познакомиться. Примечательно, что на кухне в корпорации работали только люди. Все об этом знали и шутили, что настоящее технологическое будущее наступит тогда, когда руководство Красной Башни доверит свои желудки роботам. Но пока что умным машинам вверяли жизнь, здоровье, образование, словом – все что угодно, кроме желудков. Еда оказалась вкусной, но завести беседу ни с кем не удалось. Уборщик никому не был интересен.

Рабочий день заканчивался в шесть часов вечера. От безделья и скуки новый сотрудник совсем измотался.

Третья часть

Дни проходили один за другим, но ничего особенного не происходило. Александр упорно продолжал ходить в Красную Башню. Чтобы рабочее время проходило быстрее, он начал брать с собой книги. Отец Евы почти не вставал с дивана в коридоре. Он читал, размышлял и надеялся на чудо. Единственный, кто каждый день появлялся в этом крыле, был тот самый поломочный робот. Иногда здесь мог пройти еще кто-то, но он обязательно спешил по своим делам и не имел никакого желания чесать языком с уборщиком. В офисах корпорации в ожидании будущего расширения пустовали целые этажи. Однажды Александр не сдержался и вновь заговорил с роботом.

- Судя по всему, ты никогда не выходишь из здания.
- Да, я никогда не выхожу из здания.
- Любопытно. Человек скорее всего бы ответил «нет, я никогда не выхожу из здания».
- Я владею лишь основами грамматики, поэтому я не могу понять то, что вы сейчас сказали.
- Боже... И каково это – не видеть солнца и небес?
- Простите, я не понимаю. Я должен вернуться к работе.

Александр решил попросить о встрече с начальством, и ему дважды отказали. Месяц, о котором договорились супруги, истекал – оставалось два дня. Муж и жена нервничали все больше, но старались этого не показывать. Еще совсем недавно они хотя бы обсуждали жизнь Евы и бытовые проблемы, но теперь перестали общаться. Все их диалоги сводились к двум-трем односложным фразам.

В выходной день отец с дочкой задумали прогуляться к пруду. Александр оглянулся, чтобы сказать жене, когда их ждать, но застыл на месте – Эмма опять держала ладони на животе, но в этот раз с таким выражением лица, будто пыталась проверить, чувствует ли она ребенка. Мужчины быстро отвернулись, чтобы женщина не заметила его взгляда.

Спустя минуту Александр и Ева на улице. Девочка весело болтала. Казалось, она позабыла о новых ножках, а вот ее папа никак не мог выбросить из головы эту картину – Эмма с рукою на животе. Ему стало так жалко ее, что захотелось прямо сейчас прибежать домой и крепко обнять жену. Если их ребенку в чреве суждено умереть, то, наверное, это и вправду должно произойти как можно раньше.

Пруд. Напротив, на другой стороне воды, у самого берега стоял высокий и худой мужчина с ребенком на руках. Ева принялась махать незнакомцам рукой, и тогда мужчина помахал ей в ответ сам, а потом и ладошкой сына.

*

Ночью на кухне Эмма очищала ножом яблоко. Александр сел рядом. Пахло протухшей едой.

– Кажется, мы давно не выбрасывали мусор. Что делаешь?

– Чищу яблоко. Ты просто мастер идиотских вопросов.

– И правда. Я просто пытаюсь начать беседу.

– Кажется, у тебя получилось.

– Собрала пазл?

– Да, уже давно. Но оказалось, что моя жизнь от этого не стала такой, как на картинке.

– Ясно.

– А я так надеялась.

– Слушай, Эмма. Нужно это прекратить. Давай завтра же сходим в муниципалитет, разберем-ся с квотой. Ну, и тебе нужно...

– Я дала тебе месяц. Месяц! Это ты меня об этом попросил, а не я тебя. У тебя еще два дня. Так что – иди и ищи деньги.

– Да, прости. Ты права.

– Я серьезно. Прямо сейчас. Я сказала: иди и ищи деньги. У тебя два дня.

У нее задрожали губы. Александр не мог и не хотел возражать. Оба знали, что все кончено, что идти некуда, но мужчина все равно оделся и вышел из дома. Он сел в автомобиль и поехал прокатиться, чтобы убить бесценное время, которое теперь ничего не стоило.

Каждый день отец Евы проходит мимо людей, у которых есть нужные ему деньги. Но ни к одному из них не подойти, ни один из них не поможет. Должно быть, это нормально и не стоит никого винить. В конце концов, с чего бы делиться своими сбережениями с незнакомцем? Но всю сознательную жизнь Александра отчего-то не покидало ощущение, что как бы сильно он не любил мир, с ним что-то не так. Мужчине никак не удавалось выразить это самое «что-то» словами, но он чувствовал и даже – знал это. А если, рассуждал Александр, мы говорим «не так», то, значит, есть у мира и некая совершенная задумка, в согласии с которой все может быть «так».

Мы все принимаем как очевидное, само собой разумеющееся, но, если задуматься: кто же задал законы природы? Если бросить монетку в мире без Бога, то всякий раз она бы откликалась по-разному – то улетала бы в космос, то падала бы на землю, то замирала бы в воздухе. Однако монетка и все вокруг все-таки подчиняются законам. А могут ли законы существовать без создателя? Без создателя может существовать только хаос. Мы так привыкли к тому, что монетка всегда оказывается на полу или ладони, что не задаем себе самых важных вопросов. И все, что нас интересует – какой стороной вверх смотрит упавший динарий.

Александр остановил автомобиль и через лобовое стекло взглянул на небеса, о которых вопрошал робота.

«Так что же, Боже... Если Ты существуешь, то почему я никак не могу поверить, что Ты бессилен. Ведь если Ты не вмешаешься, то через несколько дней умрет мой ребенок. Я знаю, точно знаю – я не первый и даже не миллионный, с кем такое случается. Но ведь я человек, и поэтому мне все кажется, что я такой исключительный, что моя история не такая, как у остальных. Думаю, Ты простишь мне эти слова. Ты все прощаешь, на то Ты и Бог. Но я не знаю... правда не знаю, смогу ли я простить Тебе то, что вот-вот случится».

*

Двое суток Александр старался не попадаться жене на глаза. Он отчаялся и больше не задавал вопросов – ни себе, ни прохожим, ни Богу. Отец Евы слонялся по городу, и пустыми глазами разглядывал равнодушные предметы. Когда боль в стопах становилась невыносимой, он садился на первое попавшееся место, часто – прямо на асфальт, и подолгу являлся на свои ботинки.

Месяц истек, и настало злосчастное утро. Александр на короточках завязывал шнурки. Со стороны было сложно заметить что-то необычное, но сам он чувствовал – пальцы не слушаются. Эмма выглядела сосредоточенной и спокойной. Она собрала волосы в тугий хвост и приготовилась раньше мужа. Наконец мужчина выпрямился и посмотрел жене в глаза.

– Пойдем, – сказала она уверенно.

Из всех маршрутов, которые предложил навигатор, Александр выбрал самый длинный. Женщина заметила это, но промолчала. Дочка с заднего сиденья пыталась развеселить папу, но у нее никак не получалось. Тогда она молча уткнулась в окно, чтобы хоть там найти что-нибудь интересное.

В муниципалитете родители оставили девочку в специальной комнате для детей, а сами отправились продавать квоту. Супруги приехали заранее, и поэтому нужно было немного подождать. Они уселись на соседних стульях, и Александр опустил лицо в ладони. Он хотел умыться холодной водой, вырваться из страшного сна. Но кошмар не заканчивался, и мужчина как ребенок всхлипывал в темноте своих рук.

Высокий и худой незнакомец разместился рядом с ними. Через минуту мужа с женой пригласили войти. Когда они покинули кабинет, Александр со всей силы ударил основаниями кулаков по стене. Незнакомец от неожиданности вздрогнул, а женщина, не обращая внимания на супруга, поспешила вперед. Еще спустя два дня Эмма пойдет к гинекологу, чтобы сделать аборт.

– Я давно тебя ни о чем не просила, но сейчас прошу. Прекрати *это*, – сказала женщина, когда семья ехала в машине обратно.

Александр кивнул. Ей, должно быть, тяжелее, чем ему, но она держится. Нужно похоронить в себе чувства и эмоции. Пусть время катится вперед и унесит в прошлое все это безумие. Скоро у Евы будут настоящие ножки – вот что должно стать самым важным.

*

Всю ночь отец Евы спал поверхностным и прерывистым сном – вздрагивал из-за каждого шороха, просыпался из-за навязчивых мыслей. Однако утром он явился миру человеком, который принял свою судьбу, а значит – человеком смиренным. Перед тем как уйти на работу он бросил взгляд на Эмму. Выражение ее лица во сне всегда было напряженным. Она лежала на правом боку лицом к окнам, а в кулаке по-детски зажимала край одеяла.

Александр опять на диване, что стал для него тюрьмой. Читать не было настроения. Гениальная «Книга скорбных песнопений», которую Григор Нарекаци написал тысячу лет назад, лежала рядом, точно молчаливый сокамерник. В пять минут десятого в дальнем конце коридора возникла незнакомая фигура, и это показалось очень странным, потому что в такое раннее время сюда никто не навещался. Отец Евы не отрывал взгляда от, казалось, заблудившегося странника, а тот неторопливо приближался. Незнакомец сказал «здравствуйте» и назвал свое имя.

– Доброе утро. Простите, не расслышал. Как вас зовут? Виктор?

– Да, Виктор. Верно.

– Очень приятно. Я Александр. Мне кажется, я вас где-то видел.

– Мне тоже очень приятно. Полагаю, вы видели меня вчера. В муниципалитете.

– Да-да, точно. Теперь я вспомнил.

Александр предложил гостю сесть рядом. Тот кивнул.

– Видите, как здорово, Виктор. Так же удобнее?

– Да, намного лучше. Прошу вас, не нужно чувствовать себя неловко из-за вчерашнего. Это тяжелое решение. Каждый может попасть в такую ситуацию.

– Спасибо... А вы, судя по всему, покупали квоту, раз были одни, да?

– Именно так. Что ж... Вы здесь работаете?

– Да.

– Это мой первый рабочий день. Поможете сориентироваться, Александр?

– Я здесь мало что знаю, но скорее всего – вам не сюда. В этих кабинетах, кажется, пусто.
– А мне и не нужен кабинет. На самом деле меня робот хотел проводить, но я по глупости отказался и пришел по карте. Пришел, кажется, правильно, но... где взять инвентарь?
– Какой инвентарь? – удивился отец Евы.
– Для уборщика.
– Вы уборщик?
– Да.
– Уборщик, который покупает квоту на ребенка?
– Знаю. Это необычно. И это долгая история. Ладно, так кого тут можно спросить?
– Боже... Как бы вам объяснить. Я тоже уборщик. Но они не выдают инвентарь. Я просто сижу тут целыми днями. Сюда робот приходит каждый день и чистит все. В общем, добро пожаловать на диванчик.

Александр не сомневался, что незнакомца подослала к нему Красная Башня, а это означает, что корпорация желает испытать его. По-видимому, Виктор должен втереться ему в доверие, чтобы понять – можно ли на него положиться. Кому могло прийти в голову, что они случайно пересекутся в муниципалитете? Как же Александр сглупил, когда обронил, что они где-то виделись. Теперь корпорации придется все переиграть и прислать кого-то другого, потому что у этого сотрудника история развалилась: уборщик, который покупает квоту на ребенка – это несерьезно. Но нет времени на игры и перестановки – он вопреки всему попытается выжать из Виктора что возможно. Отец Евы применит весь свой актерский дар, чтобы рассказать о себе. Красная Башня убедится, во-первых, в том, что он, Александр, готов на все, чтобы получить деньги, а во-вторых, что его верность и благодарность за помощь будут безграничны.

При этом Виктор тоже вообразил, что собеседника к нему приставили. «Важно не болтать лишнего – говорить лишь то, что корпорация хочет услышать», – думал он.

Мужчина с кривым носом, точно профессиональный боксер, быстро сократил дистанцию, перешел на ты и при первом же удобном случае начал пересказывать невероятную историю своей жизни, особенно – последних нескольких недель. Он делился очень личными подробностями, мыслями, чувствами. Чутье подсказывало Виктору, что Александр не лжет, но он решил оставаться осторожным. Даже если собеседник искренен, повсюду камеры – их разговор слышат.

Двое и не заметили, как проговорили до обеда. В столовую они снарядились вместе.

*

Не успел Александр положить в рот и трех ложек овощного супа, как на телефон с неизвестного номера пришло сообщение о том, что ему нужно срочно явиться в такой-то кабинет. Отец Евы пожаловался на боль в животе, попросил у Виктора прощения и отлучился.

– Я буду краток. Слушайте меня внимательно и хорошо подумайте перед тем, как отвечать, потому что у вас не будет обратной дороги, – начал тот самый мужчина с усами.

– Я готов, – ответил Александр.

– Вам по-прежнему нужны деньги?

– Да, очень.

– И вы готовы ради них на все?

– Да, я готов на все.

– Хорошо. Мы видим, что вам удалось наладить контакт с Виктором. Вас не предупредили ни о чем заранее, чтобы знакомство прошло максимально естественно. Естественным ваше поведение, конечно, не назвать, но, судя по вербальным и невербальным признакам, он вам доверяет. Это очень хорошо. Продолжайте общаться.

– Судя по всему, от меня требуется не просто общение? Правда?

– Сейчас от вас требуется только общение. В разговоре как бы между прочим поинтересуйтесь, какое особенное блюдо ему хотелось бы съесть. Скажите, что ваша жена волшебный повар

и что она обязательно приготовит то, что он назвал. Через час после того, как разбудите эту информацию, вам нужно будет вновь отойти и посетить комнату, которая указана на этой карте. Держите. Это недалеко от вашего дивана. Там будет ждать человек, который разъяснит следующие шаги.

– И что же нужно будет делать дальше?

– А есть какая-то разница?

– Нет. Нет разницы. Я просто хочу быть готовым.

– Я уже вам все рассказал. Это значит, что теперь вы не можете не быть готовы и не можете отказаться. От вас не потребуется ничего особенного, просто следуйте инструкциям.

– И вы решите мою проблему?

– Да.

– Вы поможете выкупить квоту и сделать дочери ноги?

– На те деньги, что вы получили от проданной квоты, вы сами сделаете своей дочери ноги.

Мы только поможем выкупить квоту обратно, чтобы вы смогли родить второго ребенка.

– Мы можем подписать об этом какое-нибудь соглашение?

– Нет, не можем. Просто следуйте инструкциям, и ваш вопрос будет решен. Даю слово.

*

– Слушай, Виктор, ну, ты почти ничего не рассказал о себе. Как получилось, что такой небедный человек работает уборщиком?

– Хороший вопрос. Даже когда с деньгами все в порядке, хочется иметь какие-то дела. Жена возвращается вечером из офиса, рассказывает что-то, а тебе и сказать-то буквально нечего, кроме того, что ты кота покормил.

– У тебя есть кот?

– Нет. Даже кота нет. Понимаешь, насколько нечего рассказать? Но на самом деле даже если бы и был... На этот случай у нас есть робот, который его накормит. А если серьезно, то у нас сейчас малыш. С ним много хлопот. Но он вырастет, а я и так уже давно без работы.

– Наши предки позавидовали бы тебе. Ты можешь не работать. В прошлом редко кто мог себе такое позволить.

– Наши предки... Полагаю, они позавидовали бы не нам, а нашим детям или внукам.

– Почему это? – поинтересовался Александр.

– Да потому что мы буквально последнее или предпоследнее поколение, которое еще умирает от старости и болезней. Ты же видишь, к чему все идет. Трансгуманизм машет нам из-за угла.

– Боже... Ты про это... Я недавно обсуждал эту тему с одним нехорошим человеком. Но мне кажется, что это еще вопрос – завидовать бессмертию или нет.

Виктор одобрительно закивал головой и, сцепив пальцы рук, ответил:

– Согласен. Сколько проблем оно с собой принесет... Например... Ясно, что долгое время бессмертие будет стоить целое состояние, а значит, только богатые станут жить вечно. Представляешь, как сильно их будут ненавидеть остальные? Тогда бессмертные начнут бояться за свою жизнь, потому что каким бы бессмертным ты ни был, если разъяренная толпа бросает тебя в плазменный котел или под гидравлический пресс, то едва ли ты это переживешь. И вот так мы снова окажемся в средневековье. Получается, чтобы жить вечно, придется отмотать назад и вернуться в прошлое. Или что мы, например, будем делать, когда людей на земле станет слишком много? Будут у нас к этому времени развиты технологии настолько, чтобы колонизировать другую планету? Можно долго перечислять.

– А еще, если не ошибаюсь, все религии выступают против. В общем – ладно. Давай снова о тебе. Вот ты пришел на работу. Доволен? Этого ты ожидал? И в конце концов, если уж так сильно хочется работать, почему бы не найти что-то более интересное? Или ты с детства мечтал стать уборщиком? А? Признавайся!

Александр задорно похлопал собеседника по плечу, и оба засмеялись.

– Скажем так: мне интересна жизнь во всех ее проявлениях. Почему же не поработать уборщиком? Но ожидал я, конечно, другого. Кстати, нужно поговорить с ними. Не можем же мы бесконечно штаны протирать.

– Ну, попробуй. Я буду только рад, если у тебя что-то получится. Меня тут никто не слушает... А приходите с женой к нам в гости на следующей неделе! Да, мы только познакомились, и ты, конечно, не привык к скромным ужинам... Мне было бы очень приятно! Я просто умру, если ты откажешься.

– Благодарю за приглашение. Я поговорю с женой. Правда, мне очень приятно. Постараемся сделать так, чтобы ты не умер.

– Да уж, пожалуйста, постарайтесь. О! Виктор, ты же сказал, что тебе интересна жизнь во всех проявлениях. Так я даю тебе возможность взглянуть на такую ее сторону, о которой ты только в книжках читал – ужин с семьей из другого социального класса!

– Так себе звучит, если честно. Я против снобизма. Но обещаю, что мы постараемся прийти.

– А что ты, кстати, любишь больше всего кушать?

– Что я люблю больше... Наверно, яблочный пирог. Мой отец ничего другого готовить не умел, но пирог у него получался божественным.

– Отлично! И я очень люблю яблочный пирог. Моя жена часто печет – пальчики оближешь! В общем, решено. Даю тебе сутки на размышление и согласие!

*

Спустя час, согласно уговору, Александр вошел в кабинет, где его ожидал незнакомый сотрудник Красной Башни. Тот не представился, но протянул бумажный пакет, в котором лежал круглый сверток.

– Я могу посмотреть?

Немногословный собеседник еле заметно качнул головой. Пакет зашелестел, и в руке Александра оказалось яблоко.

– Как любопытно. Вы даете яблоко и обещаете, что все мои проблемы будут решены. Какой знакомый сюжет, – пошутил человек с кривым носом, но тут же прикусил язык.

Сотрудник Красной Башни не обратил внимания на иронию.

– Купите еще несколько похожих яблок и приготовьте пирог из всего этого. Не ешьте его дома.

– А дальше?

– Завтра принесете пирог и угостите Виктора. Сами съедите кусок. После этого не позже чем через двадцать минут придете сюда снова. Я дам вам кое-что выпить.

– И что будет потом?

– Потом, как вы верно выразились, все ваши проблемы будут решены. И еще: ни в коем случае не дайте ему отнести пирог домой. Это очень важно.

– А что, если я не приду через двадцать минут? Что со мной случится?

– Я вам все сказал. Идите.

*

Александр был сам не свой: в машине на переднем сиденье соприкоснулись яблоко из преисподней и книга святого Нарекаци. Отец Евы старался не думать; просто делал то, что велено – как будто это всего лишь компьютерная игра и ничего больше. По пути он заехал в магазин и купил еще несколько яблок.

Эмма пряталась от следующего дня в спальне.

– У нас все получилось, – проговорил Александр, и собственный голос показался ему чужим.

– Что получилось?

– Отменяй врача.

Она, наконец, повернулась к мужу.

– Объясни.

Он подошел к ней почти вплотную и схватил за предплечья.

– Эмма, я нашел деньги. У нас родится ребенок.

Женщина зарыдала. Она попыталась закрыть лицо руками, но Александр не позволил. Он хотел видеть ее глаза и все повторял: «у нас получилось, у нас получилось». С того дня и до конца жизни Эмма так никогда и не спросит, как мужчина раздобыл деньги.

Позже Александр отыскал в интернете рецепт яблочного пирога. Он строго запретил жене и дочери заходить на кухню, потому что боялся, как бы кто из них не вкусил от древа познания добра и зла. Ибо в день, в который вкусят от него, смертью умрут.

Еще горячий пирог стоял на столе, и отец Евы как завороченный долго смотрел на него.

В третьем часу ночи Александр заставил себя дойти до постели. Он не знал, что Эмма ждет его. Она положила ладонь на живот мужа и несколько раз подряд прошептала, что хочет его.

*

Чтобы не задохнуться от собственных мыслей, Александр немного опустил окно в машине. А вдруг ему не дадут противоядие? Возможно ли такое? Нет, пожалуй, нет. Одновременная смерть двух сотрудников наделает много шума, а значит, по крайней мере, сейчас и он, и их договоренность в безопасности. Главное, пусть выкупят квоту, а дальше – будь что будет.

– Виктор! В общем, у меня для тебя сюрприз! – нетерпеливо выпалил Александр после взаимных приветствий.

– Не поверишь, но у меня тоже есть кое-что для тебя.

– Правда? Какое совпадение! Ну, не знаю, конечно, о каком сюрпризе говоришь ты, но с моим подарком совершенно точно ничто не сравнится.

– Любопытно. Удиви меня.

Из сумки появилась квадратная коробка, которую отец Евы ловко раскрыл.

– Яблочный пирог?

– Яблочный пирог! Считаю, что это наживка. Мы сейчас вместе его съедем, и тогда ты точно придешь к нам в гости. Потому что будешь хорошо знать, *что* тебя ждет.

– Очень самоуверенно, – продолжал улыбаться Виктор. – Что ж, давай пробовать!

И вот сердце человека с кривым носом стучит так сильно, что, кажется, собеседник сейчас услышит эту предательскую барабанную дробь. Обреченный откусил, разжевал и проглотил первый кусок, и Александр последовал его примеру. Дело сделано.

– Ладно, буду с тобой честен: пирог моего отца остался непревзойденным. Но благодарю. Твой тоже вкусный.

От напряжения у отца Евы на несколько мгновений заложило уши и закружилась голова. Он уперся локтями о колени и свесил голову.

– Что? Что? Прости. Я не расслышал.

– Говорю: вкусный пирог. Спасибо твоей жене. Я обязательно приеду к вам в гости, но пока не знаю – с Мариной или один. Что с тобой? Тебе плохо?

– Боже... Да, что-то все завертелось перед глазами. Кажется, прошло.

– Давно к врачу ходил? Вчера живот, теперь – это.

Александр уверил, что с ним все хорошо, и тогда Виктор повторил, что он тоже приготовил сюрприз.

– Ах, да! Выкладывай.

– Пару лет назад у меня был тяжелый период. Очень Тяжелый. Полагаю, не очень уместно сейчас вдаваться во все подробности... Но когда все кончилось, я обещал Марине, что буду помогать людям. Обещал, но с тех пор так ничего и не сделал. Ты вчера много всего рассказывал,

и я увидел твою искренность, открытость. Эти качества сейчас сложно встретить. Может быть, всегда было сложно. Не знаю. Ты говорил, что твоя жена сегодня пойдет к врачу, чтобы... сделать аборт, да?

– Да, сегодня она должна пойти к врачу.

– Так позвони ей и скажи, чтобы отменила. Я оплачу квоту. И ты мне ничего не должен. Будем считать, что в благодарность твоя жена уже приготовила для меня пирог. Мы в расчете. Договорились?

Александр как воды в рот набрал. Он не мог ни думать, ни говорить.

– Ты рад? – спросил по-свойски Виктор.

– Ты не понимаешь, что ты сейчас сделал. Ты не понимаешь... Боже... Могу я поговорить с женой?

– Неожиданная реакция. Конечно. Это же твоя жена. Зачем ты меня спрашиваешь?

*

Быстрыми шагами, почти переходя на бег, Александр прошел весь коридор и свернул за угол, где изумленный Виктор не мог его видеть. Мужчина с кривым носом сполз по стенке на холодный пол и сокрушенно посмотрел вверх.

– Боже, скажи, *что* мне делать.

Он застыл в этом положении и стал прислушиваться, будто и правда ожидал, что Всевышний даст ответ. Разумеется, Красная Башня не пропустила мимо ушей ни слова из разговора двух уборщиков. Александр понимал, что если раскроет Виктору правду, то не выйдет живым из здания. И тогда Эмма сделает аборт, у Евы будут настоящие ножки, но она лишится отца. Кроме того, без противоядия Виктор в любом случае умрет. Выходит, что единственный вопрос лишь в том, *что* выбирает сам Александр – умереть вместе с человеком, которого едва знает, или остаться в живых и решить все проблемы своей семьи?

– Зачем он хочет помочь мне, Боже? Это несправедливо... Это несправедливо... – шептал отец Евы. Он в ужасе обхватил и сжал ладонью свой рот.

Александр попытался собраться с мыслями и вдруг вспомнил, что у него всего двадцать минут, чтобы выпить противоядие. Он вскочил на ноги и бросился навстречу судьбе.

И вот та же дверь, что и вчера, и тот же человек за ней.

– Я пришел.

Сотрудник Красной Башни, как в романах про дворцовые интриги, вытащил из ящика прозрачную склянку с резиновой крышкой, поставил ее на стол и спросил:

– Вы ведь не будете делать глупостей?

– Красная Башня лучше меня знает, чего мне это будет стоить. Виктор хороший человек, но уговор есть уговор. Уговор же в силе?

– Вы получите все, что было обещано.

– Хорошо. Я могу взять противоядие?

– Возьмите. Выпейте здесь, при мне, и поставьте обратно. Дальнейшие инструкции получите позже. В зависимости от того, как будут развиваться события после сами знаете чего.

Когда Александр выпил напиток, собеседник попросил показать язык.

– Поздравляю, скоро вы снова станете отцом. Теперь можете идти.

Убийца дошел до двери, схватился за ручку, но затем вернулся к столу.

– Хочу передать вашему руководству важное сообщение. Если в будущем от меня что-то будет нужно, если я чем-то смогу быть полезен – я всегда готов, что бы это ни было. Я гарантирую полную лояльность при любых обстоятельствах, вне зависимости от того, что будет происходить со мной. В обмен прошу выполнить условия нашего договора и обеспечить безопасность моей семьи. Я рассчитываю, что мою преданность оценят и не станут от меня избавляться. И еще. Прошу рассмотреть возможность отправить меня на обучение, чтобы я мог занять в корпорации более

приемлемую позицию для человека, которому можно настолько доверять. Это не условие. Это предложение. Прошу, рассмотрите его. Я продаю душу Красной Башне, и с более высоким статусом мог бы приносить больше пользы – и себе, и ей. Спасибо. Это дело я доведу до конца. Я все сделаю как надо. Не переживайте об этом.

Он подготовил речь заранее: репетировал про себя весь вечер, но сейчас чуть было не позабыл о ней. С большим актерским мастерством отец Евы отыграл до конца весь рабочий день. Он вернулся и крепко обнял Виктора, согласился на его предложение, а потом принялся рассказывать разные истории, шутить, вслух мечтать о будущем. Теперь Александр в отличном положении – у него и без того не было мотива убивать, а теперь он по логике вещей должен день и ночь молиться о здоровье этого человека.

*

После работы Виктор решил пройтись и насладиться миром, в котором он совершил добро. Улыбка не сходила с его лица. Хотелось обнимать прохожих, сделать что-нибудь для них. До сего дня выпускника философского факультета никогда не мучила совесть из-за того, что он лишил Роберта жизни. Да, он сожалел о поступке, но не более того. Лишь теперь, в один из лучших дней своей жизни, Виктор почувствовал какую-то тайную боль и осознал: она с ним навечно, даже если он не всегда ощущает ее.

Высокий и худой мужчина забрел в букинистический магазин «Папирус», и запах старых книг проник в ноздри. Гостю вдруг стало так уютно, что он решил здесь задержаться.

– У вас замечательный магазин.

– Смотря с какой стороны посмотреть. Вы говорите, что он замечательный, но на самом деле его мало замечают. Впрочем, это к лучшему. Вы ищете что-то конкретное?

– По правде сказать, нет. Зашел из любопытства. Столько раз здесь проходил, но действительно ни разу не замечал... Так что вы, полагаю, правы. А теперь меня покорила этот запах.

Виктор показал руками на книги вокруг.

– Понимаю. Хотя запах этот я уже давно не чувствую, но находиться здесь и вправду приятно. По крайней мере, людям особого склада. Это не для всех.

Пальцы пробежались по корешкам книг. Фамилия одного из авторов привлекла внимание, потому что имела типичное для армянских фамилий окончание «-ян». Посетитель взял в руки небольшой труд и прочитал аннотацию. Это был дневник армянского консула в Египте, который тот вел вдали от отечества на протяжении сорока четырех дней Второй арцахской войны. Книгу отпечатали в одной из армянских типографий Каира.

Виктор сел за небольшой деревянный столик и открыл предисловие. Автор писал, что рано утром 27 сентября 2020 года его разбудила беременная вторым ребенком жена со словами, что на армянский Арцах напали, что началась война. Виктор уже знал, что купит книгу, но продолжил читать. Он потерял счет времени и, должно быть, просидел так больше часа. Заложив ладонью страницу, мужчина закрыл дневник. Он встал, и у него закружилась голова. Виктор решил, что поднялся слишком резко, и для того чтобы удержать равновесие, положил на столешницу кончики пальцев. Покачиваясь, он подошел к человеку за прилавком, который поинтересовался, все ли с ним хорошо.

– Просто голова кружится, – был ответ.

Выпускник философского факультета оплатил покупку и поспешил на свежий воздух. Он надеялся, что на улице ему станет лучше. Мужчина отворил дверь и сделал всего несколько шагов, как вдруг почувствовал, что сейчас потеряет сознание. Но Виктор не упадет в обморок. Сейчас он умрет. Умрет и, наконец, узнает, что нас ждет после смерти – Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус.

*

Виктор говорил, что они представители последнего или предпоследнего поколения, которые встретят смерть. Что ж, возможно. Тем ценнее его невольная жертва. Для Александра он навсегда останется героем, которого нужно было убить, ведь своей смертью Виктор спас жизнь ребенку.

Отец Евы просил Всевышнего вмешаться и помочь. Но неужели то, что произошло – воля Божья? Александр задавал себе этот вопрос, но даже не пытался ответить. Как иступленно молился он после того, как его стошнило в церкви! Казалось, с тех пор прошло целое тысячелетие. Что стало с тем человеком? Его больше нет – он тоже умер, потому что тот Александр не мог убить и тем более не мог после этого жить как ни в чем не бывало. Никакой тревоги. Он будто только что вернулся из долгого отпуска у моря.

*

На допросах Александр был внимателен и хладнокровен. Он не ошибался в ответах и больше не болтал лишнего.

– Вам известно, что он ел в тот день?

– Не знаю, что он ел на завтрак, но на работу я принес яблочный пирог, и мы съели его вдвоем. На обед кушали обычную еду из столовой – то же, что ели все. Кажется, Виктор взял печеные овощи и что-то еще. Никак не могу вспомнить, что именно.

– Где вы купили пирог?

– Сам приготовил.

– Где вы взяли продукты для пирога?

– Яблоки купил в магазине, остальное было дома.

– Вы заметили в тот день что-нибудь странное? Или, возможно, не странное, но что-то, о чем стоит рассказать?

– Он обещал, что даст деньги на выкуп квоты на второго ребенка и на лучшие протезы для моей дочери. Учитывая, что мы были знакомы всего день, это было странно. Что еще сказать? В тот день для меня все было странно. И я уже отвечал на все эти вопросы вчера.

– Ваша жена отменила посещение врача за день до того. Почему? Вы ведь еще не знали, что случится на следующий день.

– Конечно, не знал, но я до последнего боролся. Не хотел сдаваться. Когда встретил Виктора, немного узнал его, то подумал, что, возможно, это шанс. Возможно, этот святой человек поможет нам. Тогда я вернулся домой и попросил жену подождать еще немного.

– Супруга Виктора собирается исполнить волю мужа и помочь вам?

– Я не знаю. Я не говорил с ней. Мы не знакомы. Но я надеюсь, что она знает о его обещании. Мы с женой очень ждем ее звонка.

– Спасибо. Мы скоро свяжемся с вами снова.

*

Мужчина с усами улыбнулся и предложил сесть. Он торжественно объявил, что все прошло по плану, и настало время сообщить несколько новостей, среди которых есть как те, что понравятся Александру, так и те, от которых тот будет не в восторге.

– Пожалуйста, дослушайте до конца перед тем, как что-то говорить, – попросил представитель корпорации.

Отец Евы заметил, что считает себя собственностью Красной Башни и поэтому спокойно примет любые новости и решения. Собеседник благосклонно закивал и сказал, что полиция не подозревает его, Александра. В центре внимания следствия находится владелец букинистического

магазина «Папирус», мотив которого неясен, но за которым давно наблюдают в связи с другими делами. Мужчина с усами продолжил:

– Мы общались с вдовой и обещали ей полную поддержку в связи с медицинской экспертизой и расследованием. Она просила передать, что хочет выполнить обещание мужа и переведет на ваш счет необходимую сумму. Учитывая это, корпорация далее не считает себя связанной договором, который мы с вами заключили в устной форме. Ваша проблема фактически решена, а наша помощь в виде большой суммы в свете последних событий вызовет дополнительные вопросы. Вместе с тем Красная Башня готова поддержать ваше предложение о продвижении по карьерной лестнице. Мы полагаем, что вы можете быть полезны на переговорном направлении. Сейчас для вас подбирают учебный курс. Рассчитываем, что вы начнете обучение в ближайшее время. И позднее: исправьте, наконец, свой нос. Вам не идет. Корпорация оплатит операцию.

Александр понял, что победил.

*

Виктора похоронили рядом с отцом, и солнце, как всегда, не потухло. Затем прошло несколько лет. Марина нашла хорошую няню, без помощи которой едва бы справилась. Ребенок и работа постепенно возвратили воды жизни в привычное русло. Мама Филиппа задумалась о том, чтобы снова выйти замуж. У нее завязались отношения с одним из коллег, и вскоре оба почувствовали, что могли бы стать семьей.

Со смерти Виктора она старалась не заходить в его кабинет, но не так давно осознала, что ей теперь не будет больно сделать это. И вот уже женщина разбирает книги и вещи. Она решила полностью поменять интерьер, чтобы ничто не напоминало о покойном. Не потому, что Марина хотела его забыть, но потому, что, по ее убеждению, мертвые не должны быть рядом с нами каждую минуту. Они должны приходить лишь тогда, когда мы усилием воли вызываем их в своей памяти. Мертвые не должны мешать жить дальше.

Филипп учился в третьем классе и, в отличие от многих сверстников, ходил в школу, а не посещал виртуальные классы. Это был выходной день, и, пока сын играл с друзьями, Марина занималась дома спортом. Она сделала несколько глотков свежевыжатого апельсинового сока и поставила стакан на стол, чтобы вернуться к беговой дорожке. Месяц назад она приобрела этот тренажер и осталась очень довольна покупкой. Женщина встала на беговое полотно и на пульте управления выбрала излюбленный режим. На экране возникло изображение, и как только Марина сделала первые шаги, австралийский пейзаж задвигался вместе с ней. Едва заигравшую музыку вдруг прервала система управления домом. София известила, что звонят из полиции. Женщина остановила тренажер и сошла с него. Она подключилась к телефонному разговору и поздоровалась. Сотрудник полиции уточнил, с кем он говорит, и сказал, что Филипп в участке.

– Что случилось? – воскликнула Марина.

– С ним все в порядке, но он зачем-то разжег костер в роще недалеко от вашего дома. Вам нужно приехать, ответить на несколько вопросов и забрать его.

Ноги женщины подкосились. Она уже когда-то слышала эту историю. И тогда, набросив легкую куртку, Марина ринулась в гараж к автомобилю. Теперь она бежала по-настоящему, и на встречу ей спешили не столовые горы Австралии, а собственное прошлое.

15.12.2020, Каир – 07.05.2023, Ереван